

Кр-606377
63.3(4Бен)-422
М47

В. И. МЕЛЕШКО

КЛАССОВАЯ
БОРЬБА
В БЕЛОРУССКОЙ
ДЕРЕВНЕ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ

XVII-XVIII в.

кр-6 06377
9(сз)
м47
63.3 (4Бел) - 422

Бел

АКАДЕМІЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
Институт истории

В. И. МЕЛЕШКО

**КЛАССОВАЯ
БОРЬБА
В БЕЛОРУССКОЙ
ДЕРЕВНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVII—XVIII в.**

Научный редактор
доктор исторических наук
З. Ю. Копыцкий

Проверено 2002 г.

Исторический музей

ББК 63.3(2Б)46
М47

Рецензенты:
доктора исторических наук
Е. М. Карпачев, А. П. Пьянков, В. В. Чепко

0505040000—064
М.—10—81
М316—82

© Издательство «Наука и техника», 1982.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Классовая борьба составляет важную закономерность развития антагонистического классового общества. В условиях феодализма полностью проявилось ее значение как непосредственной движущей силы исторического процесса. «Классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской,— отмечал В. И. Ленин,— лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований»¹. Борьба угнетенных масс подрывала устои феодализма, крепостнические отношения, объективно способствовала формированию в недрах феодального строя более прогрессивных для того времени капиталистических отношений.

Изучение истории классовой борьбы крестьянства для историков является первоочередной задачей, так как без ее решения нельзя правильно понять и объяснить сущность и характер всего процесса развития феодального общества.

Хронологические рамки исследования охватывают два периода в истории Белоруссии. Первый период (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.) — это время разрухи, вызванной рядом войн (русско-польской, польско-шведской, Северной), сопутствующими им эпидемиями и эпизоотиями. Хотя после войн в наступившее мирное время происходило восстановление хозяйства, в целом до середины XVIII в. оно не вышло из состояния упадка. Второй период включает для восточной части Белоруссии 50—60-е годы, для западной и центральной 50-е—90-е годы XVIII в., т. е. до воссоединения с Россией. Он характеризуется завершением восстановления сельского хозяйства, дальнейшим ростом экономики села, новыми явлениями в поместном хозяйстве, развитии производственных отношений.

В области внутривластной обоим периодам свойствен процесс усиления власти и влияния в стране магнатов. Борьба магнатских группировок во второй половине XVII — первой половине XVIII в. усугубляла дезорганизацию государственной власти. Это было время резкого усиления феодальной анархии и национально-религиозного угнетения белорусского населения. В 60-х годах и последующих десятилетиях XVIII в. верховная власть предпринимала попытки обуздать феодальный произвол. Сеймы Речи Посполитой принимали решения, имеющие своей целью стабилизацию экономической и политической жизни. Они должны были содействовать усилению авторитета верховной власти, ограничению своеволия магнатов и шляхты. Но преодолеть политический упадок ни король, ни сеймовые постановления не смогли. Для такого поворота событий шляхетская Речь Посполитая во второй половине XVIII в. не имела ни социальных, ни экономических предпосылок. «Эта основанная на грабеже и угнетении крестьян дворянская республика, — писал Ф. Энгельс, — находилась в состоянии полного расстройтва»².

В центре внимания настоящей работы является исследование положения крестьянских масс Белоруссии, конкретно-исторического содержания, форм и классовой сущности развернувшегося крестьянского движения в рассматриваемый период.

Многолетние поиски архивных материалов позволили внести существенные уточнения в освещение исследуемой темы. Выявленные в архивах документы дали возможность полнее раскрыть формы сопротивления крестьян феодально-крепостническому угнетению, ход и характер вооруженных выступлений, особенности крестьянского движения.

В книге приведены ранее неизвестные данные о Кричевском восстании и его руководителе Василии Вощиле. На их основе по-новому освещена эта наиболее яркая страница истории антифеодальной борьбы белорусской деревни.

Важное значение имеет выяснение сложившихся в исторической литературе представлений о борьбе крестьян против феодального гнета. Трактровка всей проблемы убеждает читателя в научной несостоятельности и реакционной сущности взглядов дворянских и бур-

жуазных историков, отрицавших борьбу крестьянства против феодального гнета.

Проведенный обзор литературы позволил определить достигнутый уровень изучения данной проблемы и направление поиска для более полного ее освещения.

Автор не претендует на исчерпывающее решение задач, которые выдвигает рассматриваемая тема. Новые изыскания в архивных фондах, несомненно, будут способствовать дальнейшему изучению истории белорусской деревни в эпоху феодализма, антифеодальной борьбы крестьянских масс.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

История классовой борьбы в белорусской деревне в период феодализма изучена недостаточно. В буржуазной историографии она по существу не затрагивалась. Буржуазно-дворянские историки игнорировали социально-политическую борьбу крестьянских масс. Они ограничивались преимущественно наблюдениями над жизнью горожан и крестьянства о идеалистических позиций формально-юридической школы. Дать научное освещение истории дворянско-буржуазная историография не могла, ибо ее исторические теории были далеки от раскрытия законов общественного развития. Чуждые материалистическому пониманию истории немарксистские исторические теории, указывал В. И. Ленин, имели два главных недостатка: «Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения... в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»¹.

В белорусской советской историографии предвоенных лет отчетливо проявилось стремление осмыслить сущность аграрной истории Белоруссии в эпоху феодализма. У историков возрастал интерес и к истории классовой борьбы в крепостной белорусской деревне. Главным предметом исследований В. К. Щербакова, вышедших в свет в 1934—1935 гг., является крестьянско-ка-

зацкое движение в конце XVI—XVII в., а также Кричевское восстание в 40-х годах XVIII в.² В них автор отмечает усиление эксплуатации крестьянства в связи с развитием товарно-денежных отношений и, как следствие этого, нарастание антифеодального сопротивления. В его работах подчеркивается отличие целей борьбы, которые ставили перед собой барщинные и оброчные крестьяне, предпринята попытка объяснить причины широкого размаха крестьянского движения в юго-восточной части Белоруссии.

Однако характеристика В. К. Щербаковым классовой борьбы построена на ограниченном числе источников и поэтому, как нам представляется, некоторые его суждения о крестьянском движении ошибочны. Нельзя, например, согласиться с утверждением, что крестьяне Белоруссии в XVI—XVII вв. «боролись за уничтожение феодально-крепостнического режима»³. В тех конкретно-исторических условиях белорусское крестьянство не могло решать такой задачи, присущей, как известно, этапу буржуазной революции. Источники не подтверждают мнения В. Щербакова, считавшего, что крестьяне-оброчники вели борьбу за «завоевание полной свободы в отношении распоряжения той землей, которая находилась в их руках... за уничтожение поборов»⁴.

Ограниченность данных в изученных им источниках не позволила В. К. Щербакову широко осветить предпосылки и ход восстания крестьян в Кричевском старостве. Этим же обстоятельством обусловлена ошибочность его характеристики социальной направленности, целей и задач борьбы, которую вели восставшие крестьяне Кричевского староства⁵.

Тема крестьянского движения в феодальную эпоху получила освещение в работе И. Ф. Лочмеля «Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов в XVI—XVIII вв.» Книга И. Ф. Лочмеля выгодно отличается тем, что в ней шире показано крестьянское движение. Но к оценке характера движения И. Ф. Лочмель подошел односторонне, представив антифеодальные выступления крестьян как борьбу против польских феодалов. Такая подмена классовой основы движения национальным мотивом искажает историческую действительность, реальное содержание и значение крестьянской борьбы в Белоруссии в феодальную эпоху.

Историографии довоенного периода не удалось преодолеть слабости анализа важнейших социально-экономических явлений феодальной эпохи Белоруссии. Сказывалось влияние теории торгового капитала, взгляда на Белоруссию как на колонию, теорий «единого потока» и «золотого века». Ошибочные, ненаучные точки зрения, ограниченность необходимых исторических источников у исследователей порождали неточное и порой неверное представление о различных сторонах аграрной истории Белоруссии. Сказывались и недостатки в теоретической подготовке, в усвоении марксистско-ленинской методологии научного исследования.

В послевоенные годы проблема антифеодального крестьянского движения в Белоруссии привлекла внимание многих историков. Однако главный упор делался на изучение национально-освободительной войны белорусского народа в середине XVII в.⁶

Борьбе крестьянских масс в конце 60-х годов XVII и в XVIII в. в исторической литературе уделено меньше внимания. Причем основная часть публикаций посвящена восстанию крестьян в Кричевском старостве в начале 40-х годов XVIII в.⁷ Авторы работ, в которых освещается Кричевское восстание, пользовались главным образом отдельными документами, опубликованными в «Историко-юридических материалах», «Могилевской старине», сборнике документов и материалов «Белоруссия в эпоху феодализма» (т. II), а также рукописью Андрея Мейера «Описание Кричевского графства или бывшего староства». Ограниченность материала не позволила исследователям осветить в должной мере затронутые ими вопросы и тем более всего восстания. Она явилась причиной не только поверхностного освещения самого восстания, но и ошибочных выводов, к которым пришли отдельные исследователи.

Антифеодальную борьбу крестьян в государственных владениях в XVII—XVIII вв. проследил в ряде работ Д. Л. Похилевич. Он рассматривает несколько форм этой борьбы (отказ от выполнения повинностей, подача жалоб, бегство). Широко освещены им выступления крестьян в Слонимском старостве в XVI—XVIII вв.⁸

Д. Л. Похилевич обстоятельно исследовал эволюцию социально-экономического положения государственных крестьян Белоруссии и, в частности, движение феодаль-

ной ренты в XVI—XVIII вв., что в известной мере позволяет понять и объяснить характер, остроту и формы классовой борьбы в белорусской деревне в период развитого и позднего феодализма.

В свете доказательств, приведенных Д. Л. Похилевичем, рента развивалась не по прямой, а по зигзагообразной линии, в зависимости от общих экономических и политических сдвигов в стране, от складывавшегося соотношения классовых сил. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. преобладала, считает он, отработочная рента. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. ведущее значение приобрела смешанная рента. Но в ее структуре натуральная и особенно денежная рента значительно потеснили отработочную, особенно в государственных имениях. С 30-х годов XVIII в., в ходе восстановления фольварочного хозяйства, на большей части территории Белоруссии снова главную роль начинает играть отработочная рента⁹.

Изучением положения крестьян и классовой борьбы в магнатских вотчинах Белоруссии в конце XVII—XVIII в. занимался П. Г. Козловский¹⁰. В его трудах рассматриваются вопросы, относящиеся главным образом к развитию производительных сил (рост численности сельского населения, эволюция земледелия, животноводства, промыслов и ремесла). Автор освещает динамику земельного надела, изменение форм феодальной ренты, усиление эксплуатации крестьянских масс, рыночные связи крестьянского хозяйства, а также процесс разложения феодальных производственных отношений и зарождение капиталистического уклада в сельском хозяйстве. Касаясь классовой борьбы в магнатских владениях, им вкратце отмечены такие формы сопротивления крепостных усилению феодального гнета, как жалобы, снижение производительности труда на барщинных работах, уклонение крестьян от барщинных работ и уплаты денежных и натуральных оброков, бегство, браконьерство, потравы посевов, порубки леса и вооруженные выступления.

Проблемы экономического положения и социально-политической борьбы белорусского крестьянства освещаются в работах Я. Н. Мараша. В них показано влияние католической экспансии на усиление крепостнического гнета, обострение социальных противоречий в

Белоруссии, рост антифеодальной борьбы крестьянства¹¹.

Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией во второй половине XVII—XVIII в. рассматривается в монографии А. П. Игнатенко «Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией». Автор пытается выяснить экономическое и политическое положение Белоруссии, проследить направление, формы и характер борьбы белорусского народа против социального и национально-религиозного гнета.

Приведенные автором факты не подтверждают его общего вывода, согласно которому якобы «больше половины городского населения по своему имущественному положению стояло на грани нищеты»¹², что в течение всех этих полутора столетий «города и села пустели»¹³.

Не подтверждают исследования советских историков, построенные на большом фактическом материале, утверждения А. П. Игнатенко, «что феодалы заставляли всех членов крестьянской семьи работать на барщине по четыре-пять, а иногда и шесть дней в неделю»¹⁴.

Лишена оснований позиция автора, игнорирующего особенности соотношения форм феодальной ренты, сложившейся на востоке Белоруссии. Для Восточной Белоруссии второй половины XVII и до 70-х годов XVIII в. совершенно несостоятельно утверждение автора, что «не денежная рента, а барщина занимала преобладающую роль в системе феодально-крепостнической эксплуатации белорусских крестьян»¹⁵.

В работах А. П. Игнатенко крайне преувеличен размах крестьянского движения в Белоруссии. Сравнительно небольшие выступления, «бунты» крестьян, го-рожан автор причисляет к высшей форме классовой борьбы — восстаниям¹⁶.

Отмеченные выше и другие имеющиеся в монографии недостатки вытекают из нечеткой методологической позиции автора, обусловившей явное искажение конкретной исторической обстановки.

Отдельные выступления народных масс против феодального и национально-религиозного угнетения рассмотрены в соответствующих разделах (с. 404—418) первого тома «История Беларуси ССР» (Мн., 1972).

Некоторые вопросы антифеодальной борьбы белорусского крестьянства в XVII—XVIII вв. затронуты в

современной польской историографии. В. Куля, например, изучал тексты крестьянских жалоб¹⁷. М. Лех посвятил свои труды вооруженным выступлениям крестьян в Кричевском старостве и на Каменщине в XVIII в. Наряду с известными исторической литературе фактами он привлек новые материалы польских архивов по Каменецкому восстанию в 1754—1756 гг.¹⁸ Сопrotивление крестьян Шкловского графства в XVII—XVIII вв. феодальному гнету на ограниченном материале рассматривает М. Топольская¹⁹.

Рассмотренная нами историография убеждает, что классовая борьба в Белоруссии в XVII—XVIII вв. была в центре внимания советских и современных польских историков. Однако исследования их строились на ограниченном круге источников и касались главным образом крупных вооруженных выступлений, восстаний крестьян и городских низов. Восстание крестьян в Кричевском старостве в начале 40-х годов XVIII в. освещается в 23 специальных и общих работах. Повседневная, будничная борьба масс в «мирный» период большинством историков упускалась из виду, что «не позволяло вскрыть с достаточной глубиной предпосылки крупных движений, представить классовую борьбу как непрерывающийся и органически присущий феодальному процесс»²⁰.

Состояние историографии интересующей нас проблемы позволяет заключить, что до настоящего времени многие вопросы классовой борьбы в белорусской деревне во второй половине XVII и XVIII в. освещены недостаточно. Они требуют всестороннего и глубокого изучения, без чего невозможно восполнить пробел во всей аграрной историографии Белоруссии. Это касается прежде всего предпосылок крестьянского движения. В историографии недостаточно уделялось внимания социальному аспекту в характеристике положения крестьян. В ряде уточнений нуждается освещение экономического состояния крестьянского хозяйства в целом, т. е. во всех типах феодальных владений, поскольку в историографии эта проблема в таком плане не рассматривалась.

Углубленного изучения требует проблема классовой борьбы в белорусской деревне. В исторической литературе в центре внимания были главным образом крестья-

янские восстания. Другие формы крестьянского сопротивления феодальному гнету не получили широкого освещения.

Решение этих вопросов основано нами на анализе данных широкого круга источников, значительная часть которых еще не была известна читателю. Источники эти почерпнуты из архивов и отделов рукописей библиотек нашей страны и Польской Народной Республики. К ним относятся инвентари и люстрации феодальных владений, жалобы (суплики) крестьян, актовые книги местных судебных органов, корреспонденции феодалов. инструкции и распоряжения земельных собственников.

Инвентари феодальных владений — ценный источник для изучения социально-экономического положения крестьян. Они содержат подробное описание частновладельческих, государственных, королевских и церковных владений. Важность и значение их раскрыты в ряде работ историков²¹. Материалы инвентарей лежат в основе ряда исследований по социально-экономической истории Белоруссии в эпоху феодализма.

В инвентарях, помимо подробного описания господского двора и хозяйства, его хозяйственных объектов, промысловых предприятий и питейных заведений, размеров и структуры фольварочных посевов, состояния животноводства, имеются сведения и о крестьянском наделе, его структуре и размере, количестве рабочего, а иногда и продуктивного скота в крестьянском хозяйстве. В инвентарях подробно представлены все виды и размеры повинностей крестьян и других категорий зависимого сельского населения, бояр, земян, ремесленников — слуг, бобылей, огородников и др.). Приведенные в них факты о бегстве крестьян от своих владельцев весьма ценны для характеристики классовой борьбы в белорусской деревне.

В указанном источнике получили полное отражение последствия стихийных бедствий, разорительных войн, междоусобной борьбы. По данным инвентарей можно проследить также пути восстановления экономики, процесс крестьянской колонизации, направленные развития поместного хозяйства, эволюцию феодальной ренты, положение и имущественную дифференциацию крестьян, наем в господском и крестьянском хозяйстве. Для историка-аграрника, изучающего аграрные отношения, в том числе и классовую борьбу в Белоруссии, Литве, Польше, на Украине, в эпоху феодализма, инвентарь является первостепенной важности историческим источником. Вместе с тем следует отметить, что инвентарь не дает исчерпывающие данные о хозяйстве и повинностях крестьян. В нем нет данных о крестьянских посевах и урожайности, орудиях сельскохозяйственного труда. Объясняется это прежде всего классовым характером источника. Поскольку феодала крестьянин интересовал как объект эксплуатации, то в инвентаре наиболее полно показаны крестьянские повинности и те стороны его хозяйства, на основе которых исчислялся размер ренты (земельный надел, скот). Однако в инвентаре зафиксированы лишь нормы повинностей, а они не отражали действительной тяжести феодальной эксплуатации. Инвентари не гаранти-

ровали непосредственным производителям соблюдения указанных в них норм ренты. Феодальная администрация, посессоры, а также другие держатели имений с целью личной наживы сплошь и рядом нарушали инвентарные предписания и, как правило, обременяли крестьян более высокими повинностями. Такое явление характерным было не только для Белоруссии, но и для Украины, Литвы и Польши²².

Разновидностью инвентарного описания являлись **люстрации**, или ревизии, государственных владений — староств. Задачей их было определение экономического состояния этих владений с целью установления кварты, т. е. четвертой части их дохода, поступавшего в государственную казну.

В люстрациях содержатся сведения о доходности от господского (фольварочного) хозяйства, промысловой деятельности, аренды питейных заведений и промысловых предприятий. Правда, во многих случаях приводятся лишь общие данные о доходности от той или иной отрасли фольварочного хозяйства или аренды, например, корчем, руден, мельниц и т. д.

Однако, поскольку значительную, а нередко и преобладающую часть доходности староств составляла феодальная рента, в люстрациях имеются сведения о повинностях крестьян и земельном наделе. Обычно в них указаны количество и наименование сел, число крестьянских дворов (дымов), бобылей, людей лезных, наличие слобод и их льготные годы, т. е. сроки, на которые новопоселенцы освобождались полностью или частично от повинностей, перечислены поименно дворохозяева. Данные этого источника позволяют в известной мере судить о социально-экономическом положении государственных крестьян.

Негативной стороной люстраций является то, что в них нет сведений о количестве рабочего и продуктивного скота в крестьянских хозяйствах, о крестьянских посевах и урожайности, структуре земельного надела, сенокосных угодьях и огородах, о составе крестьянской семьи. Отсутствие таких сведений лишает исследователя возможности полно и всесторонне изучить экономику непосредственных производителей.

В люстрациях нередко в приуменьшенном виде зафиксирована феодальная рента, учтены не все повинности, которые фактически выполняли крестьяне. И это не случайно, а обусловлено заинтересованностью посессора или старосты в увеличении своей доли дохода. Так, в люстрациях староств Пропойского, Любоничского, Росохацкого, держав Головачи, Столпня, Мерколович, Васин, Стрелки, Даниловичи, Новоселки Речицкого повета из всех повинностей крестьян значатся только чинш и натуральный оброк, а в люстрации староства Чудинского, Головичицкого, Езерского и Мирогоского — один чинш²³. Не показан, а следовательно, и не учтен доход от таких повинностей, как подводная, сторожа, шарварки, а также различные денежные платежи, которых насчитывалось, как свидетельствуют крестьянские жалобы, несколько десятков²⁴.

Учитывая все это, мы в своем исследовании критически относимся к данному источнику. Чтобы не прийти к ошибочным выводам, сведения люстраций нами сопоставлялись с другими документами, прежде всего с инвентарями и жалобами крестьян.

Жалобы крестьян (суплики). Этот вид особенно важен для освещения причин и характера сопротивления крестьянства феодаль-

ному гнету и произволу. Жалобы наиболее полно характеризуют бедственное положение основной части сельского населения, государственных, магнатских, церковных владений.

Жалобы излагались в письменной или устной форме. Они были индивидуальные и коллективные, подаваемые от села, волости, ключа, а то и всего владения. Это позволяет провести географическую локализацию крестьянского движения, определить его размах.

Больше всего сохранилось сулик государственных крестьян. Очевидно, их и было больше по сравнению с жалобами частновладельческих и церковных крепостных. Почти все государственные владения (староства, державы, экономии) постоянно находились в пожаловании, аренде и других формах держания у разных лиц, подвергавших крестьян жестокой эксплуатации путем произвольного увеличения инвентарных норм феодальной ренты и прямого грабежа с целью личной наживы.

Во многих жалобах говорится об уходе крестьян из владения и объясняются причины, его вызвавшие. Сведения эти дают возможность в известной мере проследить значение в крестьянском движении такой формы сопротивления феодальному гнету, как бегство.

Важным моментом в изучении жалоб является установление, действительно ли они исходили от крестьян. Дело в том, что среди крестьянских сулик на произвол арендаторов и администрации имений можно встретить такие, которые писались не по просьбе крестьян, а посторонним лицом, преследовавшим цель мести своим противникам, или конкурентам. По форме такие жалобы ничем не отличались от обычных крестьянских, но в них искажалось действительное положение вещей. Несколько такого рода жалоб обнаружено в архивном фонде Радзивиллов²⁵. Они относятся к Кричевскому староству первой половины XVIII в. и были написаны мещанином Кричева от имени подданных Кричевской волости, хотя крестьяне не имели к ним никакого отношения.

Жалобы крестьян в сочетании с данными об их хозяйстве (наделе, обеспечении рабочим и продуктивным скотом) и повинностях, содержащихся в инвентарях, позволяют определить форму и фактический, а не нормативный размер ренты. Они же являются источником для характеристики настроения крестьянства, его отношения к господствующему классу и существующей системе эксплуатации.

И хотя жалобы широко и всесторонне раскрывают лишь легальную форму классовой борьбы, они вместе с тем проливают свет и на те обстоятельства, которые порождали открытые выступления крестьян, их вооруженное сопротивление феодальному гнету. Большое количество жалоб нами выявлено в ряде архивов и впервые вводится в научный оборот.

Актовые книги. Этот вид источников слабо изучен. В судебных книгах фиксировались земельные сделки феодалов (купля-продажа, сдача в аренду, залог имений и др.), долговые обязательства, тяжба землевладельцев, привилей и дарственные грамоты польских королей, а также инвентарные описания имений, которые содержат ценные сведения о положении крестьян и их борьбе против феодального гнета.

Особенно богаты данными о социально-экономическом положении крестьян актовые книги городских судов. Они содержат много

сведений о грабежах, бесчинствах, чинимых воинскими командами, расквартированными в селах и городах владений, а также расходах, которые несли крестьяне на содержание хоругвей во время их постоев в селах и переходов через владения.

Положение крестьян характеризуют содержащиеся в актах городских судов данные о шляхетских наездах на владения. Они касаются главным образом разорений крестьянского хозяйства, ограблений и побоев крестьян, увода шляхтой в свои имения крепостных²⁶.

Дела городских судов богаты сведениями о сопротивлении крестьян усилению феодального гнета. В многочисленных жалобах и протестах шляхты, поданных в суд, приводятся факты бегства крестьян от своих владельцев. Жалобы эти подавались главным образом в связи с тем, что феодалы не хотели возвращать беглых крепостных прежнему хозяину. В бесплатной рабочей силе крепостного нуждались феодалы и поэтому нелегко шли на возврат ее бывшему владельцу, хотя ряд сеймовых постановлений запрещал не только поселять в своих владениях беглых, но даже задерживать их на какое-то время.

Такого рода жалобы имеются в актовых книгах городских судов Минска, Мстиславля, Мозыря, Бреста, Слонима и др.²⁷ В одной из таких жалоб, занесенной в 1672 г. в книгу Мозырского суда, земле Мозырского повета жаловались на шляхтича Силчица, который не хотел выдать бежавших в его владение в Брагинской волости 63 крестьянские семьи²⁸. В отдельных жалобах содержатся подробные сведения о бежавших крестьянах, указываются их фамилии, состав семьи, количество забранного с собой скота и разных вещей, перечисляются населенные пункты, откуда совершено бегство и куда конкретно бежали. Данные эти ценны для характеристики бегства как формы классовой борьбы, ибо позволяют выяснить такие ее стороны, как направление бегства, кто бежал (имущие или немущие крестьяне), как бежали — в одиночку или семьями, группами или одной семьей, с имуществом своим или без него. Во многих, если не в большинстве записей не установлено место, куда бежали крепостные.

Многие документы городских судов отражают и другие формы классовой борьбы. Например, о вооруженных выступлениях крепостных имеются сведения в актах Мстиславского, Минского, Слонимского, Речицкого, Гродненского, Волковысского городских судов.

Важными источниками для исследования положения крестьян и классовой борьбы в белорусской деревне являются акты и постановления (декреты) комиссарских и магдебургских судов. В них отложились материалы, отражающие антифеодальное движение, в том числе крупные вооруженные выступления крестьян в ряде государственных владений в XVIII в. Так, в книгах Кричевского магдебургского суда за 1744 г. находится судебный приговор руководителям и участникам восстания в Кричевском старостве в начале 40-х годов XVIII в. В обвинительной части приговора подробно описываются действия восставших, направленные против феодального гнета в этом владении. Данные приговора наряду с другими позволяют глубже изучить классовую борьбу, дать обстоятельную характеристику предпосылок одному из крупнейших антифеодальных выступлений народных масс в Белоруссии в XVIII в.

Данные о социально-экономическом положении крестьян содер-

жат акты книги земских и каптуровых судов, Главного трибунала Великого княжества Литовского. В земских книгах, например, наряду с другими материалами (привилеи польских королей шляхте, инструкции послам на сеймики и сеймы, дарственные подтверждающие грамоты, земельные сделки феодалов, завещания и т. п.) находим многочисленные факты о притеснении крестьян державцами и администрацией имений, шляхетских наездах, причинявших крестьянскому хозяйству большой ущерб, бесчинствах военных команд, бегстве крестьян из владений и других формах сопротивления феодальному гнету.

Сведения, характеризующие положение крестьянских масс и их классовую борьбу, отложились в тяжбах между феодалами, которые вносились в акты земских судов. Документы тяжб между феодалами касаются бегства крестьян от своих владельцев, невыдачи их прежним хозяевам.

В земские книги вносились инвентарные описания имений. Многие из них представляли собой визи, т. е. описи, составленные при осмотре имения обычно с участием спорящих сторон и представителей земской канцелярии, и поэтому они более достоверны²⁹.

Книги каптуровых судов содержат инвентарные описания, записи тяжб между феодалами за невыдачу или задержку у себя на какое-то время беглых крепостных, жалобы одних землевладельцев на других в связи с нападениями их крепостных на имения. В актах этих судов можно встретить материалы о крупных вооруженных выступлениях крестьян. Например, в книгу Мстиславского главного каптурового суда в ноябре 1696 г. была внесена жалоба Я. Поломского — поручика и других шляхтичей панцырной хоругви Г. Огинского на державцу, магистрат, всех мешан и крестьян Кричевского староства, выступивших с оружием в руках против указанной хоругви и изгнавших ее из владения³⁰.

Акты высшей апелляционной инстанции — Главного трибунала Великого княжества Литовского — часто отличались от записей судов первой инстанции более подробным изложением дела. В них детально сообщалось о положении крестьян, их сопротивлении феодальной эксплуатации, нападении на имения феодалов и др.

В целом акты являются богатейшим источником по истории аграрных отношений и, в частности, по социально-экономическому положению крестьян Белоруссии в период позднего феодализма. Содержащиеся в них документы позволяют глубже изучить экономическое состояние крестьянского хозяйства, юридическое положение непосредственных производителей, формы феодальной эксплуатации крестьян и их классовую борьбу.

Однако, ввиду того что основная масса актов документов исходила от феодалов, т. е. из среды господствующего класса, проводившего антинародную политику, относиться к ним следует предельно критически.

Литовская метрика представляет собой архив канцелярии Великого княжества Литовского, состоящий из различного рода входящих и исходящих документов названной канцелярии. Материалы метрики относятся к периоду XV—XVIII вв. Они оформлены в виде книг численностью около 600 шт. Подлинники метрики сохранились за XVII—XVIII вв. За более ранний период до нас дошли лишь копии документов, снятых в конце XVI в. для текущего пользования с целью сохранности оригиналов³¹.

Метрика является важным источником по социально-экономической и политической истории Белоруссии и Литвы, Украины, до момента включения ее в состав Короны, а также той части русских земель, которые в свое время были присоединены к Великому княжеству Литовскому. В ней содержатся законодательные акты, великокняжеские и королевские грамоты, привилеи городам, местечкам, селам, отдельным группам населения, уставы, пожалования земельных владений, должностей, учреждения ярмарок, торгов, цехов, утверждение земельных сделок и завещаний, судебные приговоры, разнообразные документы, связанные с возбуждением, рассмотрением судебных дел и исполнением приговоров, документы на сдачу в аренду мыта, корчем и других государственных доходных статей, на взимание таможенных сборов, переписка, договоры и другие документы по международным отношениям и т. п.³²

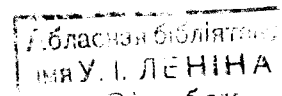
Большую важность как источник Литовская метрика представляет и для исследования социально-экономического положения крестьян. Особую ценность в этом отношении имеют акты Задворного ассessorского суда Великого княжества Литовского. В них содержатся многочисленные сведения, характеризующие положение государственных крестьян и их борьбу против феодального гнета. Насколько выразительны и важны эти материалы, видно, например, из декрета, изданного Задворным ассessorским судом в марте 1780 г. по поводу действий инквизиционной комиссии в имении Коллудеж (Гродненский повет). В нем засвидетельствованы факты злоупотреблений, вымогательства у крестьян сверхинвентарных платежей, натуральных повинностей, избияния подданных, запрещения им продавать сельскохозяйственные продукты и другие акты насилия.

О произволе, нарушении инвентарных норм в сторону их увеличения диспозиторами и посессорами Борисовского и Бортынского староств сообщается в королевской грамоте, составленной в 1778 г. на основании крестьянских жалоб³³. Злоупотребления администрации и державцев имений, несоблюдение ими инвентарей зафиксированы в других королевских грамотах, судебных декретах³⁴.

Королевские грамоты и предписания сообщают о неподчинении крестьян феодальной администрации, державцам староств, об отказе их выполнять повинности и чинимых «бунтах». Из одного такого предписания узнаем о выступлении крестьян в 70-х годах XVIII в. в Борисовском и Бортынском староствах³⁵. В актах Задворного ассessorского суда за 1679 г. находятся материалы об отказе крестьян сел Мелькановичи, Соленики, Соколово, Неклюдово и других Слонимской экономии отбывать повинности, выступления их против старосты Сапеги³⁶.

Материалы Задворного ассessorского суда, находящиеся в Литовской метрике, проливают свет на взаимоотношения феодалов, владельцев государственных имений и их подданных, тяжелое положение зависимого сельского населения, терпевшего феодальный гнет, который усиливался произволом со стороны временных хозяев-арендаторов, посессоров и других держателей королевщины, острую и упорную борьбу крестьян против своих угнетателей, а также меры, предпринимаемые господствующим классом с целью подавления народного сопротивления.

Корреспонденция феодалов — это главным образом переписка земельных собственников со своими подчиненными (администрацией

имений и фольварков, комиссарами и другими должностными лицами), арендаторами, посессорами, командованием военных отрядов. В основной массе документы эти не опубликованы и почти не использованы исследователями. Сосредоточены они в основном в фамильных фондах магнатов и хранятся в архивах нашей страны и Польской Народной Республики. В Главном архиве древних актов в Варшаве, в фонде Радзивиллов, например, насчитывается свыше 45 тысяч писем³⁷.

Корреспонденция феодалов существенно дополняет сведения из других источников о состоянии хозяйства, положении крестьян. Она содержит интересные материалы, касающиеся классовой борьбы, которых зачастую нет в других источниках. В письмах к своим хозяевам арендаторы, комиссары, другие должностные лица нередко сообщали о неповиновении крепостных, отказе выполнять феодальные повинности, уходе по различным причинам из владений, вооруженных выступлениях.

В переписке землевладельцев содержатся сведения не только о сопротивлении крестьян, но и о мерах, предпринимаемых феодалами по подавлению этого сопротивления.

Особенно большую ценность в этом отношении представляет переписка Радзивилла со своей администрацией и командованием военных отрядов, касающаяся крестьянского движения и восстания в Кричевском старостве в 30-х — начале 40-х годов XVIII в. Переписка сообщает факты, ранее не известные исследователям, изучавшим Кричевское восстание по другим источникам. Данные, содержащиеся в письмах администрации староства к Радзивиллу, позволяют судить о настроении крепостных, их отношении к арендаторам, владельцу староства Радзивиллу и к его должностным лицам. В переписке есть сообщения, по которым можно проследить ход подготовки вооруженного выступления и само восстание, его размах и направленность, назвать крестьянских вожakov и их помощников.

Большой интерес представляют сведения о связи руководителей восстания с русскими форпостами, находившимися на границе со староством, об участии в восстании крестьян, выходцев из Русского государства и соседствующих с Кричевом владений³⁸.

В то же время в письмах Радзивилла, адресованных администрации Кричевского староства, комиссарам и командованию военных отрядов, содержатся сведения о мерах, направленных на подавление сопротивления крепостных. Из них мы узнаем о посылке в староство с этой целью комиссаров и военной силы, численности и вооруженности войска, принимавшего участие в подавлении восстания, сражениях карательных отрядов с восставшими, разгроме повстанцев и жестокой расправе с руководителями и наиболее активными участниками восстания.

В целом данные корреспонденции землевладельцев дополняют и раскрывают ряд сложных вопросов социально-экономического характера и классовой борьбы, упоминаемых в других источниках.

Инструкции и распоряжения землевладельцев — источник, содержащий различного рода предписания феодалов своим экономам, губернаторам и другим лицам, которые были причастны к управлению государственными, церковными и частными имениями.

Инструкции содержат перечень указаний и наставлений администрации имения. Как правило, в них затрагивается широкий круг вопросов, касающихся ведения фольварочного хозяйства и управле-

ния всем имением, излагаются обязанности должностных лиц, даются различные предписания³⁹.

Источник этот содержит сведения о порядке уплаты крестьянами чинша, выполнении барщины и других повинностей, перечисляются обязанности различных категорий зависимого населения. В отдельных инструкциях имеются сведения о формах сопротивления крепостных феодальному гнету и мерах, которые должна предпринимать администрация с целью предотвращения и подавления сопротивления⁴⁰.

Инструкции в какой-то мере дополнялись распоряжениями землевладельцев. Большею частью они относятся к практическому решению того или иного хозяйственного или правового вопроса во владении. В них имеются данные о размерах феодальной ренты, порядке выполнения крепостными повинностей, сопротивлении крестьян и наказании их администрацией за те или иные проступки, совершенные против феодала или его должностных лиц. Оба эти источника не только расширяют возможности исследования господского хозяйства, уровня его развития, направления, но и положения крестьян, их борьбы против эксплуатации.

Все рассмотренные нами источники позволяют обстоятельно изучить социально-экономическое положение крестьян и их классовую борьбу в белорусской деревне во второй половине XVII—XVIII в.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Положение белорусского крестьянства в изучаемый период освещалось в трудах В. М. Горцева, М. В. Довнар-Запольского, Ф. И. Забелло, К. И. Кернажицкого, П. Г. Козловского, И. Ф. Лочмеля, Я. Н. Мараша, Д. Л. Похилевича, Е. П. Шлоссберга, В. К. Щербакова¹. Этой теме посвятил свои труды ряд буржуазных и современных польских историков². Она широко освещена в обобщающих трудах по истории Белоруссии³.

Во второй половине XVII—XVIII в. крестьяне составляли подавляющую часть населения Белоруссии. Жителей городов и местечек в конце XVIII в. насчитывалось около 11%⁴.

Крестьяне не были собственниками обрабатываемой ими земли, они являлись лишь землепользователями, земледельцами, «владельцами». Во всех формах земельной ренты, указывал К. Маркс, «плательщик ренты всегда предполагается действительным земледельцем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли»⁵. Непосредственный производитель имел в своей личной собственности лишь дом, хозяйственные постройки, скот, орудия сельскохозяйственного труда, домашнюю утварь, птицу, произведенные в его хозяйстве продукты и т. д. Вся земля при феодализме находилась в монопольной собственности феодалов. Феодалы наделяли крестьян земельными участками, за которые они должны были нести в пользу собственника земли различные феодальные повинности.

Критикуя взгляды Н. Михайловского, В. И. Ленин указал, что «действительность не знает этой принадлежности земли земледельцу, отдельно и самостоятельно существующей... это — только одно из звеньев тогдашних

производственных отношений, которые состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»⁶.

Крестьянский земельный надел, по выражению В. И. Ленина, «служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина»⁷.

Прибавочный продукт, производимый прибавочным трудом зависимых крестьян, присваивался земельным собственником в форме феодальной земельной ренты. Последняя являлась экономической формой реализации собственности феодалов на землю.

По мере развития феодального способа производства развивалась и изменяла формы земельная рента (отрабочная, продуктовая, денежная). Но «какова бы ни была специфическая форма ренты,— подчеркивал К. Маркс,— всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли»⁸.

Собственность феодалов на главное средство производства — землю создавала, естественно, экономическую зависимость непосредственных производителей от монопольных земельных собственников. Но поскольку этот «непосредственный работник остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимым для производства средств его собственного существования, отношение собственности,— указывал К. Маркс,— должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»⁹.

Чтобы в таких условиях из непосредственного производителя выжать неоплаченный прибавочный труд, нужна была личная зависимость крестьянина от земельного собственника. «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина,— отмечал В. И. Ленин,— то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение»... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»¹⁰.

Исследование аграрной истории эпохи феодализма позволило обнаружить отличительные черты в развитии аграрных отношений на востоке, западе и в центре Белоруссии. Отличие это было замечено буржуазными русскими и польскими историками. Но убедительно показать на обширном материале и научно обосновать причины, вызвавшие его, смогли только советские историки.

Главное отличие в аграрных отношениях состояло в том, что на западе и в центре Белоруссии фольварочно-барщинная система получила широкое развитие, в то время как на востоке столь развитого фольварка по существу не было на всем протяжении рассматриваемого нами времени, хотя и здесь ее роль становилась более заметной. Обеспеченность крестьян землей находилась в прямой зависимости от степени развития господского хозяйства. На западе Белоруссии, где фольварочно-барщинная система получила широкое распространение и господская запашка была значительной, крестьянское землепользование было несколько меньшим, чем у чиншевого крестьянства на востоке страны¹¹. И это вполне естественно, ибо фольварки, которые расширялись и создавались нередко за счет приемных и тяглых волок, ограничивали наличие земли у непосредственных производителей¹². Там, где фольварочно-хозяйства не было или оно было слабо развито, как, например, на востоке Белоруссии, феодалу незачем было урезать надельные или приемные земли, находившиеся в пользовании крестьян.

Средний размер крестьянского держания в магнатских вотчинах на западе и в центре Белоруссии во второй половине XVIII в. составлял около 0,6 волюки, а на

востоке — около 0,65 волюки¹³. Однако значительная часть крестьян пользовалась земельным участком, размер которого был меньше 1/2 волюки, а часть — свыше указанного среднего размера и свыше 1 волюки. Так, из 6356 крестьянских хозяйств 15 магнатских латифундий, расположенных в различных географических зонах Белоруссии, безземельных было 0,6%, имевших земли до 1/4 волюки включительно — 18,3 хозяйств, от 1/4 до 1/2 включительно — 46,5, от 1/2 до 1 волюки — 28,5, свыше 1 волюки — 6,1% крестьянских хозяйств¹⁴. Во владении католической церкви подавляющее большинство крепостных крестьян во второй половине XVIII в. имело по 1/3, 1/4 волюки и только немногие — по 1/2 волюки¹⁵.

Как видно из приведенных данных, различия в обеспечении крестьян землей были большие. Значительная часть крестьянских хозяйств (а в церковных — преобладающая) имела мизерные наделы, не превышавшие 1/4 волюки. Часть крестьян вообще не имела земли. Заметную прослойку составляли хозяйства, особенно в крупных владениях, имевшие по 1/2 волюки и больше земли.

Неравномерное обеспечение крестьянских дворов землей наблюдалось на протяжении изучаемого времени¹⁶. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. такое различие было вызвано военными разорениями и сопутствующими им стихийными бедствиями. Оно затронуло все разряды крестьян, приводило к разорению многие хозяйства, образованию пустующих земельных участков. Эти земли владельцы раздавали на льготных условиях в дополнение к основному наделу уцелевшим хозяйствам, располагавшим необходимой рабочей и тягловой силой. Во второй половине XVIII в. непосредственным виновником бедности, разорения, различий в размере крестьянского надела являлось экономическое развитие помещного хозяйства, вызванный им рост крестьянских повинностей.

Структура крестьянского землепользования на протяжении изучаемого времени была одинаковой. Она состояла из тяглой и приемной земли. В какой-то мере изменялось лишь соотношение долей приемной и тяглой волюки. Для периодов военных разорений характерен большой удельный вес приемной земли, иногда превышавший даже тяглую. По мере восстановления и разви-

тия сельского хозяйства доля приемной земли в крестьянском землепользовании, как правило, сокращалась. Приемные волоки феодалы постепенно переводили в тяглые с целью увеличения барщинного труда. За тяглую землю крестьяне несли большие повинности, чем за приемную, поэтому перевод в тяглую приемной земли в крестьянском землепользовании давал значительную выгоду земельному собственнику.

Сокращение доли приемной земли в крестьянском землепользовании во второй половине XVIII в. вызывалось развитием фольварочно-барщинного хозяйства. Расширение господской запашки происходило в значительной мере за счет лучших земель, находившихся в пользовании у крестьян, о чем свидетельствуют многочисленные крестьянские жалобы. В тех случаях, когда под фольварк отнималась тяглая земля, крестьянам отводились новые участки на пустошах или в лесных массивах, а при наличии у них приемной превращали ее в тяглую. Результатом усилий господствующего класса, направленных к расширению барщинного фольварка, в течение второй половины XVIII в. явилось снижение удельного веса не тяглой, а приемной земли¹⁷.

Существует и другая точка зрения. Она сводится к тому, что будто бы структура надела тяглых крестьян в магнатских вотчинах на западе и в центре Белоруссии на протяжении XVII—XVIII вв. изменялась в одном направлении: тяглая доля уменьшалась, а приемная возрастала¹⁸.

Такая эволюция соотношения тяглой и приемной земли в крестьянском землепользовании была невыгодна земельному собственнику, ибо тяглая, а не приемная являлась основой крестьянского держания, определяла его правовое положение, повинности, в увеличении которых особенно заинтересован был феодал во второй половине XVIII в. в связи с развитием фольварочно-барщинного хозяйства, приобретавшего более товарный характер.

Важным показателем имущественного положения крестьян и их дифференциации является наличие у них рабочего скота. Обеспеченность им, так же как и землей, была неодинаковая. Следует заметить, что крестьяне восточной части Белоруссии (государственные, церковные и частновладельческие) были обеспечены лучше,

чем крестьяне западных районов, не только земельным наделом, но и рабочим скотом. На это отличие уже было обращено внимание исследователями аграрной истории Белоруссии¹⁹. Причем на востоке основной тягловой силой были лошади, на западе — волы. На наш взгляд, это объясняется тем, что крестьяне на востоке Белоруссии, помимо земледелия, занимались была незаменимой тягловой силой²⁰. Вол был более выгодным для крестьянских хозяйств, занимавшихся преимущественно земледелием и отбывавших в господском дворе главным образом отработочную ренту.

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в связи с военными разорениями и сопутствующими им бедствиями рабочего скота, так же как и продуктивного, у крестьян было мало. Значительная часть крестьянских хозяйств была лишена его. В 15 магнатских латифундиях во второй половине XVII в. рабочего скота не имели 24,4 % крестьянских хозяйств, а у 18% дворов было только по 0,5 упряжки²¹. Следовательно, рабочим скотом не была обеспечена почти половина крестьянских хозяйств. В Полоцкой коллегии в 1670 г. безлошадных крестьянских хозяйств насчитывалось 33,7%, однолошадных — 34, имевших по 2 лошади — 14, по 3 — 16,6, 4 и более лошади — 2,7%. Менее одной упряжки на хозяйство приходилось в 1747 г. в Брашевичской волости Виленского капитула²².

Еще более тяжелое положение с обеспеченностью крестьян рабочим скотом имело место в некоторых королевских и государственных владениях. В Кобринской экономии, например, в 1724 г. не было рабочего скота у 30% крестьянских хозяйств, полуупряжные составляли 38%²³. В 1724 г. в Воинском ключе Брестской экономии из 205 крестьянских хозяйств безупряжных насчитывалось 41,5, а полуупряжных — 32,5% хозяйств²⁴. Сходной была ситуация и в ряде других владений²⁵. Разоренное крестьянское хозяйство влачило жалкое существование.

По мере восстановления сельского хозяйства количество скота у крестьян увеличивалось, уменьшалась численность безупряжных дворов. В Шкловском графстве, например, в 1668 г. безлошадные дворы составляли 38,1% всех крестьянских хозяйств, а в 1771 г. — менее 1%²⁶. Если средняя обеспеченность крестьян рабочим скотом

в магнатских вотчинах во второй половине XVII в. составляла 1 упряжку, а в первой половине XVIII в.—1,1, то во второй половине XVIII в.—1,6—1,7 упряжки²⁷. Сдвиги в экономическом развитии страны в целом и крестьянского хозяйства в частности особенно заметны во второй половине XVIII в.: в этот период не было разорительных войн.

В качестве показателя роста крестьянского хозяйства и на этот раз примем среднюю обеспеченность его прежде всего рабочим скотом. Вот как она выглядела в ряде государственных и магнатских владений. В Чечерском старосте, в котором по инвентарю 1763 г. числилось 1056 крестьянских хозяйств, было 2406 лошадей, что составляло по 2,2 упряжки на один двор. В Быховском графстве (1758 г.) 2369 крестьянских хозяйств располагали 2799 головами рабочего скота, в среднем каждое хозяйство имело по 1,1 упряжки. Лучше были обеспечены крестьяне рабочим скотом в Шкловском графстве. В 1771 г. там имелось 2618 крестьянских хозяйств, 7170 лошадей. Следовательно, на каждый двор приходилось в среднем по 2,7 лошади²⁸. В Гродненской экономии в 1780 г. 8646 крестьянских хозяйств имели 3700 лошадей и 9065 волов, т. е. на каждый крестьянский двор в среднем приходилось: лошадей — 0,4, волов — 1 голова. К 1783 г. произошло увеличение как численности хозяйств (до 8862), так и количества рабочего скота (лошадей до 5252, волов до 12 874 голов). В среднем крестьянский двор имел по 0,6 лошади и по 1,45 вола²⁹.

Для восстановления сельского хозяйства после военных разорений понадобились десятилетия упорного труда при всевозраставшем феодальном гнете. Десятилетия ушли и на то, чтобы в какой-то мере крестьяне обзавелись необходимым инвентарем, орудиями сельскохозяйственного труда, домашней утварью, рабочим и продуктивным скотом, т. е. всем тем, что необходимо для нормального в тех условиях функционирования хозяйства. И неслучайно успехи эти были наиболее ощутимы во второй половине XVIII в. Ярким примером тому могут служить данные об увеличении поголовья рабочего и продуктивного скота в Гродненской экономии в 1780—1783 гг. За это время численность крестьянских хозяйств в экономии увеличилась на 2,5% и составила

8862 двора, а количество скота возросло: лошадей — на 41,9%, волов — 42, коров — 24,5, овец — 97, свиней — на 15,5%. В среднем на одно крестьянское хозяйство в 1783 г. приходилось: лошадей — 0,6 головы, волов — 1,4, т. е. по 1,3 упряжки³⁰, коров — 1,5, овец — 4,5, свиней — 1 голова.

В Брестской экономии в 1783 г. у 8064 крестьянских дворов имелось 10 796 волов и 2188 лошадей, 16 530 коров, 20 467 овец, 13 467 свиней и 4145 ульев³¹. На один двор здесь приходилось в среднем по одной упряжке (0,3 лошади и 1,3 вола), коров — 2 головы, свиней — 1,7 головы и по 0,5 улья.

Однако как в экономиях, так и в других владениях крупных феодалов обеспеченность крестьян скотом была неравномерной (табл. 1).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о значительной дифференциации крестьянства. Особенно большие различия в обеспеченности рабочим скотом выступают в двух крайних группах хозяйств. Если у группы II, удельный вес которой составлял 26% общей численности крестьянских дворов в 10 владениях, было 10,5% лошадей, то у группы VI, составлявшей 9,4%

Таблица 1

Обеспеченность крестьянских хозяйств лошадьми в десяти владениях* крупных феодалов Белоруссии во второй половине XVIII в.**

Группы хозяйств	Количество лошадей	Количество дворов	%	У них лошадей	%	На 1 двор приходилось лошадей
I	—	100	2,6	—	—	—
II	1	990	26	990	10,5	1
III	2	1175	30,8	2350	25	2
IV	3	735	19,2	2205	23,4	3
V	4	456	12	1824	19,4	4
VI	5 и более	358	9,4	2040	21,7	5,7
Итого		3814	100	9409	100	2,46

* Стрешин, Микулин, Шклов, Велешковичи, Любавичи, Быхов, Бельниччи, Могильно, державы Ключанская и Полуайковичи.

** ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, л. 21—41, д. 3930, л. 1—13, д. 2512, л. 18—41, д. 2328, л. 18—53; ЦН БАН ЛитССР; ОР, ф. 43, д. 2168; Библиотека ПАН в Кракове, ОР, д. 4446, IV, л. 16—18; ГАДА в Варшаве, АК, д. 466, л. 319—323, 325—330, Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4502.

крупного рогатого скота, 44,7% овец и 43,1% свиней, в то время как на одноупряжное хозяйство крупного рогатого скота — 10,8, овец — 10,4, свиней — 11,4%. На один крестьянский двор группы VI приходилось в среднем: лошадей — 5,8, крупного рогатого скота — 4,8, овец — 7, свиней — 6,2, а на одноупряжное — 1,4 — крупного рогатого скота, 1,9 — овец, 1,8 — свиньи. Менее заметно различие в количестве скота III и IV групп. Если в группе III на один крестьянский двор в среднем приходилось крупного рогатого скота 1,8 головы, то в группе IV — 2,6, овец соответственно — 2,8 и 3,6, свиней — 2,3 и 3,2 головы. Имущественная дифференциация здесь выступает вполне отчетливо. Более ярко она выглядит, если сопоставить отдельные крестьянские хозяйства. В упомянутом с. Мхово, например, крестьянин Кирей Шизы, в составе семьи которого было пять душ мужского пола, в 1758 г. имел 10 лошадей, 6 коров, 15 овец и 10 свиней. Филипп Прокопов из того же села при наличии в семье двух душ мужского пола имел 5 лошадей, 8 коров, 4 овцы, 8 свиней. Его же односельчанин Савка Климов, имея в семье 3 души мужского пола, держал 6 лошадей, 8 коров, 7 овец и 7 свиней³⁷.

В д. Круки Могильнянской волости в 1758 г. у крестьянина Ивана Бриновца хозяйство состояло из 1 1/6 волюки земли, 11 лошадей, 12 коров, 18 овец, 11 свиней и 7 ульев. У крестьянина с. Онищенки Андрея Змитрокова, владевшего неполной волюкой, имелось 8 лошадей, 10 коров, 17 овец, 9 свиней и 7 ульев. У Якимы Пименова из д. Ходюки по инвентарю 1758 г. числилось 7 душ мужского пола, 2 волюки, 7 лошадей, 20 коров, 16 овец и 13 свиней³⁸. В то же время в этих селах были безлошадные, бескоровные хозяйства, обедневшие семьи, не имевшие ни скота, ни земли. В тех же селах Круки, Онищенки и других населенных пунктах Могильнянской волости проживали бобыли, у которых не имелось никакого хозяйства³⁹. Во всей волости наряду с богатыми и средней зажиточности крестьянами было 17,8% бедняцких хозяйств.

В генеральной ведомости Несвижского княжества и Чучевичской волости, составленной в декабре 1767 г., сделана приписка, что у 275 подданных уже совершенно нет хлеба и они без оказания помощи не могут отбывать барщину⁴⁰.

Перечень богатых и бедных крестьянских семей можно было бы продолжить, но, думается, что и этих примеров достаточно, чтобы убедиться в существовании резких имущественных различий среди крестьян Белоруссии в изучаемый период.

Имущественное различие среди крестьян во второй половине XVIII в. стало столь значительным, что его вынуждены были учитывать сами землевладельцы. По их классификации крестьяне делились на три (богатых, средних, бедных), а иногда и на четыре (богатых, зажиточных, средних, бедных) категории. К сожалению, источники не указывают критерий, по которому производилось такое деление. В основе его лежало общее состояние крестьянского хозяйства. А состояние его было далеко не одинаковым (табл. 3).

Убогие крестьяне в селах указанных ключей по подсчетам владельца составляли в среднем 27,6%, а в некоторых селах — 48—60%. Богатая часть крестьян составляла 21—84%, а средняя — 7—58%.

Такого же характера данные по Бельничскому графству за 1776 г. показывают, что богатых крестьян в нем числилось 134 двора (21,8%), средних 234 (38,2%), бедных (неимущих) 245 (40%)⁴¹.

В Брестско-Кобринской экономии в 1783 г. крестьяне делились на четыре имущественные группы: богатых было 598 (6%), зажиточных — 1672 (17%), средних — 3726 (37,8%), убогих — 3858 (39,2%) дворов⁴².

Как видно, имущественные контрасты были весьма значительны. Фактически они были еще большими, ибо, согласно указанной классификации, в группу бедных не вошли бобыли, кутники, лезные, которых в то время было немало. В Кричевском старостве, например, в 1747 г. насчитывалось 330 бобылей, Гомельском (1771 г.) — 565, Чечерском, Хославском, Микшанском (1765 г.) — 253, в старостах и державах Метиславского воеводства (1765 г.) — 321, в имении Тересполь — 110, имении Велешковичи — 55 бобылей⁴³. В Хославском старостве во второй половине XVIII в. бобыли составляли 33,5%, Микшанском — 38,7, Климовичском — 33,3% крестьянских хозяйств⁴⁴. В ряде владений сравнительно большой удельный вес был людей «лезных». В старостве Езерском и Мирогозском, например, он составлял 33%, а в селе Уваровичи (владение Стрешин) — 45%⁴⁵.

Таблица 3

Имущественная дифференциация крестьян в селах Милейчицкого и Киевецкого ключей (Брестская экономия) в 1767 г. (по классификации источника)*

Село	Крестьянские дворы						
	всего	богатые	%	средние	%	бедные	%
Милейчицы	145	50	34,5	41	28,3	54	37,2
Собятынь	81	27	33,3	27	33,3	27	33,4
Ставищи	31	9	29,0	12	38,7	10	32,3
Сухари	25	15	60,0	2	8,0	8	32,0
Вулька Терехова	33	9	27,3	4	12,1	20	60,6
Пещатка	58	28	48,3	18	31,0	12	20,7
Голя	104	53	51,0	18	17,3	33	31,7
Суходол	70	16	22,8	20	28,6	34	48,6
Заречье	28	14	50,0	4	14,3	10	35,7
Мачулищи	70	59	84,3	5	7,1	6	8,6
Залесье	78	39	50,0	20	25,6	19	24,4
Вулька Пурицка	37	28	75,7	3	8,1	6	16,2
Киевец	58	27	46,6	23	39,6	8	13,8
Деречинка	31	11	35,5	12	38,7	8	25,8
Липница и Шаровец	69	28	40,6	26	37,7	15	21,7
Михалки	63	25	39,7	24	38,1	14	22,2
Большая Дубровица	35	21	60,0	6	17,1	8	22,9
Малая Дубровица	78	23	29,5	30	38,5	25	32,0
Полоски	91	45	49,5	26	28,6	20	21,9
Корошинка	91	54	59,3	19	20,9	18	19,8
Добрынка	81	17	21,0	47	58,0	17	21,0
Бокинка	37	11	29,7	13	35,1	13	35,2
Вычелки	44	25	56,8	7	15,9	12	27,3
Итого	1438	634	44,1	407	28,3	397	27,6

* Составлена на основании «Генерального суммарюша» Милейчицкого и Киевецкого ключей. Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР (далее ЦГИА БССР) в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 29, л. 33, 59.

Подобная картина наблюдалась и в западных районах страны. Во владении Радзивиллмонты, например, в 1791 г. числилось 11% бобылей и кутников. Эти же группы сельского неимущего населения проживали также в магнатских вотчинах Несвиж, Клецк, Лахва, Койданово, Заславль, Смядынь, Дятлово, Ружаны и др.⁴⁶

Итак, многие факты убеждают в далеко зашедшем процессе имущественного расслоения крестьян в бело-

русской деревне во второй половине XVIII в. Имущественная дифференциация имела место и в более ранний период. Однако там она была вызвана главным образом военными разорениями и сопутствовавшими им стихийными бедствиями. Во второй половине XVIII в. явление это сформировалось как следствие социально-экономического развития деревни под влиянием растущего барщинно-крепостнического гнета.

Существование, с одной стороны, богатых, с другой — бедных крестьянских хозяйств, бобылей, кутников, коморников и других неимущих групп сельского населения (лезные, гультаи, паробки и т. д.) в условиях растущих товарно-денежных отношений обусловило применение найма в сельском хозяйстве. Крестьянская беднота в полках средств к существованию нанималась не только в фольварки на промыслы феодалов⁴⁷, но и к зажиточным, разбогатевшим крестьянам.

Наем зажиточной частью крестьян практиковался, например, во владениях Давид-Городок (1760 г.), Сморгонь (1788 г.), Чернавчицы, Смядынь, Малынка, имении Сухличи Клецкого княжества и др.⁴⁸ В Чернавчицах наемным трудом пользовались 11%, в Радзивиллмонтах — 12% крестьянских хозяйств. В Василишковском старостве (Лидский повет) в 1795 г. по найму числилось 9,3% душ этого владения, в Круглянской волости (бывш. Оршанский повет) в 1772 г. было 148 наемных людей и пастухов, т. е. 6,5% крестьян мужского пола волости⁴⁹. Широко применялся постоянный наемный труд зажиточной частью крестьян в Копыском графстве (табл. 4). В 1773 г. в 32 его селах к найму прибегали 16,8% крестьянских хозяйств. Причем в ряде сел число хозяйств, применявших наемный труд, достигало 54—57%. Отдельные дворы имели по несколько наемных работников.

Кто же нанимался на работу? Естественно, самая обедневшая часть населения. Это главным образом паробки и бобыли, для которых наемный труд был единственным источником существования. В селах того же Копыского графства в 163 крестьянских хозяйствах работали 62 бобыля, 108 паробков, 9 «наймиток» и 3 пастуха.

Распространенным был наем и в других владениях. Так, в селах Тетеринской волости (владение Огинского

Таблица 4
Наемный труд в крестьянских хозяйствах
Копысского графства в 1773 г.*

Село	Дворы			Наемные работники				Итого
	количество	имели на-емных ра-ботников	%	собоyle	паробки	наймиты	пастухи	
Забродье	57	11	19,3	1	10	—	—	11
Лубиничи	50	6	12	4	2	—	—	6
Огородники	22	3	13,6	1	2	—	—	3
Шапчино	32	4	12,5	3	1	—	—	4
Микитиничи	44	10	22,7	1	9	—	—	10
Каменец	11	6	54,5	2	4	—	—	6
Окуневка	31	4	12,9	3	—	1	—	4
Слижи Старые	50	5	10	3	2	—	—	5
Барково	31	5	16,1	2	2	1	—	5
Ониковичи	96	4	4,2	2	1	1	—	4
Левки	28	4	14,3	3	1	—	—	4
Зубово	33	4	12,1	1	3	—	—	4
Леща	24	8	33,3	5	7	2	—	14
Морозово	26	5	19,2	1	4	1	—	6
Бабиничи	42	14	33,3	5	9	2	1	17
Погоуля	33	9	27,3	5	5	—	—	10
Кушевка	14	3	21,4	1	2	—	—	3
Будищи	23	2	8,7	2	2	—	—	4
Чурилово	23	2	8,7	3	1	—	—	4
Застенок Редихиль	4	1	2,5	2	—	—	—	2
Понизовье	55	11	20	4	8	—	—	12
Барань	35	3	8,6	—	3	—	—	3
Червинь	9	1	11,1	1	1	—	—	2
Болбосово	40	4	10	—	2	1	1	4
Клюшкиново	19	3	15,8	1	2	—	—	3
Застенок	7	4	57,1	—	4	—	—	4
Новоселки	13	2	15,4	1	1	—	—	2
Зайцево	22	7	31,8	—	6	—	1	7
Заболотье	42	7	16,7	3	5	—	—	8
Веровойша	30	4	13,3	1	3	—	—	4
Устье	15	5	33,3	1	4	—	—	5
Яромковичи	8	2	25	—	2	—	—	2
Терентьево	8	2	25	—	2	—	—	2
Итого	969	163	16,8	62	108	9	3	182

* ГАДА в Варшаве, АР, Огд. XXV, д. 1791, л. 76—155.

в Оршанском повете) в 1772 г. на 945 крестьянских хозяйствах наемных людей и пастухов было 205 (21,7%), в Круглянской волости того же повета на 599 хозяйств — 148 (24,7%) наймитов⁵⁰. Сложившиеся различия в со-

стоянии крестьянского хозяйства, прежде всего появление богатых крестьян, применявших постоянный наемный труд, выделение деревенской бедноты, добывавшей жизненные средства путем найма на работу к разбогатевшим односельчанам или другим лицам, эксплуатировавшим чужой труд,— все это дает основание говорить не только об имущественном неравенстве, но и об отчетливо выраженном во второй половине XVIII в. социальном расслоении крестьян.

В изучаемый период заметно ухудшилось положение сельских ремесленников. Только пушкари сохранили свое привилегированное положение. Каждый из них был обеспечен земельным наделом, размер которого достигал 6—8 волок⁵¹. Сельских ремесленников по характеру повинностей можно разделить на две категории: ремесленники-слуги и крестьяне-ремесленники.

По численности крестьяне-ремесленники в XVII—XVIII вв. намного превосходили ремесленников-слуг. Последних в имениях феодалов имелось незначительное количество. Обычно их было по несколько человек и лишь в отдельных владениях, в которых сравнительно большее развитие получило господское хозяйство, число ремесленников-слуг колебалось в пределах 8—15 человек⁵². Что касается крестьян-ремесленников, то они были почти во всех деревнях. Количество их в каждом крупном королевском или частном владении составляло, как правило, несколько десятков, а в отдельных поместьях и больше. В Могилевской экономии, например, в 1610 г. среди ремесленников-слуг было 3 плотника, 1 кузнец и несколько пушкарей, а крестьян-ремесленников только в 6 селах из 12 войтовств — 170 человек⁵³. Инвентарь Кричевского старства 1747 г. перечисляет 180 крестьян-ремесленников и только 7 человек ремесленников-слуг⁵⁴. Свыше 130 крестьян-ремесленников в 1771 г. насчитывалось в Гомельском старстве. По несколько десятков в разное время XVIII в. было в Пропойском и Чечерском старствах, Любавичском, Быховском, Шкловском и Копысском графствах, в имениях Головчин, Бешенковичи и др.⁵⁵ Все это не дает основания согласиться с утверждением П. Г. Козловского о том, что крестьяне, занимавшиеся в XVII в. ремеслом, представляли собой преимущественно крестьян-слуг⁵⁶.

Ряд источников второй половины XVIII в. указывает на огромную заинтересованность феодалов в увеличении численности сельских ремесленников различных специальностей в своих владениях. Так, владелец имения Веледичи Огинский в 1768 г. предписывал своему эконому заботиться о «приумножении» кузнецов, колесников, столяров, шорников, сапожников, ткачей, бондарей, мельников, плотников, гончаров, каменщиков, скорняков и др. В обязанность эконому вменялось растить ремесленных мастеров за счет способной молодежи из числа многолетних семей крепостных с тем расчетом, чтобы не было недостатка в специалистах⁵⁷. Такое положение наблюдалось и в других, особенно крупных, владениях⁵⁸. Поэтому, на наш взгляд, нет оснований согласиться с мнением, что к концу XVIII в. сельское ремесло в значительной мере было вытеснено ремесленным трудом жителей городов и местечек⁵⁹. Вряд ли можно согласиться и с мнением, будто «на протяжении XVIII в., особенно во второй его половине, развитие товарно-денежных отношений привело к вытеснению ремесленников-слуг более квалифицированными ремесленниками городов и местечек, у которых феодалы заказывали или покупали необходимые им изделия»⁶⁰. Такое утверждение означает, что ремесленников-слуг к концу XVIII в. фактически не стало. В то же время архивные источники свидетельствуют, что ремесленники-слуги по-прежнему составляли в конце XVIII в. устойчивую категорию сельского населения. Более того, феодалы стремились увеличить их численность по мере возрастающей необходимости и потребности в них поместного хозяйства. Экономическая инструкция Быховского графства 1761 г., например, обязывала администратора этого владения вербовать кузнецов, колесников, плотников, гончаров, бондарей, столяров, слесарей, портных, сапожников, специалистов, изготавливающих драпку (гонт), и ремесленников других специальностей. Такие ремесленники становились слугами владельца графства. Они в порядке феодальной повинности выполняли различные виды ремесленных работ, от всех иных повинностей освобождались⁶¹.

Определить общую численность сельского ремесленного населения в Белоруссии не представляется возможным ввиду отсутствия необходимых данных. По тем же

причинам нельзя установить ее и для большинства владений. Не случайно сельское ремесло Белоруссии не получило широкого освещения в исторической литературе не только в изучаемый нами период, но и в более позднее время (XIX в.). Крайняя бедность и фрагментарность источников по данному вопросу характерна не только для Белоруссии, но и для России. Исследуя развитие капитализма в России, в частности домашнюю промышленность и ремесло, В. И. Ленин отмечал, что «вследствие крайне неудовлетворительного состояния нашей экономической статистики никаких точных данных о степени распространения ремесла в России не имеется, отдельные же указания на эту форму промышленности разбросаны едва ли не по всем описаниям крестьянского хозяйства»⁶².

В инвентарях феодальных владений Белоруссии XVII — первой половины XVIII в., как правило, указывается профессия лишь тех крестьян, которые находились на службе у своих господ и выполняли им определенные ремесленные работы за земельный надел. Дело в том, что единицей обложения считалась волюка и поэтому землевладельца не всегда интересовал вопрос, чем кроме земледелия занимался крестьянин. В связи с этим не было необходимости фиксировать все профессии крестьян, а учитывались лишь крестьянские хозяйства. Что касается ремесленников-слуг, то они были на особом учете. Учет этот необходим был как землевладельцу, чтобы ориентироваться в размерах доходов от своих имений, так и его администрации, которая должна была знать, чего требовать от вверенных ей крепостных. Но ремесленников-слуг было не так уж много. В то же время основная масса сельских ремесленников (не слуг), для которой ремесло было дополнительным к сельскому хозяйству занятием, а иногда и единственным источником существования, оставалась неучтенной.

В какой-то мере, правда незначительной, положение с учетом крестьян, занимавшихся неземледельческим трудом, изменилось в середине и второй половине XVIII в. В отдельных владениях в указанный период инвентари фиксируют всех специалистов, в том числе и крестьян-ремесленников. Такая необходимость вызывалась прежде всего стремлением феодала увеличить доходы от своих подданных. Уже отмечалось, что к сере-

дине и особенно во второй половине XVIII в. имущественная дифференциация крестьян заметно возросла. Многие малоземельные и неимущие крестьяне разорились и не могли самостоятельно вести хозяйство. Часть их превратилась в бобылей и батраков. Немало разорившихся и обнищавших крестьян, порвав всякую связь с сельским хозяйством, находили средства для существования в ремесленном и другом неземледельческом труде. Но в таком случае они не должны были подлежать повинностному обложению (по традиции облагалась земля).

Устаревшая система обложения не устраняла земельного собственника, особенно во второй половине XVIII в., когда развитие производительных сил по сравнению с предшествующим периодом заметно шагнуло вперед, повысилась товарность помещного хозяйства, а в феодальной экономике начали зарождаться новые явления, получившие свое дальнейшее развитие в XIX в. Невыгодность эта заключалась в том, что феодал лишался известной части дохода, которую мог бы получать от подданного сельского населения, порвавшего связи с сельским хозяйством или в дополнение к нему занимавшегося неземледельческим трудом. Поэтому земельному собственнику ничего не оставалось делать, как изменять, совершенствовать традиционную систему обложения, приспособив ее к новым условиям. Так, в отдельных владениях за единицу обложения феодалы стали принимать «дым», что позволило не только усилить эксплуатацию основной массы крепостных, пользовавшихся волоками, но и привлечь к несению повинностей ту часть населения, которая не имела надела. К выполнению феодальной ренты привлекались крестьяне и за неземледельческие занятия и, в частности, за занятия ремеслом. Но для этого нужен был учет таких людей. С этой целью, как нам представляется, в отдельных владениях, очевидно, в тех, где были развиты крестьянское ремесло и промыслы, комиссары и ревизоры при составлении инвентарных описаний указывали и вид неземледельческих занятий крепостных. Инвентарь Кричевского староства 1747 г. отмечает 647 (21,4%) сельских семей, для которых неземледельческий труд был или дополнительным или же основным источником существования. В их числе были 162 семьи крестьян-ремесленников, со-

ставлявших 5,3% общей численности сельского населения в старостве⁶³. Однако такой учет в конце XVIII в. не был повсеместным, что вызывает трудности при составлении статистических данных о сельских ремесленниках.

При рассмотрении сельского ремесла важно выяснить, из какой среды крестьянства (в имущественном отношении) формировались ремесленники. Чтобы ответить на него, необходимо изучить основные критерии, характеризующие имущественную сторону крестьян-ремесленников: размер надела (с учетом посева), обеспеченность рабочим и продуктивным скотом. Но и здесь мы наталкиваемся на те же трудности, что и при определении численности сельского ремесленного населения.

По обеспеченности землей ремесленники-слуги находились в более выгодном положении, чем обычные сельские ремесленники. Они имели наделы в размере, как правило, 1 волоки. Но среди них были хозяйства полуволочные и с наделом в 6—8 волок (пушкари)⁶⁴. Следовательно, эта категория ремесленников формировалась из крестьян, по крайней мере обеспеченных землей и совмещавших ремесленные занятия с земледелием. Как указывалось, ремесленники-слуги составляли незначительную часть сельских ремесленников. Крестьяне-ремесленники в отличие от ремесленников-слуг не все имели земельные наделы. О безземельных крестьянах-ремесленниках сообщают источники второй половины XVII и в XVIII в.⁶⁵ Однако чаще они фигурируют в источниках второй половины XVIII в.⁶⁶

Данные о наделе сельских ремесленников позволяют заключить, что обеспеченность их землей была неодинаковой. Одни из них имели земли в размере от 1 до 3 волок, другие — менее 1 волоки и даже незначительные доли ее. Причем инвентари второй половины XVIII в. отмечают наличие у ремесленников данной категории земельных участков небольших размеров, состоявших наполовину, а то и целиком из приемных волок. Встречаются хозяйства сельских ремесленников и с пустующими наделами⁶⁷. Представление о сельских ремесленниках дает нам источник, относящийся к Кричевскому староству середины XVIII в. (табл. 5).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют,

Сведения о сельских ремесленниках

Ремесленные специальности	Количество семей				Обеспеченность					
	всего	имевших дома	без дома	бобылей	без надела	месяц				
						1/30	1/21	1/20—1/10	1/8	1/7
Портные	21	21	—	9	13	1	1	3	—	—
Кузнецы	21	20	1	5	8	2	3	6	1	—
Колесники	21	20	1	4	7	5	4	4	—	—
Бондари	19	19	—	10	10	2	4	3	—	—
Дегтяри	17	16	1	4	5	4	3	4	—	1
Винокуры	14	14	—	7	6	4	1	1	—	—
Овчинники	13	13	—	—	1	1	2	5	—	1
Гончары	9	9	—	1	3	1	2	2	—	—
Кожевники	4	4	—	—	1	—	—	3	—	—
Шаповалы	3	3	—	—	—	—	2	1	—	—
Маслобойщики	3	3	—	—	—	—	1	2	—	—
Решетники	3	3	—	—	1	1	—	1	—	—
Сапожники	2	2	—	—	—	—	1	1	—	—
Воскобойщики	2	2	—	—	—	2	—	—	—	—
Плотники	2	2	—	1	1	—	—	1	—	—
Чebотари	2	2	—	—	—	1	1	—	—	—
Ведерники	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Шорники	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Скормяки	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—
Котельщики	1	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Каретники	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Дубильщики	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—
Итого	162	159	3	41	57	24	27	38	3	2
% к численности ремесленников	100	98,1	1,9	25,3	35,2	14,8	16,7	23,5	1,8	1,2

* ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 1, д. 3282а, л. 33—87.

что значительное число крестьян, в том числе и бобылей, занималось ремесленным производством. Инвентарь перечисляет 162 ремесленника 22 специальностей. Для подавляющего большинства их ремесло служило основным видом заработка. Из общего числа 162 ремесленников 57, т. е. 35,2%, не имели земли. Для них занятие ремеслом было единственным источником существования. Примерно в таком положении находились и те ремесленники, у которых земельный участок был менее 1/30 волоки, т. е. менее 1 морга. Численность их

Таблица 5

в Кричевском старостве (1747 г.)*

наделом (волоки)				Обеспеченность рабочим и крупным рогатым скотом									
1/6	1/5	1/4	1/2	лошади				коровы					
				без лошади	1	2	3	4	без коров	1	2	3	4
1	1	1	—	15	5	1	—	—	15	6	—	—	—
—	—	1	—	10	6	4	1	—	7	9	3	1	1
—	—	—	—	11	5	4	1	—	15	4	1	1	—
—	—	—	—	14	4	1	—	—	15	3	1	—	—
—	—	—	—	7	9	1	—	—	12	4	1	—	—
1	—	1	—	9	4	—	1	—	11	2	1	—	—
2	1	—	—	4	4	5	—	—	1	4	5	3	—
—	1	—	—	5	—	2	1	1	4	2	1	2	—
—	—	—	—	2	2	—	—	—	2	2	—	—	—
—	—	—	—	—	2	1	—	—	1	1	—	—	—
—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	2	—	—	—
—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	1	—	—
—	—	—	—	—	1	1	—	—	2	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
4	3	4	—	79	49	24	9	1	93	43	17	8	1
2,5	1,8	2,5	—	48,8	30,2	14,8	5,6	0,6	57,4	26,6	10,5	4,9	0,6

составляла 14,8% сельского ремесленного населения староства. Они по существу пользовались лишь огородами, которые не могли обеспечить прожиточный минимум семьи. Дополнительным источником существования земельный надел был и для тех крестьян-ремесленников, у которых он не превышал 3 моргов. Таких семей насчитывалось 40,2%. И лишь примерно 10% крестьян-ремесленников пользовались несколько большими земельными участками, размер которых колебался от 1/8 до 1/4 волоки. Однако и они не могли полностью обе-

спечить существование крестьянской семьи. Даже самые минимальные потребности семьи и хозяйства крестьянин мог обеспечить, имея не менее 1/2 волоки земли⁶⁸. Самым бедным крестьянам приходилось искать дополнительных заработков в неземледельческом труде.

Не исключена возможность, что какая-то часть крестьян-ремесленников наряду с ремеслом занималась одновременно и извозом. Об этом можно судить по данным, показывающим обеспеченность этих хозяйств рабочим скотом. При наличии незначительных по размерам наделов 20,4% хозяйств крестьян-ремесленников в старостве имели по 2—3 упряжки. Почти половина хозяйств (48,8%) были безлошадными и не связаны ни с земледелием, ни с извозным промыслом. Еще больший удельный вес крестьян-ремесленников (57,4% не имели коров), что для обычного крестьянского хозяйства того времени является редким исключением.

Для абсолютного большинства сельских ремесленников в Кричевском старостве, перечисленных в инвентаре 1747 г. (90%), ремесло было основным видом занятий. Занятие ремеслом наибольшее распространение получило среди малоземельной и безземельной части сельского населения. Формирование сельских ремесленников происходило главным образом за счет беднейшего и разорившегося крестьянства.

2. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН

Правовое положение белорусского крестьянства в рассматриваемый период определялось юридическими нормами, установленными законодательными актами Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Наиболее полно эти нормы сформулированы в статутах Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. Положение государственных крестьян, кроме того, регламентировалось Уставом на волоки 1557 г.

В конце XVI в. крестьяне окончательно были превращены в крепостных, политически бесправных, с ограниченной гражданской правоспособностью лиц. Им запрещалось приобретать землю в собственность. В ст. 26 раздела III Статута 1588 г. указывалось: «Простаго стану чоловек не осегнувши первой от нас господаря вольности шляхетское имений и крунтов шляхет-

ских ни которым обычаем поседати, а ни куплею своею на вечность держати не может»⁶⁹.

Крестьяне полностью зависели от феодала-собственника земли. Как земля, так и наделенные ею крестьяне принадлежали феодалу. Ст. 29 Устава на волоки гласила: «Кметь и вся его маетность наша есть»⁷⁰. Феодал являлся вершителем судеб крестьян и поступал с ними по своему усмотрению, не отвечая ни перед кем за свои действия. Он «в одном лице был и законодатель, и судья, и исполнитель приговора, являясь в своем поместье совершенно неограниченным властелином»⁷¹. В любое время он мог отнять у крестьянина земельный участок, переселить его в другое место, мог продать крепостного со всем его имуществом, живым и мертвым инвентарем, с землей и без земли другому феодалу, отдать в залог за определенную сумму, предоставляя покупателю и кредитору полное право распоряжаться им, наказывать, судить и даже казнить⁷².

Обстановку безудержного феодального произвола отражает ряд новых архивных источников. Так, остро нуждавшийся в деньгах землянин Иероним Овсяный в 1688 г. продал землянину Иосифу Чудовскому за 250 польских золотых своего крепостного Леона Ляшанина с женой и двумя сыновьями (Амельяном и Микитой), проживающего в имении Сочевки (Новогрудское воеводство). В продажной записи, внесенной в книги Новогрудского гродского суда, указывается, что крепостной продан без земли и «добытка» на «вечные» времена. Купившему его Чудовскому предоставлялось право распоряжаться семьей Ляшанина, как и своими подданными, мог его подарить кому захочет, обменять, отдать в залог, продать⁷³. Двух крестьян—Яська и Трофима Укрухов из имения Полонка (Волковысский повет) — «с их женами, детьми, домами и всем хозяйством» в 1749 г. продал за 800 польских золотых подконюшему Великого княжества Литовского Михаилу Слизию варшавский чашник Павел Млоцкий⁷⁴. В 1750 г. тот же Михаил Слизиень купил за 2000 польских золотых у Игнатия Островича трех крепостных (Михаила, Андрея и Омсльяна Агеенко) из села Волашки, относящегося к имению Гостыки (Минское воеводство)⁷⁵.

Сдача крестьян в залог производилась на определенное время, как правило, на 1—3 года, но в связи с тем,

что кредиты обычно вовремя не погашались, сроки аренды крестьян продлевались до окончательного расчета. Все это время кредитор являлся полновластным хозяином, о чем свидетельствуют многочисленные залоговые записи, внесенные в книги гродских и земских судов. Так, в одной из них говорится, что мстиславский стольник Владислав Анферович за взятую в кредит у стародубовского ловчего Яна Сулковского сумму денег в размере 1200 злотых в 1689 г. отдал ему в залог на один год трех своих крестьян из имения Костеневици (Ошмянский повет): Максима Исаевича, Васку Ясевича и Кондрата с их «домами, женами, детьми, лошадьми, продуктивным скотом, повинностями, волоками и сенокосами». В записи подчеркивалось, что если долг не будет погашен в указанный срок, то в таком случае аренда крестьян, находившихся в залоге, будет продлеваться каждые последующие три года, пока долг не будет возвращен⁷⁶.

В другой записи речь идет о сдаче люцинским старостой Самуилом Быховцем в 1706 г. в залог на один год шести крестьянских семей из села Могилевцы (Волковысский повет) со всем их достоянием и земельными участками пану Иосифу Хорошевскому за взятый кредит в сумме 1000 польских злотых. Кредитору предоставлялось право распоряжаться отданными в залог крестьянами, как своими собственными⁷⁷.

Шестеро крепостных Людовика Быховца из села Осочники (Волковысский повет) «с женами, детьми, волами, лошадьми и всем их движимым и недвижимым имуществом, повинностями» в 1717 г. были переданы на три года в залог парнавскому подстолию Станиславу Ганусевичу за взятый у него кредит в сумме 1450 злотых⁷⁸.

В 1771 г. девять крестьян с. Окуниново (Слонимский повет) сдал в залог на один год городничему Слонимского повета Томашу Корчицу пан Булгак за взятый у его отца в 1764 г. кредит в сумме 4928 злотых. Кредит этот к 1771 г. вырос (с процентами) до 8316 злотых. Поскольку и в 1772 г., т. е. после окончания срока залога, долг не был возвращен, эти девять окуниновских крестьян, подданных пана Булгака, были переданы Корчицем в аренду маршалку Волковысского повета Яну Быховцу, уплатившему кредитору Булгака всю сум-

му долга. Таким образом, новым хозяином окуниновских крестьян, находившихся в залоге, до полного погашения кредита Булгаком стал Ян Быховец⁷⁹.

В залог за кредиты феодалы отдавали не только отдельные крестьянские семьи, но и села. В мае 1764 г., например, волковысский подстолий Доминик Овсяный, нуждавшийся в деньгах, сдал в залог на один год за 6500 польских злотых село Острово (Волковысский повет)⁸⁰.

Купля-продажа крестьян и сдача их в залог в конце XVII—XVIII в. получила широкое распространение в западной и центральной части Белоруссии, т. е. там, где было развито фольварочно-барщинное хозяйство. Это является убедительным доказательством полного бесправия и униженного положения крестьян при феодальном строе.

Положение крестьян определялось также системой повинностей, сложившейся структурой феодальной ренты. Во второй половине XVII—XVIII в. в Белоруссии повсеместно была распространена смешанная рента с преобладанием в том или ином районе и даже владении одной из ее форм — барщины, натурального оброка или денежного чинша. Преобладающей неизбежно становилась наиболее развитая форма. И это не было каким-то исключением для Белоруссии. Всегда, когда одновременно выступают разные формы ренты, одна из них — наиболее развитая — является преобладающей, господствующей. На эту закономерность указывал К. Маркс, рассматривая генезис капиталистической земельной ренты. В частности, касаясь продуктовой ренты, он писал: «В какой бы мере продуктовая рента ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т. е. ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и при этом все равно, является ли земельным собственником частное лицо или государство»⁸¹.

В рассматриваемый период преобладающей формой ренты на западе и в центре Белоруссии была барщина, на востоке и юго-востоке, главным образом в крупных владениях, денежный чинш. Такое различие было связано с широко развитым в западной и центральной части

Белоруссии фольварочно-барщинным хозяйством и слабо развитым господским хозяйством на остальной территории. В то же время в отдельных имениях в западных и центральных районах страны основной повинностью крестьян были натуральная рента или чинш, а на востоке — барщина. Различия в основных повинностях имели место в одних и тех же владениях. Они возникали в связи с различными условиями ведения поместного хозяйства.

На протяжении изучаемого времени ни одна из форм феодальной ренты не оставалась неизменной, постоянной величиной по своим размерам. Как преобладание, так и размер той или иной ренты зависели от социально-экономических и политических условий в том или ином регионе. Чиншевая система повсеместно получила широкое распространение во второй половине XVII и в первых десятилетиях XVIII в. В этот период в Белоруссии создавалось исключительно тяжелое положение. Сельскому хозяйству, как и всей экономике страны, был нанесен огромный урон войнами середины XVII и начала XVIII в., жестокой эксплуатацией, грабежом и вымогательством со стороны феодалов, шляхты, их слуг, арендаторов и войска. Разрухе, обнищанию населения сопутствовали голод, эпидемии, большая смертность. В 50—70-х годах «мор» и «поветрие» охватили значительную часть Белоруссии⁸². Оставшись без скота, хлеба и семян, крестьяне спасались от голодной смерти бегством в менее пострадавшие владения, в Русское государство, на Левобережную Украину. В 1650 г. воевода Мещерский сообщал царю: «Ведомо тебе, государю, учинилось, что в литовской стороне хлебный недород и голод большой. Из литовской стороны поляки, и черкасы, и всяких чинов люди, и пашенные мужики от голоду идут в твою государеву сторону... для того, чтоб в твоей государеве стороне прокормитца»⁸³. Уход был массовым. Только в подмосковное владение боярина Хитрова (Кромский уезд) из восточных районов Белоруссии в 1670—1674 гг. вышла 121 семья (506 душ). Одни из них в «распросе сказали, что пришли-де они в Кромский уезд в село Молодовское Городище и с тех городов з голоду и от разорения военных людей»⁸⁴. Другие заявили, что «в литовских городах правят на них многие подати и изделия и не стерпя де они многого мучения и

от хлебного недороду от голоду пришли с женами и с детми к Москве в разных месяцах и числах и де челом боярину... Хитрово били во крестьянство»⁸⁵.

Массовое бегство из родных мест и высокая смертность привели к обезлюдению сел и деревень, к запустению ранее обрабатываемых полей. В Шкловском графстве, например, от голода и эпидемий в середине XVII в. умерло только мужского пола 10 804 человека. Из 160 деревень в нем в 1661 г. 31 была совершенно пустая, а в отдельных осталось по одному или несколько хозяйств⁸⁶.

Ярким примером, характеризующим масштабы разорений войной середины XVII в. и бедственное положение крестьян, может служить имение Смолевичи, принадлежавшее князю Радзивиллу. В нем было разорено до 80—90% крестьянских хозяйств. Из 1087 домов, насчитывавшихся в 16 его селах до войны, в 1664 г. осталось только 216. Крестьяне лишены были 87,6% лошадей и 97,4% волов, т. е. фактически остались без рабочего скота. Количество пустующих волок за этот период увеличилось с 9 до 362. Положение крестьян в имении было крайне тяжелым, о чем сообщало Радзивиллу должностное лицо, посланное в Смолевичи для составления инвентаря. В донесении указывалось: «Кругом голода, в ряде сел нет ни одного крестьянина, волок не пашут, среди оставшегося населения царит страшная бедность». В том же донесении отмечалось, что крестьяне доведены до нищеты главным образом в результате грабежа со стороны солдат шляхетского войска, которые подвергали целые села полному ограблению, забирая все, что только попадало, снопы с поля, сено и последние семена. Лишенные не только продовольствия, но и кормов для скота, крестьяне вынуждены были кормить сохранившееся незначительное количество коров и лошадей соломой с крыш и хворостом⁸⁷.

В катастрофическом состоянии оказались многие владения. По данным Ю. Можы, исследовавшего демографическую ситуацию в Литве и Белоруссии во второй половине XVII в., опустевшие сельские думы по введоствам составили: в Полоцком — 70,1%, Витебском — 65,2, Мстиславском — 69,1, Новогрудском — 29,1, Брестском — 39,4, Минском — 60,3%⁸⁸.

Огромные разорения экономике страны, в том числе

и сельскому хозяйству, причинила в начале XVIII в. Северная война. Продвижение шведской армии по территории Белоруссии сопровождалось невиданными террором и грабежами. Пылали села, каждый город, в который вступал враг, отдавался на разграбление солдат. В одном из писем царю от 3 апреля 1708 г. командующий русскими войсками князь А. Д. Меншиков сообщал, что шведы «мучат, жгут, вешают мужиков..., дабы ямы хлебные показывали»⁸⁹. Командующий шведской армией А. Левенгаупт «грабил всех без исключения, не давая никому спуска. Всего тягостнее для жителей было то, что он не дал им посеять хлеба, а что нашел в снопах, велел вымолотить и забрал с собою»⁹⁰.

О масштабе разорения крестьянского хозяйства можно судить по пустующим волокам. В селах Квасовской волости (Гродненская экономия) в 1712 г. они составляли 71,5%, в Брестском и Кобринском ключах (1724 г.): в первом — 41%, во втором — 81% всего крестьянского держания. Инвентарь той же Квасовской волости содержит ряд упоминаний о полном запустении сел Пышки, Колпаки, Суковичи, Пуховчицы, Нацевичи, Ритовцы и др.⁹¹ В Шкловском графстве за три года после ухода шведов от голода и «поветрия» вымерло 22% семей, 241 семья ушла за его пределы⁹². В Копыском графстве пустующие волоки в 1710 г. составили почти 2/3 общего фонда пахотных земель. На 43% уменьшилось количество дымов, а поголовье рабочего скота — с 1399 голов в конце XVII в. до 279 в 1710 г.⁹³

В послевоенные годы земельным собственникам нужно было принимать меры, чтобы вернуть в разоренные хозяйства ушедшие семьи, привлечь новых поселенцев. Без людей, без рабочих рук не могло быть и речи о восстановлении. А вернуть и привлечь к себе новых крестьян феодал мог лишь предоставляя им соответствующие льготы. Важным мероприятием в этом отношении был перевод крестьян с отработочной на денежную ренту. Денежная рента по сравнению с отработочной давала крестьянину большую хозяйственную самостоятельность, возможность относительно свободно распоряжаться продуктом сельскохозяйственного труда, что стимулировало развитие производительных сил, а необходимость уплаты денежной повинности являлась «важным фактором развития обмена»⁹⁴. Крестьяне охотнее

шли в те владения, где был шире распространен чинш, а не барщина.

Процесс очиншевания охватил все виды владений. Он начался в королевских столовых экономиях, а затем в староствах, церковных и частновладельческих поместьях. Но даже в экономиях, где очиншевание приняло наиболее широкие размеры, не была полностью отменена барщина. В некоторых ключах, селах сохранялась господская запашка, а в связи с этим и барщинная повинность. В Гродненской экономии, например, в 1680 и 1712 гг. тяглые повинности в форме сезонной барщины продолжали оставаться в Лабенском и Мостовском ключах и двух лесничествах.

Очиншевание крестьян в староствах было слабее, чем в столовых экономиях. Во многих из них барщина, хотя и в меньшем размере, чем прежде, продолжала оставаться основной формой эксплуатации крестьян⁹⁵.

Менее всего перевод с отработочной на денежную ренту коснулся магнатских вотчин, которые по сравнению с другими владениями лучше сохранились в период разорительных войн середины XVII и начала XVIII в. В них преобладал частичный перевод на чинш отдельных волостей, деревень, крестьянских дворов. На западе и в центре страны он не затронул большинства тяглых, а касался лишь некоторой, иногда совсем небольшой их части⁹⁶. Но это не помешало росту чинша во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Рост этот проявлялся в иных формах, чем в государственных и, в частности, королевских владениях. Увеличение денежной ренты в магнатских вотчинах выражалось не в полном переводе крепостных с отработочной ренты на чинш, а в изменении соотношения тяглой и приемной доли в крестьянском землепользовании. Тяглая доля, с которой исчислялась барщина, уменьшалась, а приемная, т. е. чиншевая, увеличивалась⁹⁷.

Перевод с отработочной на денежную форму ренты был вынужденным явлением, носившим временный характер. Одновременно с процессом очиншевания во второй половине XVII и в первые десятилетия XVIII в. в некоторых, наиболее пострадавших во время войн владениях происходило временное послабление в повинностях. Так, владелец Шкловского графства ликвидировал ежегодную 10-дневную барщину с волоки, заменив

ее уплатой денег в размере 3 золотых и 10 грошей и уменьшил прежнюю норму чинша. Денежным эквивалентом были заменены натуральные повинности, которые ранее взимались с крестьян, имевших оседлые волоки. Пустующие волоки свободно раздавались крестьянам на облегченный чинш и за третий сноп. Новопоселенцы и крестьяне, возвращавшиеся на ранее брошенные волоки, на несколько лет освобождались от несения повинностей⁹⁸. Крестьяне Кобринского ключа, согласно инвентарям 1712 и 1724 гг., были освобождены от дякла, которое ранее они несли с тяглой волоки в размере 1 бочки ржи и 2 бочек овса «меры брестской стрехованой»⁹⁹. В Гродненской экономии облегчением для крестьян было то, что они платили чинш иногда не за весь надел, а лишь за посевную площадь, а также понижение расценки за пустые волоки. Постановлением сейма все экономии были освобождены от гиберны — денежного побора на содержание войска. Облегчало положение плательщиков ренты и дальнейшее падение польского золотого.

В магнатских вотчинах, расположенных в западной и центральной части Белоруссии, т. е. там, где широко было развито фольварочное хозяйство, барщина в первой половине XVIII в. по сравнению со второй половиной XVII в. была снижена¹⁰⁰.

В целом по стране и применительно ко всем видам владений, экономике которых причинен был значительный ущерб в период войн, наиболее распространенными и наиболее эффективными мероприятиями, способствовавшими возвращению крестьян и привлечению новопоселенцев, восстановлению хозяйства, были перевод с отработочной на денежную ренту, раздача крестьянам пустующих волок за облегченный чинш и за долю урожая (3 или 4 снопа), предоставление слобод, т. е. освобождение на определенное время от повинностей.

Однако эти и другие мероприятия были временным явлением. По мере восстановления сельского хозяйства возрастали повинности, увеличивалась эксплуатация крестьян, усиливался феодальный гнет. Почти повсеместно возрождались старые и создавались новые фольварки, расширялась, особенно на западе страны, господская запашка, повлекшая за собой увеличение дарового барщинного труда. В связи с этим неизбеж-

ным стал перевод крестьян с денежной на отработочную ренту¹⁰¹. Перевод этот в ряде владений имел место в 20—30-х годах XVIII в. В последующие десятилетия он постепенно возрастал. Уже в 1742 г. повинностное положение крестьян в экономиях и старостах по сравнению с 1724 г. заметно изменилось. Казна, а тем более держатели государственных владений, считая, что крестьянство уже значительно оправилось, увеличили барщину с 2 до 4 дней с волоки, восстановили дякло. Однако до 60-х годов XVIII в. во всех столовых экономиях главенствующей формой феодальной ренты был чинш.

До середины XVIII в. новое наступление на крестьян началось и в частновладельческих имениях¹⁰². Наряду с увеличением отработочных повинностей в них увеличивался и размер денежного чинша. В магнатских вотчинах, например, чинш с тяглой волоки в первой половине XVIII в. по сравнению со второй половиной XVII в. возрос на 128%, а с куничной — на 130%¹⁰³.

Дальнейшее усиление эксплуатации крепостного крестьянства имело место во второй половине XVIII в. в связи с развитием фольварочно-барщинного хозяйства, ростом его товарности и предпринимательской деятельностью феодалов. Процесс этот охватил на протяжении полустолетия не только частновладельческие и церковные поместья, староства, но и королевские столовые экономии, в которых до 60-х годов XVIII в. хозяйство велось путем взимания главным образом чинша¹⁰⁴. В середине 60-х годов в результате реформы Тизенгауза крестьяне этих экономий переводились с денежной на отработочную ренту.

Размер крестьянских повинностей во второй половине XVIII в. по сравнению с первой его половиной значительно увеличился. Причем увеличение шло преимущественно по линии работ, т. е. отработочной формы ренты¹⁰⁵. В магнатских вотчинах, например, барщина с единицы тяглой земли во второй половине XVIII в. по сравнению с первой половиной столетия выросла в 1,5 раза, а чинш с куничных волок — в 1,2 раза¹⁰⁶. Значительно были увеличены отработочные повинности в столовых экономиях. Если в XVI в. с одной тяглой волоки барщина в них составляла 2 дня в неделю, то в 30-х годах XVIII в. 2 дня в неделю нужно было отрабатывать с 1/4 волоки. К тому же крестьян принуждали работать

не только на пашне, но и в мастерских, на предприятиях, мануфактурах¹⁰⁷.

Тенденция к росту отработочной формы ренты была характерна не только для запада и центра Белоруссии, но и для восточных районов. Здесь до 70-х годов хотя и медленно и не столь широко, как на западе страны, но все же фольварочное хозяйство развивалось, расширялись старые и возникали новые фольварки, а вместе с ними увеличилась и барщина. Правда, в ряде владений на востоке в это время имел место и обратный процесс — ликвидация фольварков и, следовательно, барщины¹⁰⁸. В 70-е и последующие годы утверждение фольварочно-барщинной системы в восточной части Белоруссии происходило более интенсивно, и к концу столетия отработочная форма ренты здесь, как и в целом по стране, заняла господствующее положение. Уже в середине XVIII в. во всей Белоруссии тяглые составляли 70—75% общей численности крестьян, к середине XIX в. эта категория сельского населения увеличилась до 97%¹⁰⁹.

Рост числа тяглых крестьян во второй половине XVIII в. наиболее заметным был в государственных и церковных владениях западной и центральной части Белоруссии¹¹⁰, т. е. в тех районах и хозяйствах, в которых в годы военных разорений наиболее массовым был перевод крестьян из тяглых в чиншевые. В магнатских вотчинах этот процесс был менее значительным¹¹¹. Увеличение количества тяглых волок происходило за счет чиншевых, главным образом приемных, а также пустой и освоения новых земель¹¹².

Соответственно удельному весу тяглых и чиншевых крестьян во второй половине XVIII в. получала распространение та или иная форма феодальной ренты. В западных и центральных районах страны, где преобладали тяглые крестьяне, более распространенной была отработочная рента, денежная и натуральная играли второстепенную роль. В восточной части — районе с преобладанием чиншевого крестьянства — основной повинностью являлся денежный и продуктовый оброк. Барщина здесь занимала подчиненное положение как в период упадка, так и в период восстановления¹¹³.

Как уже отмечалось, единицей повинностного обложения, как правило, была волока. В то же время в отдельных владениях уже в XVII в. вместо волоки иногда

применялся дым. Во второй половине XVIII в. с целью усиления эксплуатации крестьян дым как единица обложения повинностями получил более широкое распространение¹¹⁴. Эту же цель преследовала и урочная система, вводимая земельными собственниками на основных полевых работах¹¹⁵.

Урочная система увеличивала барщинный труд, поскольку дневная норма была настолько высокой, что ее практически невозможно было выполнить в течение дня, на что неоднократно жаловались крестьяне. Так, граде д. Острово (Гродненская экономия) в 1780 г. довели такую норму двухдневной пахоты, что ее еле выполнили за четыре дня¹¹⁶. При урочной системе фактически отработочное время никак не совпадало с зачетным инвентарным временем. Рабочий день крепостного при урочном труде превращался, как отмечал К. Маркс, в день, «необходимый для производства среднего дневного продукта; средний же дневной продукт хитроумно определен таким образом, что ни один циклоп не справился бы с ним в сутки»¹¹⁷.

С целью усиления эксплуатации крепостных, увеличения своих доходов феодалы прибегали и к другим мерам. В частности, если раньше размер повинностей определялся главным образом количеством земли, находившейся в держании у крестьян, то во второй половине XVIII в. земельный собственник кроме земли учитывал общее экономическое состояние крестьянского хозяйства, рабочий и продуктивный скот, состав трудоспособных в семье, занятие ремеслом и промыслами. Такой подход к обложению повинностями давал возможность феодалу охватить все зависимое сельское население, проживавшее в его владении (бобылей, ремесленников, кутников, коморников и др.), а не только крестьян-землепользователей.

Какие же повинности в пользу феодала обязаны были выполнять крестьяне в рассматриваемый период? Основной повинностью тяглых крестьян была барщина, чиншевых — денежный оброк. Преобладание той или иной формы ренты зависело от ряда внутренних и внешних факторов. Барщина, например, была наиболее распространена в тех владениях, в которых господское хозяйство носило товарный характер, было тесно связано с рынком. Владельцы таких поместий проявляли осо-

бую жадность к деньгам, к повышению доходности своей казны. «Но из крестьянина, своего крепостного,— отмечал К. Маркс,— можно было выколотить не деньги, а прежде всего только труд или сельскохозяйственные продукты, причем крестьянское хозяйство, которое велось при крайне тяжелых условиях, давало лишь минимальный излишек этих продуктов сверх того, что было необходимо для поддержания самого скудного существования работников, владевших этими хозяйствами»¹¹⁸. Поэтому феодалы расширяли собственное хозяйство, основанное на даровом барщинном труде. При этом в Белоруссии, как в ряде других стран, они использовали все возможности, чтобы извлечь из крестьянского хозяйства и деньги в виде чинша и других платежей.

Размер барщины, чинша, как и других повинностей, земельный собственник устанавливал по своему усмотрению и, естественно, максимальный, но с учетом сохранения платежеспособности и хозяйствования крестьян, с учетом остроты и размаха сопротивления их феодальному гнету. Величина еженедельной барщины с тяглой волоки в целом по стране во второй половине XVII—XVIII в. колебалась от 2 до 16 дней¹¹⁹. Причем, как отмечалось, в период военных разорений и экономического упадка во второй половине XVII — первой половине XVIII в. она была несколько меньше, чем во второй половине столетия.

Отбывать барщину обязаны были как мужчины, так и женщины. Женский труд чаще стал применяться во второй половине XVIII в. Господская запашка обрабатывалась инвентарем и рабочим скотом крепостных. Безлошадные крестьяне отбывали барщину на разных работах, не требовавших применения рабочего скота. Рабочий день длился от восхода до захода солнца. Феодалы жестоко наказывали тех, кто опаздывал или вовсе не выходил на работу в назначенные дни.

Поскольку крестьяне работали на своего барина без всякого энтузиазма и труд их был малопродуктивный, феодалы начали вводить урочную систему труда. Если же во время выполнения барщины была непогода, то это время нужно было отработать в следующие дни. Все это в конечном счете увеличивало продолжительность тяжелого, обременительного для крестьян труда, выступающего в грубой форме принуждения.

Нелегкой повинностью был также денежный оброк. Размер его с одной куничной волоки доходил до 180 золотых¹²⁰. Для того времени это была сравнительно большая сумма.

Кроме барщины и чинша тяглые и куничные крестьяне несли целый ряд других отработочных и денежных повинностей. К отработочным повинностям, например, относились гвалты, толоки, сгоны и уроки — экстренные работы, связанные с уборкой урожая (жатвой), сенокосом, весенней и осенней пахотой, ремонтом плотин и запруд. На эти повинности обязаны были выходить все трудоспособные члены крестьянской семьи (мужчины и женщины), за исключением одного, который оставался дома на случай пожара¹²¹. В монастырских владениях на гвалты заставляли выходить также подростков 14-летнего возраста, а во владении виленского капитула Брашевичи — даже с 13 лет¹²².

В дошедших до нас источниках обычно каждая из названных повинностей, за исключением уроков, включает в себя почти одни и те же виды работ: вспашка под озимые и яровые хлеба, вывозка и разброска навоза, сев озимых и яровых культур, боронование, жатва, ремонт плотин и запруд, иногда сенокос¹²³. Правда, в некоторых инвентарях они определены четко как для толок, сгонов, так и для гвалтов. В инвентаре фольварка Шилово (Оршанский повет) за 1763 г., например, указывается, что крестьяне обязаны в году выполнить десять сгонов: один весной на пахоту под яровые, второй — боронование, третий — сев, четвертый — боронование после сева, пятый — пахота угора под рожь, шестой — боронование вспаханного угора, седьмой — посев ржи, восьмой — боронование посеянной ржи, девятый — жатва озимых культур, десятый — жатва яровых культур; три урока — на косьбу и уборку сена, когда двор прикажет, гвалты — ремонт плотин и запруд в случае их размыва, спасти мельницы от затопления по мере необходимости или когда двор прикажет строить новые плотины¹²⁴.

Количество рабочих дней в году для гвалтов, толок, сгонов и уроков (сенокосов), как правило, составляло: для гвалтов — 5—12 дней, сгонов — 4—10, уроков — 3, толок — 4—6 дней¹²⁵. Но определить общее количество рабочих дней, характерное для всех этих повинно-

стей, не всегда представляется возможным, ибо во многих инвентарях нет четкости в разграничении видов работ той или иной повинности. Например, гвалты в одних источниках предусматривают пахоту, косьбу и жатву¹²⁶, в других — пахоту, жатву и ремонт плотин¹²⁷, в иных — пахоту и жатву¹²⁸ или же только ремонт плотин¹²⁹. В ряде случаев количество дней вообще не указывается, а инвентарь предписывает всем тяглым, куничным и сгонным крестьянам выходить на гвалт по мере необходимости или когда двор прикажет.

Тяжелой для крестьян была подводная повинность. На своих подводах и харчах в любое время года, нередко и в страдную пору, нужно было бросать все хозяйственные дела, в том числе полевые работы, и отвозить господские грузы к пристаням, в портовые города Вильно, Ригу, Гданьск и другие за десятки и сотни километров, затрачивая на это не один или два дня, а нередко несколько недель¹³⁰. В многочисленных жалобах крестьян приводятся факты, когда в пути следования с тяжелым господским грузом падали лошади, волы и таким образом земледелец лишался рабочего скота, не получая за него никакой компенсации¹³¹.

Обычно инвентари определяли, сколько раз в году крестьянин обязан был с одной волоки отбывать подводную повинность и на какое расстояние. В одних владениях расстояние это устанавливалось в милях, в других назывался пункт назначения (город, пристань) или же указывалось приблизительное расстояние, например, «как до Вильна»¹³². Но кроме такой подводной повинности феодалы использовали гужевой транспорт своих крепостных для перевозок различных грузов внутри хозяйства. К такого рода повинности крестьяне привлекались независимо от количества у них земли¹³³.

Обязательной отработочной повинностью для всех тяглых и чиншевых крестьян были «шарварки». Повинность эта сводилась к ремонту старых и строительству новых дорог, мостов, плотин, дамб, стоков, мельниц, корчем, заборов около замка, огораживанию господских садов и огородов, возведению фольварочных построек¹³⁴. Причем ни один из перечисленных видов работ не определялся конкретным временем, т. е. количеством рабочих дней, а выполнялся по мере необходимости для господского двора¹³⁵.

Крестьяне обязаны были сплавать лес и другие грузы своих господ в портовые города Прибалтики. Повинность эта особенно обременяла крепостных тех помещиков, которые находились в непосредственной близости к сплавным рекам, связывающим Белоруссию с прибалтийскими портовыми городами, и владельцы которых вели оживленную внешнюю торговлю. Это относится главным образом к владениям, расположенным в бассейнах Немана и Буга, где было развернуто фольварочно-барщинное хозяйство, ориентированное преимущественно на внешний рынок. Для сплава леса, лесоматериалов, зерна, льна, пеньки, растительного масла, поташа, других товаров земельные собственники требовали от крестьян каждой деревни выделять определенное количество людей или же специально нанимать сплавщиков-плотогонцов, обеспечивая их продовольствием, одеждой и деньгами на время сплава. Эти люди должны были речным путем доставлять грузы в тот или иной порт, а оттуда — купленные феодалом товары в его поместье.

Кроме перечисленных отработочных повинностей крестьяне обязаны были выполнять и другие работы: выходить на облаву во время охоты своего феодала, заниматься рыбной ловлей для господского двора, молотьбой, раскорчевкой пней; женщин заставляли мочить коноплю, обрабатывать лен, прясть, стричь овец, поливать капусту, пропалывать огороды, отбеливать полотно, стирать белье и т. д.¹³⁶ Женский труд широко применялся на толоках, гвалтах и шарварках.

К отработочным повинностям можно отнести сторожевщину и сторожу (варту). Первая заключалась в выполнении различных работ, как правило, в счет барщины непосредственно в господской усадьбе. Для этой цели крестьяне поочередно на каждую неделю выделяли по 2—4 человека¹³⁷. Сторожа, или ворта, — караульная служба, ночные дежурства в фольварке сверх барщины. При этом охранять нужно было не только господский двор, хозяйственные постройки, но и снопы во время жатвы.

Тяжелым бременем на крестьянское хозяйство ложился продуктовый (натуральный) оброк. Он заключался в сдаче господскому двору продукции земледелия, животноводства, птицеводства, пчеловодства, сельских и лесных промыслов. Основу оброка составляло зерно-

вое дякло (рожь, ячмень, овес, иногда пшеница), которое в ряде владений нужно было не только сдать, но и вывезти в поле, посеять и забороновать¹³⁸. Эти зерновые культуры, выступавшие в качестве продуктового оброка, фигурируют в инвентарях подавляющего большинства государственных, церковных и частновладельческих поместий. То же можно сказать и о продукции птицеводства (куры, гуси, яйцо). Она почти всегда и повсеместно составляла одну из главных натуральных повинностей крестьян.

Из продукции животноводства и промыслов, поступавшей земельному собственнику в качестве натурального оброка, были растительное и сливочное масло, скот, хмель, грибы, орехи, ягоды, рогожа, дранка, зола, луб, невод, сети, полотно, нитки. В ряде владений феодалы требовали сдачи конопля, пеньки, сена, дров.

Широко распространенной натуральной повинностью была медовая дань (медовая полуя), т. е. обязанность крестьян сдавать господскому двору половину собранного меда, а в некоторых владениях, кроме того, и половину воска. Отдельные феодалы требовали от крестьян не половину собранного меда, а определенное количество в год (в Давид-Городке, например, определенное количество ведер). Если в каком-либо году меда по тем или иным причинам не оказалось, в таком случае крестьянин обязан был уплатить за него двору установленную сумму денег. В том же Давид-Городке размер платы за одно ведро меда составлял 12 злотых¹³⁹. В Копысском графстве в 1747 г. вместо меда крестьяне уплатили феодалу по 15 грошей от каждого улья пчел¹⁴⁰.

Во избежание обмана земельного собственника крестьянам запрещалось выбирать мед из ульев без представителя господского двора. Только в присутствии должностного лица феодала они могли производить эту операцию¹⁴¹.

Размеры и виды натуральных повинностей не были и не могли быть в тех условиях одинаковыми для всех владений. Каждый земельный собственник, являясь хозяином в своем владении, как характер, так и размер повинностей устанавливал по своему усмотрению, исходя из создавшейся ситуации в тот или иной период. Продуктовый оброк не был также постоянной величиной даже в одном и том же владении. Он нередко полностью

или частично заменялся деньгами или же носил двоякий характер, т. е. мог выполняться или натурой, или деньгами. Во владении Городище (Новогрудское воеводство), например, в 1677 г. крестьяне с одной тяглой волоки должны были сдавать двору 1 бочку ржи, 1 бочку овса, 1 гуся либо 6 грошей литовских, 2 курицы или 10 грошей польских, 10 яиц, один десяток льну или 6 грошей литовских, 1 копу грибов, половину собранного меда¹⁴². Как видно, городищевским крестьянам предоставлялась возможность часть натуральных повинностей выполнять только продуктами, а часть продуктами или деньгами.

Во владении Варшава Русская (так называлось вотчинное владение Игнатия Огинского Велешковичи в Витебском воеводстве) в 1765 г., Чечерском старостве и державе Росох (Речицкий повет) в том же году, например, все натуральные повинности выполнялись крестьянами путем уплаты определенной денежной суммы¹⁴³. В то же время во многих владениях натуральный оброк составляли только продукты. Так, крепостные Дубойской волости, принадлежавшей Пинской иезуитской коллегии, обязаны были сдавать с тяглой волоки коллегии 88 комиссионных шинковых гарницев ржи, 66 комиссионных гарницев хмеля, одного гуся, курицу и каплуна, веноч грибов (100 штук), 30 яиц, 3 мотка ниток для невода, половину сбора меда¹⁴⁴.

Имели место и такие случаи, когда в одних имениях натуральный оброк взимался продуктами даже за счет чинша, в других натуральное дякло, как и некоторые отработочные повинности (подводная, сторожевщина и др.) заменялись деньгами¹⁴⁵. Так, инвентарь владения Велешковичи 1765 г. предписывал взимать у крестьян за дякловую птицу деньгами в следующем размере: за гуся — 1 тынф, курицу — 1 шостак битый, за копу яиц — полтора шостака¹⁴⁶.

Таким образом, натуральные повинности и по своему объему, и по характеру выполнения их крестьянами были разнообразны. Причем замена продуктов уплатой деньгами не была присуща какой-то одной территории, одному региону или одному виду владений. Явление это распространялось по всей Белоруссии и чем ближе к концу XVIII в., тем шире. Исключение в этом отношении составляли монастырские имения. В них, как отме-

чает Я. Н. Мараш, исследовавший церковные владения, тенденция к замене как отработочной ренты, так и продуктового оброка не наблюдалась¹⁴⁷.

Постоянной повинностью крестьян в рассматриваемый период был денежный оброк, выступающий в различных видах и размерах. Наибольший удельный вес в нем занимал чинш, уплачиваемый за пользование землей. Как отмечалось, основным его плательщиком были чиншевые (куничные) крестьяне. Именно для них денежный чинш являлся главной повинностью.

Размер чинша определялся с волюки земли с учетом ее качества и других признаков. В графстве Смолены (Витебское воеводство), например, согласно инвентарю 1739 г., крестьяне обязаны были платить чинш с тяглой оседлой волюки в размере 12 тынфов и 15 грошей, приемной — 10 тынфов, землянской оседлой — 20, куничной большой — 60, куничной малой — 30 тынфов. Причем в документе этом подчеркивалась необходимость учитывать качество почвы. Если она была запущенной, болотистой, тогда размер чинша устанавливался как для малой куничной волюки¹⁴⁸.

Помимо чинша феодалы взимали с крестьян ряд других денежных платежей. При уплате чинша, например, взималось записное. Размер его в источниках выглядит по-разному. В Копыском графстве (1651 г.) он составлял 8 грошей литовских, в Чечерском старостве (1754 г.) с оседлой волюки — 6 грошей, а с приемной — 12 грошей, в Давид-Городке (1702 г.) записное с каждой волюки равнялось 6 грошам польским¹⁴⁹. В Кричевском старостве (1747 г.) и Велешковичском графстве (1756 г.) записное при уплате чинша взималось от каждого золотого в первом — по одному грошу, во втором — по одной денюшке¹⁵⁰. В размере 3% от каждой уплачиваемой крестьянами суммы в пользу администрации владения поступало грошовое, или квитанционное¹⁵¹.

Как известно, земельные собственники запрещали крепостным самовольно выдавать своих дочерей замуж во владение другого феодала. Для этого нужно было получить разрешение и уплатить так называемую куницу. Размер ее устанавливал сам владелец имения. Во владении Смоленичи, например, в 1713 г. более зажиточные крестьяне платили куницу по своему усмотрению, беднейшие (худшие) — по копе грошей.

Одним из видов денежных платежей было жерновое (жерновщина). Оно взималось с крестьян за разрешение иметь им свои жернова для приготовления крупы. На помол муки в то время в Белоруссии существовало монопольное право феодалов. Только они могли располагать мельницами, в которых крестьяне обязаны были молоть зерно. Причем молотье крестьянин должен был только у своего владельца. Ездить на мельницу к другому феодалу категорически запрещалось под угрозой штрафа и конфискации зерна¹⁵². В Копыском графстве за нарушение этого порядка, указывается в уставе повинностей подданных 1756 г., все зерно, привезенное крестьянином на мельницу, подлежало конфискации и, кроме того, виновник должен был уплатить штраф в размере 100 коп грошей литовских¹⁵³.

Жерновое обязаны были вносить все крестьяне. Размер его, как и других повинностей, в разных владениях выглядел по-разному и взимался деньгами или зерном. В Копыском графстве, например, до 1756 г. жерновое вносилось зерном в количестве 1/8 бочки ржи и 1/8 бочки овса, а с 1756 г. — по 1 тынфу с каждого дыма¹⁵⁴.

Поскольку мельницы в сданных в аренду имениях принадлежали арендаторам, то и жерновое взималось ими. Арендаторам крестьяне еще уплачивали арендовщину за предоставляемое им право изготовлять спиртные напитки. Она могла взиматься и деньгами и натурой. Так, в Копыском графстве, по данным источника за 1674 г., арендовщина составляла 0,5 бочки виленской ржи с каждой седибной волюки, а по источнику за 1747 г. — 10 тынфов с тяглой оседлой волюки. Крестьяне деревень Стайки и Левково того же графства, Сусоево и Паузух Романовского графства уплачивали по 4 тынфа с волюки оседлой¹⁵⁵.

К денежным платежам относились также рейтарщина — побор, взимаемый на содержание частного войска феодалов, повепровщина, лесное, роговое, угайное, яловичное, уплачиваемые за пользование лесными угодьями земельных собственников, а также сеножатное, пороховщина, казачина и др.¹⁵⁶ Крестьяне Чучевичской волости (имение Лахва, Пинский повет) в 1794 г. платили рейтарщину по 8 золотых с волюки¹⁵⁷, а крестьяне Гресской волости в 1765 г. — по 6 золотых с тяглой волюки¹⁵⁸. Повепровщина в фольварке Крупово (Слонимский по-

вет) в 1752 г. составляла 1 золотый с тяглой волоки, сеножатное в Милевичском фольварке (Слонимский повет) в 1782 г. — от 25 грошей до 1 золотого и 8 грошей с 1 сенокосного морга, в зависимости от качества луга, а сеньщина в отдельных селах Копысского графства — 1 тынф с 1 дыма¹⁵⁹.

В обязанность крестьян, кроме ренты, входила уплата государственных налогов. Главным из них было подымное, взимаемое с каждого дыма в зависимости от имущественного состояния крестьянского двора. Обычно налог этот давался общей суммой на всю деревню, а затем уже она распределялась по дворам¹⁶⁰. Крестьяне д. Вулька (Брестская экономия) в 1767 г. были обязаны внести всей общиной в кассу скарба подымное в размере 71 золотый и 12 грошей¹⁶¹. В отдельных источниках размер подымного указывается и с каждого дыма. В фольварке Крупово (Слонимский повет) в 1752 г. и имении Велешковичи (Витебское воеводство) в 1756 г. он составлял 4 золотых польских¹⁶². В Гродненской экономии богатые крестьяне платили с дыма по 12, зажиточные — 9, средние — 6, бедные — 3 золотых польских¹⁶³.

Второй денежной повинностью, выполняемой в пользу государства, была гиберна. Она предназначалась на содержание войска в зимнее время. Несение этой повинности возлагалось на крестьян королевских и церковных владений. Размер ее, как и подымного, доводился всей общине, а внутри общины распределялся между крестьянами с учетом их имущественного положения. Так, гиберна д. Вулька (Брестская экономия) в 1767 г. составляла 31 золотый 20 грошей, т. е. в два с лишним раза меньше, чем размер подымного, уплаченного ею в том же году государству¹⁶⁴. Однако это не означает, что размер гиберны всегда был намного меньше подымного налога. В деревнях Киевец и Залесье (Брестская экономия) в 1767 г., например, он был одинаковый. Гиберна в Киевец составляла 111 золотых 14 грошей, а подымное — 110 золотых, в Залесье — соответственно 152 золотых и 154 золотых 21 грош¹⁶⁵.

Обременяли крестьян и другие повинности, а также различные денежные и натуральные сборы. Нелегкой, например, была стация — натуральная повинность, взимаемая с крепостных на содержание лиц королевской администрации при их приезде во владение, войска во

время его постоя или по пути следования. В Чечерском старостве, например, согласно уставу повинностей 1763 г., крестьяне во время пребывания в нем старосты обязаны были на протяжении четырех недель поставлять в замок необходимое количество продуктов питания, фураж и сторожей¹⁶⁶.

В рассматриваемый период стация являлась постоянной ежегодной повинностью крестьян и взималась не только продуктами сельского хозяйства, но и деньгами. В Давид-Городке — вотчине крупнейшего магната Радзивилла — в 1702 г. она составляла 1 золотый 15 грошей с одной волоки¹⁶⁷.

Постоянными повинностями были волочечное и колядное, вносимые крестьянами в пользу своих панов, осэп — натуральная дань зерном и некоторые другие (свадебное, ковшовое). В имении Хотетичи (Минское воеводство), например, в 1783 г. волочечное заключалось в сдаче крепостными 10 штук яиц и 2 десятков лыка, а колядное — 1 курицы¹⁶⁸. Осэп в д. Вулька (Брестская экономия) в 1767 г. составлял 1 корец ржи и 1 корец овса с 1 волоки, а во владении Высокое Литовское той же экономии в 1794 г. — 9 гарнцев ржи, 3 гарнца ячменя и 3 гарнца овса¹⁶⁹.

Приведенный перечень повинностей свидетельствует о многочисленных обязанностях крестьян по отношению к земельному собственнику. Не все эти повинности выполнялись одним и тем же крестьянином, не все они были и в каждом поместье. Однако в целом на плечи крепостных ложился тяжелый груз феодального гнета. Крестьянское хозяйство было обременено кроме тяжелой барщины различными денежными и натуральными поборами, государственными налогами, приношениями своим владельцам и господам. Убедительно подтверждают это данные о крестьянских повинностях в магнатском поместье Люшнево. В 1750 г. здесь преобладали полуволочные крестьянские хозяйства. Повинности с волоки здесь были следующие: барщина — 6 дней мужских и 6 дней женских в неделю, гвалты — от начала сенокоса до конца жнив по потребе, как и осенью на плотинах, дорогах и мостах, стража недельная, как и дежурство ночное — в очередь, подводы — в меру потребности, дякло зерновое — 4 шанка ржи, 4 шанка овса, натуры — 1 гусь, 2 курицы, 20 яиц, 120 сухих грибов,

10 горстей конопля, 2 гарнца орехов, меду — половина сбора, 40 грошей¹⁷⁰.

Столь же обременительными были повинности и в государственных владениях — королевских столовых экономиях и старостах. Крестьяне д. Киевец Брестской экономии в 1767 г. отбывали с одной оседлой волоки 8 дней барщины, с чем двор прикажет, 6 дней гвалтов, из них 2 дня пахоты, 2 дня жатвы и 2 дня сенокоса. На гвалты, кроме пахоты, выходили всей семьей, за исключением престарелых, малых детей и одного взрослого, оставляемого беречь дом от пожара и воров. С тяглой и чиншевой волоки давали подводы один раз в год на расстояние 24 мили на своем содержании, а внутри хозяйства обязаны были перевозить господские грузы в счет барщины, сколько двор прикажет; отбывали шарварки по строительству и ремонту мостов и плотин; сто-рожу — в господском дворе в очередь; должны были выделять сплавщиков-плотогонов для сплава зерна; сдавать с тяглой волоки 4 корца варшавских овса, а с приемной — 1 корец ржи и 4 корца овса той же варшавской меры в качестве так называемого осыпа. Зерно это требовалось доставить в господский двор, а затем вместе с фольварочным отвезти к берегу сплавной реки.

Из денежных повинностей киевецкие крестьяне платили чинш в размере 5 злотых и 10 грошей с тяглой волоки, с приемной — 20 злотых; грошовое по 1 грошу от 1 злотого чинша и гиберны; государственные налоги гиберна и подымное вносились огулом, т. е. всей деревней — гиберны 111 злотых, подымного — 110 злотых¹⁷¹.

Изнурительные повинности несли крепостные духовных феодалов. В западных районах страны наиболее обременительными из них были отработочные. Так, в д. Лихницы Волковысского повета, принадлежавшей гродненскому монастырю св. Бригиты, барщина с четверти волоки в неделю составляла: летом — по 3 дня (мужчины и женщины) и зимой — по 2 дня (мужчины и женщины)¹⁷². Во второй половине XVIII в. барщина в духовных и в других владениях увеличилась. В Кремьяницком и Рогозницком фольварках, например, с 1749 г. до конца столетия она возросла с 14 до 16 дней в неделю с 1 волоки. По 12 дней в неделю с тяглой волоки отработывали крепостные Дубойской волости

Пинской иезуитской коллегии. Такое же положение с барщиной было в деревнях Оховского фольварка, в Броднице, в Гродненской иезуитской коллегии и др.¹⁷³ Но кроме барщины крестьяне отбывали гвалты, толоки, шарварки. Количество отработочных дней с полуволочного хозяйства, например, в большинстве деревень монастыря св. Бригиты достигало 392—490 дней в год, а во владениях иезуитов — 245—294 дня в год¹⁷⁴. На востоке Белоруссии, где фольварочно-барщинная система не получила широкого развития, были высокими денежный и натуральный оброк. В имении Виленского капитула Стрешин в 1747 г. чинш с оседлой волоки составлял 180 злотых¹⁷⁵.

Существенные изменения в рассматриваемый период произошли в повинностях также сельских ремесленников. Ремесленники-слуги, например, во второй половине XVII — первой половине XVIII в. обязаны были за земельный надел работать в господском дворе или замке лишь по своей специальности. Других повинностей, как правило, они не несли, о чем указывается в инвентарных описаниях феодалных владений¹⁷⁶. Во второй половине XVIII в. положение ремесленников-слуг в ряде королевских и частных владений заметно изменилось. Помимо выполнения ремесленных работ в господском дворе, отдельные феодалы стали привлекать их и к другим повинностям. В одних случаях делалось это на протяжении всего года¹⁷⁷, в других — после завершения всех специальных работ по ремеслу¹⁷⁸. Такой сдвиг в сторону усиления повинностного гнета ремесленников-слуг отражал общую для данного этапа тенденцию усиления барщинно-крепостнического гнета. Пожалуй, лишь повинности замковых пушкарей оставались без изменений. Эти ремесленники были на особом положении, ибо кроме непосредственно ремесленного труда (изготовление пороха, ремонт пушек и другого оружия) они выполняли полицейские и другие функции¹⁷⁹. Возросший интерес к труду ремесленников-слуг был обусловлен отчасти ростом товарности господского хозяйства и развитием помещичьего предпринимательства.

Крестьяне-ремесленники несли те же повинности, что и тяглые или чиншевые крестьяне, отбывали барщину, где она имела место, ходили на шарварки, толоки, сгоны, уплачивали чинш и т. д.¹⁸⁰

Данные по отдельным владениям указывают на стремление феодалов превратить ремесленные занятия крестьян в источник своих доходов. Помимо общих повинностей крестьяне-ремесленники обязаны были внести в господскую казну налог натурой или деньгами за ремесло и промыслы. Так, гончары имения Варшава Русская (Велешковичи) в 1756 г. поставляли владельцу нужное количество посуды (молочные и кухонные горшки)¹⁸¹. Таковую же обязанность выполняли гончары Кричевского староства. Они же должны были ремонтировать печи и засеки в господском дворе¹⁸². Дегтярники Чечерского староства в 1763 г. вносили в казну определенную плату деньгами¹⁸³.

Некоторые феодалы в XVIII в. прибегали и к другим формам эксплуатации крестьян-ремесленников. Они привлекали некоторых специалистов ремесленного производства к выполнению работ непосредственно в своем дворе (усадебе), освобождая их полностью или частично от общих крестьянских повинностей. Так, ткач Томаш Лубач и кузнец Янко Кобрун из д. Славково (Несвижское княжество), имевшие по 0,5 волоки, в инвентаре 1735 г. числились вольными от всех повинностей, выполняемых крестьянами¹⁸⁴. В то же время крестьяне-ремесленники с. Войниловичи того же Несвижского княжества: Роман Ярмоченя — каменщик, Тимох Коломач и Трофим Дрыжевский, изготовлявшие известь и пользовавшиеся полуволокой земли, согласно инвентарю 1735 г., — были освобождены от общих крестьянских повинностей лишь с четверти волоки¹⁸⁵. В Любавичском графстве в 1765 г. плотники и бондари освобождались от натурального оброка (рожь, ячмень и овес) и уплаты некоторых денежных поборов¹⁸⁶. Такая замена повинностей крестьян-ремесленников вызывалась необходимостью использования отдельных специалистов на экстренных строительных работах в господских дворах. Она могла проводиться и с целью оживления сельского ремесла, привлечения отдельными феодалами в свои владения большего числа ремесленников, потребность в которых особенно ощущалась во второй половине XVIII в. в связи с общим экономическим развитием, усилением товарности помещного хозяйства и широко развернувшимся строительством предприятий и хозяйственных объектов.

Приведенные данные о повинностях основной массы крепостных свидетельствуют о тяжелом феодальном гнете. Однако данные эти не полностью отражают степень эксплуатации, так как они почерпнуты главным образом из инвентарей, в которых указывались нормативные размеры повинностей. Фактически феодальный гнет был значительно тяжелее, ибо инвентарные нормы повсеместно нарушались в сторону их увеличения. В целях повышения доходности поместья и личной наживы администрация и арендаторы имений выжимали из крестьян максимум возможного, сверх всяких норм принуждали отбывать повинности не только взрослых мужчин, но и широко использовали женский и детский труд.

Крестьян Гродненской экономии, например, в 1780—1783 гг. державца принуждал сверх инвентаря отбывать гвалты, толоки, дорожную повинность, сторожу и другие повинности, требовал уплаты дани на церковь, доставки ему ягод, яблок, груш, орехов, яиц, кур, гусей, раков, лыка, коры из ели, хвостов конских, смолы-живицы, желудей, щетинны, соломы, весел, шток на неводы, золы, овечьих шкур, полотна сермяжного, льняного и конопляного семени, хмеля, пеньки, известковых камней, сена, различных платежей, как-то: билетового, коммунального, моргового, торгового, окладного, рогового, лыкового, мостового, погорельщины и др.¹⁸⁷

Нередко арендаторы и другие держатели феодальных владений принуждали крестьян отбывать барщину сверх инвентаря, прибегая к военной силе, что еще больше усугубляло тяжелое положение крестьян, так как требовались дополнительные расходы на содержание солдат. Так, крестьян Брестской экономии в 1745 г. державца Ольшевский с помощью солдат заставлял отбывать барщину сверх инвентаря. На содержание солдат с крестьян взимались денежные и продуктовые поборы¹⁸⁸, что еще больше разоряло крестьянское хозяйство.

Вымогательства держателей имений, администрации феодалов, как правило, сопровождались издевательствами, побоями и другими унижительными мерами. Так, например, крестьян с. Деревня (Несвижское княжество) в 1753 г. принуждали ежедневно «от воскресенья до воскресенья» работать на барщине. Управляющий избивал людей до полусмерти, принуждал старых крестьян

для отбывания отработочной повинности нанимать вместо себя молодых или вносить в кассу феодала соответствующую сумму деньгами. Он же силой заставлял крепостных воровать ночью лес в соседних владениях. Более того, если ему покажется, что кто-то привез не совсем прямое дерево или небольшого размера, того безжалостно избивал. Он же ежегодно принуждал всех крестьян брать по разверстке водку, оценивая ее по высокой стоимости. Тот, кто не смог вовремя рассчитаться за выделенное ему количество спиртного, подвергался грабежу¹⁸⁹.

Крестьян с. Малые Озераны (Гродненская экономия) державца пан Розынковский насильно принуждал к тяжелой барщине и другим разным работам, гвалтам, шарваркам, требовал сторожей, сдачи кур, гусей, яиц, грибов, орехов, уплаты денег на погорельцев, заставлял покупать у него определенное количество соли, кос, лопат, проводил тяжелые экзекуции, сажал в тюрьму, издевался, травил крестьянские сенокосы¹⁹⁰.

Произвол державцев и экономов имений, их слуг и администрации феодалов, сопровождаемый побоями, нередко приводил к увечью и смерти крепостных. В жалобах крестьян Гродненской экономии (1780—1783 гг.) указывается на избивание державцей до смерти паробка в с. Ольхово, двух крепостных в с. Пуховичи, в убийстве 4 хозяев в с. Пыховчина¹⁹¹.

Тяжелыми для крестьян были экзекуции, проводимые с целью взыскания денежных платежей, дани, недоимок или принудить крепостных отбывать сверх инвентаря отработочные повинности. Экзекуции сопровождались грабежом и насилием. В одной из своих жалоб крестьяне с. Поляминово (Быховское графство) в 1742 г. указывали: «Тяжелые экзекуции терпим. Слуги диспозитора пана Бучинского грабят свирны не только у того, кто не рассчитался с долгами или не выполнил повинности, но и у того, у кого знают, что в свирнах есть что взять, забирают масло, кур, пьют водку за счет крестьян столько, сколько хотят»¹⁹².

Насилие над крепостными, избивание ни в чем не повинных подневольных людей было постоянным средством в руках господствующего класса, управителей, держателей имений. Их целью прежде всего была нажива, для осуществления которой прибегали к самым гнусным

мерам: обману, грабежу, избиваниям. Так, администратор Воложинской волости Гизберт в 1743 г. одолжил крестьянам зерно на посев и другие нужды одной меркой, весом в 4,5 пуда, а требовал возвращать ему меркой в 6 пудов. Он же, невзирая на инвентарь, согласно которому крестьяне должны были отбывать барщину три дня в неделю, принуждал их работать столько, сколько ему вздумается¹⁹³.

У крестьян с. Поляминово (Быховское графство) в 1742 г. арендатор Мейер забрал всю пеньку и заставил обрабатывать ее. Посчитав, что его приказ плохо выполнен, он приказал слугам избить постромками 17 крестьян, которые от побоев «еле оставались живыми»¹⁹⁴.

С целью наживы администратор Шкловского графства, например, обязывал крестьян продавать конопляное семя только ему, а платил за него не по 3 руб., как на рынке, а по 1,5 злотых (1 руб. соответствовал 6 злотым 20 грошам). Причем семя принимал меркой не рыночной, а большей, к тому же расчет производил не деньгами, а лемехами, цена которых была в 3 раза выше, чем на рынке¹⁹⁵.

Подвергая крестьян грабежу, администрация феодалов, держатели имений ни с чем не считались, забирали у них последнее. В Любавичском графстве, например, державца Лапицкий забрал у крестьянина села Кеново Федора Товкача последнюю корову и продал ее только за то, что не был уплачен чинш за четвертую часть приемной волоки, хотя от этой земли он ранее отказался¹⁹⁶. Не остановили державцу от грабежа слезы семерых детей Федора Товкача, которых потеря единственной коровы, являвшейся по существу кормилицей всей семьи, обрекала на неминуемый голод.

Бездушное, нечеловеческое отношение феодалов, их администрации и арендаторов к крепостному крестьянству отмечают и официальные документы того времени. В судебных делах Речицкого земского суда от 3 октября 1781 г., например, указывается на «неслыханную тиранию» речицкого стражника Волка Левонича по отношению к крестьянам Рынинского фольварка. Он не только нарушал инвентарные нормы повинностей, силой заставлял крестьян выполнять различные непредусмотренные инвентарем услуги двору, избивал ни в чем не

повинных людей, но и жестоко издевался над женщинами-матерями грудных детей. Этим женщин он принуждал работать весь день в господском дворе, не разрешая им уходить домой кормить грудью детей, а после дневной работы от восхода до захода солнца заставлял их всю ночь прясть в фольварке¹⁹⁷.

Особенно беспощадно эксплуатировали отданных в их распоряжение крестьян арендаторы и другие держатели государственных владений. Они не только принуждали крепостных нести повинности сверх инвентарных норм, требовали не предусмотренных условиями держания различных платежей, дани, но и заставляли их работать в своих собственных владениях, а нередко и во владении своих «друзей и приятелей», знакомых и т. п. К арендуемым государственным крестьянам у временных хозяев было особое отношение. Если собственных, т. е. вотчинных, подданных они эксплуатировали максимально, но все же так, чтобы у них хватало сил и средств выполнять свои повинности постоянно, то дальнейшая судьба крестьян, находившихся во временном держании, не интересовала ни арендатора, ни посессора. Все они преследовали одну цель — за время держания любыми средствами увеличить свои доходы. А достигалась эта цель главным образом путем усиления феодального гнета, увеличения отработочных повинностей, чинша и других денежных платежей, различной дани, путем грабежа и насилия. Так, брестский воевода Ян Гораин, получив в 1750 г. в держание Яловское староство¹⁹⁸ (Волковысский повет), в целях наживы жестоко угнетал крепостных, невзирая на размеры крестьянских повинностей, указанные в инвентарях, игнорируя королевские привилегии и «листы», выданные крестьянам этого староства, а также неоднократные судебные предупреждения и приговоры, о чем свидетельствуют не только жалобы крестьян, но и официальные документы государственного органа¹⁹⁹. В декретах Задворного ассесорского суда Великого княжества Литовского за 1775, 1776, 1777 и 1783 гг., относящихся к Яловскому староству, отмечается, что упомянутый Гораин перемерил все волокна в старостве и сделал их не 33-морговыми, а меньшими, так что каждая из них фактически равна была полуволоке, увеличив в то же время все виды повинностей и платежей. Он же со своими экономами,

наместником, диспозиторами и комиссаром независимо от того, сколько и какой по качеству у крестьян было земли, гнал всех их на барщину в фольварки не только Яловского староства, но и в свои вотчинные имения, владения волковысского земского судьи, комиссара Буткевича, а также других «друзей и приятелей»²⁰⁰.

В судебных записях говорится и о таких злоупотреблениях Гораина, как ежедневная охота на крестьянских лошадях, изъятие у крестьян, имевших пасеки, всего собранного ими меда, за который получали незначительную плату и то лишь за третью его часть, требование не предусмотренных инвентарем денежных платежей, дани и работ и т. п. Все это делалось в грубой принудительной форме, не считаясь ни с какими обстоятельствами, иногда прибегая даже к силе²⁰¹. Гораин, его должностные лица и слуги избивали ни в чем не повинных крестьян, сажали их в тюрьму, подвергали грабежу, запрещая жаловаться королю и обращаться в суд²⁰². Чтобы запугать крестьян и заставить их выполнять волю временного хозяина, Гораин в октябре 1752 г. устроил для них настоящее побоище. С этой целью в староство были завербованы 50 конных татар. Прибыв во владение, конный отряд наемников сделал засаду в указанном им месте. Тем временем эконом староства пан Куницкий под предлогом, будто бы приехал комиссар для разбора жалоб, согнал в господский двор несколько сот крестьян. Затем приказал закрыть и запечатать ворота, а слугам дворным — оцепить согнанный люд, после чего открыл по нему огонь из пистолета²⁰³. Выскочив из засады, татары под командованием Янковского начали стрелять, рубить саблями и колоть «спицами» беззащитных людей. В результате был убит Иван Гиль — крестьянин д. Новосады, а 16 крепостных получили тяжелые ранения²⁰⁴.

Страшным бичом для крестьян была принудительная покупка у своего земельного собственника спиртных напитков. Феодалы заставляли крепостных покупать водку по разнарядке и установленной цене только у них самих, арендаторов их владений и корчем.

Крестьянам разрешалось торговать только в пределах владения своего феодала²⁰⁵. Но и эта возможность была ограничена. Нельзя было продавать продукцию сельского хозяйства и промыслов купцу или скупщику

непосредственно у себя дома²⁰⁶. Сбывать ее этой категории покупателей можно было лишь на торгах в городах и местечках того владения, в котором проживали²⁰⁷. Владелица графства Микулин Марьяна Огинская, например, в апреле 1754 г. своим универсалом запретила крестьянам продажу дома скота, хлеба, пеньки, конопли, меда и воска под угрозой потери товара и уплаты штрафа в размере 6 коп. Такому же штрафу подвергался и покупатель. Продавать перечисленный товар можно было только на рынке в Микулине²⁰⁸.

Подобные предписания крестьянам давались и другими земельными собственниками, о чем свидетельствуют экономические инструкции феодалов. Инструкция, например, владения Потоцких Тростяница (Брестское воеводство) 1757—1759 гг. обязывала всех крестьян ездить только на базары входившего в это владение местечка Пратолин. Такое же предписание содержалось и в инструкции по графству Потоцких Россь (Волковысский повет) 1759 г. Владелец Быховского графства требовал от своих подданных ездить на базары в Старый Быхов²⁰⁹. Нарушение крестьянами таких предписаний влекло за собой суровые наказания. Согласно инструкции владельца Романовского графства, изданной в 1756 г., крестьяне обязаны были ездить на торги только в м. Романово. Посещать чужие города в торговых целях, за исключением ярмарок, категорически запрещалось. Кто нарушал это распоряжение, тот подвергался суровому наказанию, очевидно, физическому, и должен был уплатить штраф в кассу владельца²¹⁰.

Таким образом, крестьянская торговля территориально была ограничена. Она не выходила за пределы владения своего феодала. Но даже и в пределах владения, в котором проживали, их торговлю всячески ограничивал землевладелец. Во многих владениях крестьянам запрещалось продавать скупщикам и купцам пеньку, лен, льняное и конопляное семя, а в некоторых и зерно до тех пор, пока не произведет закупку нужного количества этих товаров феодал или арендатор его имений²¹¹. Такое ограничение также не было выгодным для крестьян, ибо феодал обычно платил не по рыночной, а более низкой цене²¹². Причем закупка товаров нередко производилась в счет чинша, различных денежных поборов, недоимок, долгов и т. п. К тому же арендаторы и

другие лица, производившие скупку продуктов сельского хозяйства и промыслов, как правило, обвешивали крестьян, применяя при покупке не стандартную, а свою, меньшую меру²¹³. Торговые агенты Радзивилла, например, скупая в 1754 г. пеньку у крестьян Кричевского староства, считали 19 кантаров за 1 берковец, тогда как в действительности берковец составлял 16 кантаров. Таким образом, уплатив крестьянам за 125 берковцев пеньки, агенты фактически получили 148 берковцев, т. е. на 23 берковца больше²¹⁴.

Принудительная продажа продукции сельского хозяйства феодалу ущемляла интересы крестьян, ограничивала в известной мере их непосредственные связи с городским рынком. Такое же действие оказывала и принудительная покупка крестьянами у феодала некоторых видов продукции промыслов и ремесла. Выше уже отмечалось, что водку крестьянин был обязан покупать только в господском дворе или у арендатора корчем. По разнарядке они были вынуждены покупать у феодала также соль. Кроме того, арендаторы и державцы имений заставляли крестьян приобретать у них нароги, косы, серпы, лопаты, топоры и другие орудия сельскохозяйственного труда. И в данном случае цена на эти товары, надо полагать, была выше рыночной, иначе невозможно объяснить отказ крестьян покупать столь необходимый в хозяйстве инвентарь. А фактов отказа имеется немало. В 1780 г., например, арендаторы имений Гродненской экономии и державца пан Розынковский принуждали крестьян покупать у них по завышенным ценам косы, топоры, серпы, лопаты, нароги, сошники, пилы, сверла и др.²¹⁵

Вводимые феодалами ограничения в крестьянской торговле преследовали одну цель—повысить свои доходы. Достигалось это главным образом путем коммерческой деятельности: покупая у крестьян по низким ценам дорогостоящие на внешнем рынке технические культуры (пеньку, лен, льняное и конопляное семя), они продавали их по повышенной цене. Доход давали продажа продукции ремесленников и импортных товаров, а также сбор на рынке различных торговых платежей.

Эти, как и многие другие, ограничения, несомненно, препятствовали развитию крестьянского хозяйства, развитию производительных сил в сельском хозяйстве. В них

находили выражение существенные черты всей системы феодально-крепостнического строя.

Таким образом, рассмотренный материал убедительно раскрывает сложную и неуклонно усиливавшуюся систему феодально-крепостнической эксплуатации. Основными факторами этой системы выступают феодальные повинности крестьян, государственное налогообложение и широко утвердившиеся арендные отношения. Каждый из этих факторов сложился и развивался под влиянием роста товарно-денежных отношений, возраставшей роли в них господского хозяйства.

Стремление к возможно большему увеличению денежного дохода стало для господствующего класса главной целью и основным стимулом всей хозяйственно-предпринимательской деятельности. Естественно, что достижения этой цели феодалы прежде всего добивались посредством традиционной системы феодальных повинностей, возлагавшихся на крестьян. Во второй половине XVIII в. нормы и размеры этих повинностей приобретают значительно большие масштабы по сравнению с предыдущим периодом — первой половиной столетия. Вместе с тем особенности Запада и Востока Белоруссии, как отмечалось, обусловили преобладание в этих районах различных форм ренты.

В исторической литературе утвердилось мнение, что в западной и центральной частях Белоруссии феодальный гнет был выше, нежели на востоке страны. В связи с этим запад рассматривался как район наиболее тяжелого положения белорусского крестьянства. В отношении же востока утвердилась мысль, что это была территория, где крестьянство не подвергалось такой жестокой эксплуатации и находилось в более благоприятном положении. Мотивом, объясняющим это различие, принято считать преобладающее значение отработочной формы ренты на западе и денежной ренты на востоке страны²¹⁶.

Нам представляется, что не всегда и не обязательно феодальный гнет должен быть большим там, где господствует отработочная рента. Вряд ли можно признать такую зависимость закономерной. Видимо, мнение о более тяжелой эксплуатации барщинных крестьян создается потому, что при отработочной ренте, как наиболее простой, являющейся первоначальной формой прибавоч-

ной стоимости и совпадающей с ней, присвоение неоплаченного чужого труда собственником земли существует «еще в своей очевидной, осязательной форме, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и времени от его труда на земельного собственника, и этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого»²¹⁷.

Несомненно, что при отработочной форме ренты принудительность крестьянства, зависимость личности крестьянина от феодала были большими, чем при денежной и даже продуктовой. При отработочной ренте, писал К. Маркс, «необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов»²¹⁸.

Размер барщины, а следовательно, и степень феодальной эксплуатации были связаны с уровнем социально-экономического и политического развития общества. Там и тогда, где и когда общество ограничивалось главным образом потребительной стоимостью, там барщина носила ограниченные размеры и, следовательно, ограниченным был феодальный гнет. По мере того как господствующий класс проникался интересом к меновой стоимости, в связи с развитием товарно-денежных отношений барщина возрастала, а следовательно, усиливался и феодальный гнет. Эту закономерность отмечает К. Маркс. При преимущественном значении потребительной стоимости, пишет он, «прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей»²¹⁹. На этом этапе, отмечает далее К. Маркс, «из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде»²²⁰.

Развитие товарно-денежных отношений, следовательно, меняет характер самого производства таким образом, что оно порождает у феодалов безграничную потребность в прибавочном труде. На этой почве и происходит быстрый рост барщины, резкое усиление феодального гнета. Такое развитие процесса феодальной эксплуатации и можно было наблюдать на западе Белоруссии, особенно во второй половине XVIII в. Фольварочно-барщинное хозяйство феодалов там было тесно связано

с рынком, и феодал стремился к максимальному увеличению прибавочного труда. Ему нужны были деньги, за которые он мог приобрести главным образом на внешнем рынке предметы роскоши, оружие и другие товары. И тем не менее при господстве отработочной ренты безграничное стремление феодалов к увеличению прибавочного труда сдерживалось естественными условиями, в которых оказывался барщинный крестьянин. «Здесь, где не только тождественны прибавочная стоимость и рента, но и прибавочная стоимость еще осязательно имеет форму прибавочного труда,— указывал К. Маркс,— совершенно ясно выступают и естественные условия или границы ренты, потому что они суть естественные условия и границы прибавочного труда вообще. Непосредственный производитель должен 1) обладать достаточной рабочей силой, и 2) естественные условия его труда, то есть в первую очередь обрабатываемая земля, должны быть достаточно благоприятны, словом, естественная производительность его труда должна быть достаточно велика для того, чтобы у него оставалась возможность производить избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей»²²¹.

Таким образом, господство фольварочно-барщинной системы на западе Белоруссии даже в период развитых товарно-денежных отношений ставило господствующий класс в его стремлении к расширению феодальной эксплуатации в рамки определенных естественноисторических условий, известным образом сдерживающих рост феодального гнета. К тому же поскольку «данная форма прибавочного труда, барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда,— указывал К. Маркс,— то барщинный труд должен, естественно, отнимать у непосредственного производителя несравненно меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства»²²².

Иначе сложился процесс развития феодальной эксплуатации на востоке Белоруссии. Здесь, как известно, в рассматриваемый период преобладала денежная рента. Однако это вовсе не означало, что положение крестьян в этом районе было легким. Денежная форма ренты, несомненно, была более высокой, более развитой по

сравнению с отработочной рентой. Уже предшествовавшая денежной ренте «продуктовая рента,— указывал К. Маркс,— предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще»²²³. Крестьянин при ренте продуктами получает «по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности»²²⁴. К тому же непосредственный производитель выполняет прибавочный труд «уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя», а «под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети»²²⁵.

С переходом к денежной форме ренты характер и уровень феодальной эксплуатации заметно меняются. «При денежной ренте,— писал К. Маркс,— традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение»²²⁶. Но по мере того как жажда к деньгам все более охватывала господствующий класс, на что К. Маркс неоднократно обращал внимание в своих «Хронологических выписках»²²⁷, указанные отношения постоянно нарушались многочисленными поборами сверх всякой фиксированной нормы. Таким образом, если, с одной стороны, денежная рента меняет форму отношений непосредственных производителей и их господ, дает непосредственным производителям большую свободу действия, большую хозяйственную самостоятельность, возможность проявления собственной инициативы, то, с другой стороны, эта форма ренты, как более высокая и более развитая по сравнению с рентой отработочной, создавала новые, более широкие возможности эксплуатации непосредственных производителей путем внеэкономического принуждения. Она, по мысли М. А. Барга, с которой мы согласны, создавала «более эффективный механизм извлечения у крестьянина воз-

раставшей массы прибавочного продукта в виде ренты», предоставляла сеньорам возможность эксплуатации товарно-денежных отношений, рыночных связей крестьянского хозяйства, а также доходов той части сельского населения, которая оставалась вне надельной системы²²⁸.

Особенно это заметно проявлялось на востоке Белоруссии, где крестьянское хозяйство было тесно связано с рынком и уровень развития товарно-денежных отношений был сравнительно высоким и в то же время сохранялась крепостная зависимость. В таких условиях неизбежны были стремления земельного собственника и тем более арендатора его имений постоянно увеличивать поборы с крестьянского хозяйства. Феодалная рента не ограничивалась только прибавочным продуктом как платой собственнику за крестьянский надел. Она дополнялась рядом различных поборов и налогов. К тому же на востоке Белоруссии по сравнению с западной ее частью почти в два раза больше был удельный вес государственных и королевских владений²²⁹, которые, как правило, сдавались в аренду или держание. В аренде или же в управлении администрации феодалов находились здесь также вотчины магнатов. Ни один крупный земельный собственник непосредственно в своих владениях на востоке страны не проживал и не управлял ими. В то же время алчные на деньги арендаторы не ограничивались размерами обычной феодалной ренты, указанными в инвентарях, а грабили крестьян как только могли. Ограбления зачастую в несколько раз превышали размеры денежной ренты, предусмотренные инвентарями²³⁰.

Таким образом, феодалная денежная рента на востоке Белоруссии дополнялась не только денежными поборами (штрафы, торговые пошлины, денежные сборы на комиссаров, наемных работников, налоги и т. д.), но и массовым ограблением, особенно временными хозяевами — арендаторами и державцами. Поэтому прав М. А. Барг, когда замечает, что при денежной форме ренты рамки ее «раздвигаются настолько, что рента, получаемая непосредственно сеньором, представляется теперь лишь частью последней, постепенно оттесняемой на задний план другими ее составными частями»²³¹.

В связи с этим необходимо обратить внимание на

следующие обстоятельства. В исторической литературе делалась попытка сравнить степень повинностного обременения крестьян в различных районах Белоруссии, в том числе в восточной и западной частях, по данным инвентарей феодалных владений. Такого рода данные, полученные польским историком В. Вечорекком, по четырем белорусским воеводствам (Новогрудское, Брестское, Витебское и Мстиславское) показывают некоторое превышение феодалной ренты (в денежном выражении) во владениях западных областей Белоруссии по сравнению с восточными²³². Однако делать вывод о том, что эксплуатация крестьян на западе Белоруссии была большей, чем в ее восточной части, на основании этих данных, на наш взгляд, неправомерно.

Размеры ренты, обозначенные в инвентарях, не выдерживались даже в частных имениях, которыми управлял землевладелец посредством своей администрации. Что касается старост и экономий, государственных и королевских владений, которые, как правило, находились в аренде или в держании, то в них, как уже отмечалось, инвентарные нормы были чисто условными и совершенно не соблюдались ни арендаторами, ни другими держателями²³³. Поэтому данные инвентарей феодалных владений, находившихся в аренде и другом держании, не могут служить достоверным источником, отражающим реальные размеры феодалной ренты²³⁴.

Денежная форма ренты, господствовавшая на востоке Белоруссии, при активных, хотя и ограниченных, рыночных связях крестьянского хозяйства давала повод к самым разнузданным средствам систематического ограбления крестьян. Однако из этого не следует, что здесь феодалный гнет был сильнее, чем на западе страны.

Определить фактический уровень эксплуатации ни на западе, ни на востоке Белоруссии пока не представляется возможным, ибо она выходила далеко за рамки фиксированных повинностей.

С бесправием и унижением, насилием со стороны феодалов, их администрации и арендаторов имений, национально-религиозным угнетением не могли мириться народные массы. Они вели упорную борьбу против всех эксплуататоров, против социального и национально-религиозного гнета.

Глава III

НЕВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН

1. КРЕСТЬЯНСКИЕ ЖАЛОБЫ

Одним из наиболее распространенных и массовых проявлений антифеодального протеста были крестьянские жалобы (суплики), подаваемые земельному собственнику. Это была легальная форма сопротивления усилению феодального гнета, хотя она нередко была сопряжена с огромными трудностями.

Крестьяне государственных и королевских владений (экономий, староств и держав) имели право обращаться с жалобами на притеснения и прочие обиды непосредственно к королю. Рассмотрением их занимались королевские суды: ассессорский Великого княжества Литовского и референдарский.

Крестьяне королевских столовых экономий могли предъявлять свои претензии и обращаться с просьбами непосредственно на местах к королевской (замковой) администрации, которая управляла этими экономиями или же в случае нахождения их в аренде следила за деятельностью арендаторов. На нее возлагалась обязанность рассматривать спорные вопросы в экономии, осуществлять судопроизводство, принимать решения по жалобам крестьян на арендаторов, их слуг и других лиц, чинивших злоупотребления и вымогательства. Если же замковая администрация не предпринимала должных мер и не удовлетворяла просьб своих подданных, крестьяне обращались со своими жалобами на имя короля, в референдарский и ассессорский суды или к королевскому комиссару, периодически навещавшему экономии¹.

В отдельных случаях жалобы крестьян столовых экономий на арендаторов поначалу подавались генеральному арендатору экономии, а затем, если они не удовлетворились, королю.

Однако установленный порядок подачи жалоб для государственных крестьян не всегда соблюдался. Особенно он нарушался в староствах и державах, находившихся в пожизненном владении Радзивиллов. Крестьяне Кричевского, Пропойского и Гомельского староств, хотя и имели право искать защиты у верховной власти, как правило, обращались со своими просьбами и жалобами к князьям Радзивиллам. Объяснить это, очевидно, можно тем, что и Кричевское, и Пропойское, и Гомельское староства почти столетие находились в держании у этой семьи магнатов (Карла-Станислава, затем его жены Анны Радзивилл, урожденной Сангушко, и сына Иеронима Флориана) и за это время превратились в их фактических владельцев. Известно всемогущество Радзивиллов в тогдашней Речи Посполитой. К тому же они сами непосредственно этими староствами не управляли, а сдавали их в аренду разным лицам. Кроме арендатора в трех староствах постоянно находилась администрация Радзивилла. Сюда периодически направляли князь своих комиссаров. Следовательно, администрация феодала и главным образом арендаторы непосредственно сталкивались с крестьянами.

Арендаторы, уплатив феодалу-держателю староства арендную сумму, стремились к максимальной наживе. Нарушая инвентарные нормы повинностей, они угнетали крестьян, требуя от них непосильных поборов и разного рода отработочных повинностей, чинили насилие и грабежи. В них-то крестьяне и видели все зло, несправедливость и беды, которые преследовали их на каждом шагу. В то же время Радзивилл, непосредственно не сталкивавшийся с крестьянами, в представлении последних являлся как бы благодетелем, без ведома которого арендаторы и управители чинили над ними произвол. Поэтому крестьяне и обращались к нему с жалобами и просьбами.

Крестьяне частновладельческих и церковных поместий находились в ином положении. Для них не существовало королевских (ассессорских и др.) судов. Судьей их был сам земельный собственник, к которому и обращались с жалобами на арендаторов, нарушавших условия арендного договора и инвентарные нормы повинностей, а также на злоупотребления администрации владения.

Подача жалоб — явление массовое, о чем можно судить хотя бы по большому их количеству, сохранившемуся до наших дней. Но фактически суплик было несравненно больше. Многие из них, как и другие ценные документы, пропали во время войн. Не все они попали на хранение в архивы. Значительная часть жалоб не доходила до адресата, а перехватывалась в пути и уничтожалась теми, против кого они были направлены. Немало поданных крестьянами челобитных по различным причинам не передавались земельному собственнику, королевской власти или судебному органу. Адам Чарторыйский, например, находясь с полком гвардии в Брестской экономии в 70-х годах XVIII в., только за одно лето собрал ящик жалоб, а отправил для принятия мер лишь несколько².

Основная масса сохранившихся жалоб составлена государственными и частновладельческими крестьянами. Жалоб церковных крестьян нам удалось обнаружить лишь единицы. Несомненно, что не все они выявлены. Но и фактически их было намного меньше по сравнению с жалобами крестьян государственных и помещичьих владений. Это объясняется, во-первых, тем, что удельный вес церковных владений в Белоруссии был сравнительно невелик. Из общего количества 451 132 дыма в Белоруссии в 1790 г. церковных насчитывалось 46 152, или 10,2%³. Во-вторых, церковные владения реже сдавались в держание. В своих предписаниях, распоряжениях, мемориалах церковь предостерегала от опасности, к которой могла привести сдача ее владений в аренду. Так, в мемориале, изданном в 1759 г. Виленским капитулом для владения Стрешин (Речицкий повет), указывалось, чтобы никто никогда не арендовал его и даже не имел над ним опеки, чтобы он находился в непосредственном ведении капитула, ибо, как показывает опыт, светских державцев (арендаторов) ничего больше не интересует, как жажда к наживе, обогащению. Они совершенно не заботятся об улучшении состояния арендуемого владения⁴. Вместе с тем церковь сама стремилась больше арендовать имения у других собственников, чем сдавать свои. Тем самым церковные крестьяне не были объектом произвола со стороны временных держателей.

Нами изучено 620 жалоб крестьян государственных и частновладельческих имений, относящихся ко второй

половине XVII—XVIII в. (табл. 6). Большинство жалоб (71,9%) относится ко второй половине XVIII в. Меньшее их количество в предшествующий период можно объяснить рядом причин. Не все они выявлены. Не исключена возможность, что их вообще было меньше, так как период этот характерен был массовым уходом крестьян за пределы Белоруссии в связи с разорительными войнами, голодом и эпидемиями. В то же время возвращавшимся крестьянам и новопоселенцам предоставлялись льготы (слободы) на несколько лет.

Иное положение сложилось во второй половине XVIII в. Усиление феодального гнета в этот период вызвало резкое увеличение крестьянских суплик (с 174 до 446).

Особенно много жалоб во второй половине XVIII в. было подано государственными крестьянами западных районов Белоруссии. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. крестьяне Гродненской, Брестской и Кобринской столовых экономий были переведены с отработочной на денежную ренту. После некоторого восстановления хозяйства во второй половине XVIII в. произошёл обратный процесс — перевод с чинша на ненавистную для крестьян барщину⁵, в результате чего королю стали поступать многочисленные крестьянские суплики.

На востоке суплик было меньше. Это в известной мере можно объяснить тем, что крестьяне Восточной Белоруссии чаще прибегали к активным формам классовой борьбы, особенно к бегству, о чем будет идти речь несколько позже.

В целом жалоб государственных крестьян было больше, чем частновладельческих. Государственные крестьяне, как отмечалось, всегда имели право жаловаться, имели для этого большие возможности. Что касается количества преувеличения жалоб частновладельческих крестьян по сравнению с государственными на западе Белоруссии во второй половине XVII — первой половине XVIII в., то оно, на наш взгляд, было вызвано следующими обстоятельствами. Частновладельческие имения на западе страны менее пострадали во время разорительных войн середины XVII и начала XVIII в. и поэтому смогли сохранить фольварочно-барщинную систему в качестве основной формы ведения господского хозяйст-

Таблица 6
Количество письменных жалоб, поданных во второй половине XVII и в XVIII в.*

Территория	Владения	Вторая половина XVII—первая половина XVIII в.		Вторая половина XVIII в.		Индивидуальные		Коллективные		Всего жалоб
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	
Запад и центр	Государственные и королевские	31	6,9	416	93,1	53	11,9	394	88,1	447
	Частных феодалов	90	88,2	12	11,8	37	36,3	65	63,7	102
	Итого	121	22,0	428	78,0	90	16,4	459	88,6	549
Восток	Государственные и королевские	34	87,2	5	12,8	3	7,7	36	92,3	39
	Частных феодалов	19	59,4	13	40,6	4	12,5	28	87,5	32
	Итого	53	74,6	18	25,4	7	9,9	64	90,1	71
Вся территория	Государственные и королевские	65	13,4	421	86,6	56	11,5	430	88,4	486
	Частных феодалов	109	81,3	25	18,7	41	30,6	93	69,4	134
	Итого	174	28,1	446	71,9	97	15,6	523	84,4	620

* ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 3, д. 13, л. 1—120, оп. 1, д. 311, л. 2, 84—85, 108, 211; ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 1—127; Библиотека Чарторьских в Кракове, Ев. 105, 110; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, п. 33, д. 7; АК, д. 84, л. 17—269; ЦГИА ЛитССР, оп. 11, ф. 1177, д. 3186, л. 2, 4—30.

ва и избежать поголовного и продолжительного очиншевания⁶. Следовательно, в то время когда государственные крестьяне запада и центра Белоруссии были переведены на денежную ренту, частновладельческие продолжали отбывать барщину и другие отработочные повинности, не испытывая облегчения в повинностном гнете, что и вынуждало их обращаться к своим хозяевам — земельным собственникам с различными просьбами и требованиями.

В подавляющем большинстве (84,4%) жалобы, исходившие от государственных и частновладельческих крестьян во второй половине XVII и XVIII в., были коллективные. Лишь незначительный процент (15,6) составляли жалобы индивидуальные. Большая часть этой группы жалоб относится ко второй половине XVII — первой половине XVIII в. и составлена теми, кто оказался в особенно бедственном положении. Преобладание коллективных жалоб отразило общую реакцию крестьянства на усиление феодального гнета и его стремление к солидарным действиям. В жалобах крестьян высказывается мысль о необходимости «взяться за руки»⁷, т. е. совместно выступать в общей борьбе против феодального гнета. Понимание этой необходимости выступает более отчетливо во второй половине XVIII в.⁸

Коллективные жалобы поступали от государственных крестьян, имевших узаконенное право подачи прошений на имя короля. Такого права крестьяне частных владений не имели. Имело значение и то, что повинности государственных крестьян были более однообразными, тогда как в частных владениях в одном и том же селе у крестьян повинности отличались. Поводов для жалоб у государственных крестьян было больше, ибо они чаще оказывались во власти арендаторов.

В большей части крестьянских суплик отражалось острое недовольство крестьян произволом арендаторов и разного рода держателей государственных и частных владений. Они нарушали инвентарные нормы и существующие порядки, творили злоупотребления и произвол, принуждая крестьян к уплате огромных денежных и натуральных поборов, предписывая крестьянам отработочные повинности, намного превышавшие нормы, установленные до передачи имения в аренду.

Немало жалоб имеется на королевскую (замковую)

администрацию, на администрацию частновладельческих имений, различных панских слуг и должностных лиц, а также солдат хоругвей, совершавших насилия и грабежи во время постоев и переходов.

В жалобах как государственных, так и частновладельческих крестьян второй половины XVII и XVIII в. много нареканий на разорение их хозяйства шляхетским и неприятельским войском, на трудности выполнения прежних повинностей, требуемых державцами и подстаростами⁹. Почти в каждой такого рода суплике крестьяне указывают на грабеж скота и имущества за неуплату налогов и других денежных поборов. Так, три крестьянские семьи с. Вогин Брестской экономии в 1665 г. жаловались на войта и подстаросту за то, что отняли у них за налоги 4 вола, 1 лошадь, 5 свиней, 5 кур, полкорца груш, ведро огурцов, полкорца ржи, 5 платков, бочку гречки¹⁰. По такому же поводу в 1665 г. жаловались также крестьяне сел Березовый Кут, Кролеводород, Вульки, Рудня, Мечаревич, Засмуша и других Брестской экономии¹¹.

Значительная часть жалоб второй половины XVII — первой половины XVIII в. вызвана сверхинвентарными поборам и отработочными повинностями. Ряд сел Брестской экономии (Вульки, Рудня, Вылагово и др.) в 1665 г. жаловался на вогинского подстаросту Быковского, который выбрал у них сверх инвентаря стацию и поголовное, а у крестьян с. Вылагово — второй раз подымное¹².

Крестьяне сел Кодынец, Кривовербы, Вылагово, Пахоля, Замолодыча Кривовербского ключа (Брестская экономия) в январе 1745 г. жаловались королю, что державца требует с них чинша не по 500 тынфов, как это предусмотрено инвентарем, а по 530 тынфов¹³. С подобной жалобой в 1748 г. обратились к верховной власти крестьяне с. Суходолы (Брестская экономия). В поданной ими суплике указывалось, что подканцлер Чарторыский взимает у них чинша вместо 412 тынфов 519 тынфов¹⁴.

Десятки сел Брестской экономии и других государственных и частновладельческих имений обращались к королю и магнатам с жалобами на «державцев» и администрацию, принуждавших их выполнять отработочные повинности сверх инвентаря. Так, крестьяне с. Остров

(Брестская экономия) в январе 1748 г. писали, что их заставляют отбывать еженедельную барщину вместо 3 конных дней 4 дня, а пеших 16 вместо 8 дней¹⁵. Державца Ольшевский, сообщали королю крестьяне сел Кодынец, Кривовербы, Пахоля, Вылагово, Замолодычи и других, придумал сторожу, которой у них никогда не было, требует сверх инвентаря барщины и людей для гонки плотов¹⁶. В жалобе крестьян с. Ходасы (имение Делятичи) Новогрудского повета (1738 г.) указывалось, что уже третий год, находясь в аренде, посессор имения гонит их на необычные работы в Делятичский двор и в Новогрудок, заставляет сверх всяких повинностей отбывать в летний период 4-дневные гвалты¹⁷. Гнев и протест крестьян вызывали грабительские поборы, разорявшие их хозяйство разные злоупотребления со стороны державцев и администрации владений. Так, администратор Воложинского графства, писали крестьяне этого владения в 1743 г., принуждал отбывать барщину столько дней, сколько ему требовалось, взимал различные денежные платежи, одолял крестьянам зерно малой меркой, а принимал большой. Он же злоупотреблял и в другом¹⁸.

В 1665 г. вся Кривовербская волость (Брестская экономия) жаловалась королю на то, что наместник пан Цыдик присвоил себе 500 злотых, собранных ими в виде стайного побора. Наместник заставлял крестьян продавать на рынке его же солод по установленной им цене. И если кто не смог продать так, как он требовал, то вынужден был доплачивать разницу своими деньгами¹⁹. Крестьяне тех сел Шкловского графства, которые находились в аренде или были приданы к арендованным фольваркам для выполнения барщинных работ, в первой половине XVIII в. неоднократно жаловались собственнику этого графства на различные злоупотребления державцев и наместников фольварков. Так, в апреле 1727 г. подданные Кичинского, Шерстиславского и Козловничского войтовств жаловались на наместника, что он при уплате крестьянами чинша и других денежных поборов выдавал квитанции не на всю внесенную сумму, а меньшую²⁰. Этот же наместник принуждал крестьян вносить в счет чинша пеньку, но платил за нее не по 60 злотых, как это делали купцы, а по 50 злотых. К тому же брал больший вес, чем положено. То же самое делал

и при сдаче ими конопли в счет чинша; вместо 3 золотых за мерку платил 1,5 золотого²¹. Грабительские поборы и злоупотребления разоряли крестьянские хозяйства.

Крестьяне с. Старый Шклов, прикрепленного к Старошкловскому фольварку, в марте 1744 г. жаловались вотчиннику на земянского поручика — посессора указанного фольварка, что он заставляет их отбывать барщину не 2 дня, как это установлено комиссарам, а 5 дней, принуждает выполнять и другие хозяйственные работы. Тех, кто отказывается, жестоко избивает, не щадя и женщин. От непрерывных перевозок грузов посессора в фольварк Ошнарровка, расположенный в 2,5 мили от фольварка Старошкловского, сообщали подданные, только в 1744 г. пало 18 крестьянских лошадей²².

Несколько жалоб от крестьян Шкловского графства в указанный период поступило на наместника Слободского. Пренебрегая инвентарными нормами и условиями договора, он принуждал крестьян отбывать барщину «от понедельника до субботы». У крестьян д. Овчинянки Слободский отнял выгон, называемый Дубровой, и три года подряд брал с них плату в размере 42 тынфов за то, что разрешал им пользоваться выпасом на этом выгоне²³. Кроме того, он прибегал к различным другим злоупотреблениям и вымогательствам, причинявшим много горя населению арендуемых им сел. Как писали в своей жалобе крестьяне графства, подобного насилия «глаз не видел, ухо не слышало, и наши старшие люди не помнят такого, что делает с ними наместник Слободский, он чуть ли не душу выдирает у них из горла»²⁴.

Такого же содержания крестьянские жалобы были и из других государственных и частных владений. В ряде жалоб крестьян Копысского графства 30-х годов XVIII в. фигурируют одни и те же нарекания: посессоры и арендаторы не соблюдают инвентарей, дерут большие налоги, проводят тяжелые экзекуции, требуют такой барщины, какой у них никогда не было, и т. д. В одной из суплик крестьяне этого графства в январе 1738 г. писали своему вотчиннику, что «державца придумал какой-то свой устав и требует от них шарварков, жерновщины и пригонов сверх двух дней»²⁵. В другой суплике копысских крестьян, относящейся к 1740 г., указывалось, что арендатор собирает с них налоги, которых нет в инвентаре, «начиная с воскресенья день в день гонит на бар-

щину», которой также нет ни в уставе, ни в инвентарях графства²⁶.

На тяжелое обременение барщиной, налогами и экзекуциями со стороны арендаторов и их слуг жаловались в 40-х годах XVIII в. крестьяне сел Быховского графства (с. Усохи, Палки, Поляминовичи, Добрый Дуб и др.)²⁷. С такими же обидами на арендаторов и просьбами к своим вотчинникам, королю, а также магнатам, имевшим в пожизненном владении государственные имения, обращались крестьяне Тадулинской волости, Любавичского графства, Кричевского, Гомельского, Козьянского старост, Могилевской экономии и многих других государственных и частных владений²⁸.

В ряде жалоб содержатся просьбы крестьян, чтобы арендаторы и другие держатели имений не лишали их прежних «прав и вольностей». В частности, такого характера суплики исходили от крестьян Кричевского староства и Воложинского графства²⁹. Своим правом, например, крестьяне Кричевского староства считали ежегодные выборы ими старца. На этот традиционный обычай, исшедший с времен общинного строя, посягнул арендатор староства Айзик, который сам подобрал указанное должностное лицо, причем не на один год, а пожизненно, узаконив это княжеским документом³⁰.

Крестьяне не могли мириться с потерей такого права, ибо от личности старца зависело их положение. Они немедленно обратились с жалобой к Радзивиллу, в которой высказывали свое возмущение подобным поступком арендатора. Тем более что назначенный Айзиком старец уже был в этой должности и причинил крестьянам немало бед, за что они хотели его даже утопить в р. Сож³¹. Что касается вольностей, то здесь имелось в виду главным образом право, предоставляемое отдельными феодалами крестьянам на некоторую свободу торговли товарами сельскохозяйственного труда и промыслов, которой нередко их лишали арендаторы. Нарушением вольности считались попытки арендаторов и других держателей имений ввести принудительный труд, барщину, новую повинность, налог, нарушить сроки предоставляемых крестьянам льгот.

В отдельных жалобах наряду с просьбами крестьяне предъявляли определенные требования. Так, крестьяне с. Середники Бославской волости в начале 60-х годов

XVII в., жалуясь на злоупотребления державцы (требовал сверх инвентаря отработочных повинностей и денежных платежей), просили Радзивилла принять меры, чтобы уставные, т. е. инвентарные, нормы не нарушались, в противном случае они должны будут разойтись³². Жалобу с предупреждением об уходе подали королю в 1744 г. крестьяне с. Ортели Ломазского ключа Брестской экономии³³. Крестьяне Кричевского староства в одной из жалоб Радзивиллу просили его не оставлять больше державцу Волковицкого в этой должности, иначе, указывалось в суплике, все они уйдут из староства в другие владения и назад не возвратятся³⁴. Подобная суплика в 30-х годах XVIII в. была подана собственнику Шкловского графства. В ней крестьяне с. Старый Шклов наряду с просьбой сделали оговорку, что если не будут приняты меры, ограничивающие произвол державцы фольварка Старый Шклов, то им придется «разойтись по миру»³⁵. Еще в более категорической форме выражалась просьба крестьян Кричевского староства не лишать их прежних прав и вольностей, за которые они, как указывалось в жалобе, «все как один готовы отдать здоровье и жизнь»³⁶. Факты эти свидетельствуют о решительном протесте крепостных, об активной защите своих интересов.

Во второй половине XVIII в. по сравнению с предшествующим периодом суплик, как указывалось, было значительно больше. Количественный их рост отражал усиление феодального гнета. Особенно многочисленны жалобы государственных и частновладельческих крестьян по поводу повышения чинша и других денежных поборов. Крестьяне сел Половцы, Сухари, Пищальна, Голи, Ставищи, Суходолы, Вулька, Терехи и Хлевищи Милейчицкого ключа Брестско-Кобринской экономии, например, в 1786 г. писали королю, что их заставляют платить чинш в два раза больше, чем платили ранее³⁷. Такого же характера жалобы поступали королю и магнатам от крестьян других сел и владений³⁸.

В крестьянских супликах второй половины XVIII в. все чаще указывалось не только на введение прежних налогов, чинша, но и на введение новых разнообразных денежных платежей. Крестьяне Скидельского ключа (Гродненская экономия) в 1791 г. жаловались верховной власти на то, что за время управления экономией Тизен-

гаузом их обложили новыми поборами, как-то: лыковое, грибовое, полесное, ореховое и другие, которых раньше никогда не было. Даже по сравнению с 1766 г. размер денежных платежей в селах этого ключа в 1791 г. увеличился в 3—4 раза³⁹.

В рассмотренных нами жалобах, поданных королю, магнатам и их комиссарам во второй половине XVIII в., упоминается 56 наименований денежных поборов, взимаемых у крестьян: чинш, гиберна, билетовое, коммунальное, на люстраторов, погорельщина, на канцелярию, броварщина, морговое, рыбное, выпустное, тминное, землянина, крынковое, межевое, грошовое, выгонное, колесное, фундушовое, торговое, окладное, роговое, быковое, порешетщина, приемщина, десятина, луговое, перевозное, мостовое, пушечное, грибовое, лыковое, ореховое, подоржчина, церковное, лазаретовое, полесное, выдержкауффы, эрекцийное, на цирульника, на фельдшера, на доктора, на директора, на конфедератов, конфляграты, подымное, меты, даремщина, комиссарщина, порукавичное, бобыльщина, райтарщина, канщизна, поголовное, складанки, на плотогонов, сплавщиков⁴⁰.

В связи с развитием господского хозяйства, особенно в западных районах страны, много было жалоб на отнятые у крестьян под фольварк обработанных и удобренных ими земель, а также на тяжелые отработочные повинности⁴¹. В супликах крестьян указывалось, что их заставляют сверх инвентарных норм отбывать барщину, гвалты, толоки, шарварки, подводную повинность, даремщину, сторожу, варту и другие работы⁴². В ряде владений в крестьянских жалобах выражался протест против требований державцев и господского двора выделять от каждого села по 1—5 человек, которые должны были без оплаты гнать плоты в порты Прибалтики⁴³.

Для владений западных и центральных районов Белоруссии второй половины XVIII в. характерными были жалобы крестьян на бесплатный наем, или наемку. В жалобах этих крестьяне высказывали свои обиды по поводу того, что державцы и администрация фольварков принуждали их своими подводами перевозить грузы, древесину, лес, выполнять другие работы, но почти никогда не оплачивали этот наем⁴⁴.

Жаловались крестьяне и на тяжесть различных натуральных поборов, суровые экзекуции, ограничение в

торговле, принудительную покупку соли в господском дворе, водки, скота, нарогов, кос, лопат, топоров, пил, на побои, грабежи, насилия, принудительные работы на мануфактурах и др.⁴⁵

Анализ 620 текстов крестьянских жалоб позволил установить совокупность форм феодального гнета, порождавшую крестьянский протест. Поскольку в подавляющем большинстве письменных жалоб, поданных королю, магнатам и их комиссарам, крестьяне протестовали против нескольких форм угнетения, то их численность превосходит количество самих жалоб. Всего в 620 жалобах было 3317 видов притеснений, вызывавших протест (обид, просьб, требований). Многие протесты однотипны или близки по своему содержанию и характеру, что позволило объединить их в соответствующие группы (табл. 7).

Усиление феодального гнета, развитие феодальной ренты шло по пути увеличения чинша и барщины, что являлось следствием расширения фольварочного хозяйства, ростом его товарности и предпринимательской

Таблица 7

Протесты крестьян Белоруссии против феодального гнета и произвола во второй половине XVII и в XVIII в. *

Причины протестов (по группам)	Количество	%
Денежные поборы	1033	31,2
Отработочные повинности	990	29,8
Натуральные поборы	353	10,7
Экспроприация земельных участков у крестьян	260	7,8
Насилие и произвол	355	10,7
Обнищание и непосильный гнет	313	9,4
Прочие	13	0,4
Итого	3317	100

* Составлена на основании крестьянских жалоб, хранящихся в архивах: ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3186, л. 2—11, 14—16, 21—27, 30; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 1, д. 311, л. 2, 35, 84—85, 108—109, 211, оп. 2, д. 4975, л. 184, оп. 4, д. 1159, л. 1, 128—133, 267—271, 303—304, 317, д. 1160, л. 230—236, 270, д. 1156, л. 50—51, д. 1157, л. 2, 23; ЦГИА УССР во Львове, оп. 2, ф. 181, л. 1086, л. 3—127, д. 1362, л. 6—8; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, п. 78, п. 33, д. 7, Отд. XVII, д. 46, АК, д. 295; Библиотека Чарторьских, Эв. 105, 110, 236.

деятельности феодалов. Процессы эти особенно заметны во второй половине XVIII в. (табл. 8).

Немалое число крестьянских требований, просьб и претензий, изложенных в жалобах, было порождено насилием и произволом администрации феодалов, разного рода держателей владений (10,7%), а также многочисленными натуральными поборами (10,7%). 9,4% составляли протесты крепостных против непосильного гнета. В жалобах, содержащих такую мотивировку, нет конкретного указания, какой вид или форма феодальной эксплуатации больше всего их обременяет. В них обычно говорится о тяжести всего повинностного гнета, приведшего крестьян к разорению и обнищанию. Удельный вес протестов против экспроприации у крестьян земельных участков составляет 7,8%. Они были вызваны изъятием под фольварк обработанных и удобренных грунтов, т. е. пахотных земель. Реже причиной протеста были отнятые у крестьян сенокосы и выгоны.

Если крестьянские протесты рассматривать по периодам и порайонно (отдельно для запада, центра и востока Белоруссии), то окажется, что, как и сами жалобы, количественно они распределялись далеко неравномерно (табл. 8).

Основная часть протестов против всех форм эксплуатации относится ко второй половине XVIII в. (87,7%). Удельный вес их в предшествующее столетие (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.) составлял 12,3%. Абсолютное большинство протестов исходило от крестьян запада и центра Белоруссии. Из общего количества 3317 протестов, содержащихся в изученных нами жалобах, на их долю приходится 3122, или 84,7%.

Крестьяне Восточной Белоруссии, как видно из приведенных в таблице сведений, реже прибегали к данной форме сопротивления. Причем во второй половине XVIII в. количество протестов по сравнению с предыдущим периодом уменьшилось более чем в 5 раз (со 164 до 31). Причин тому могло быть несколько: не все жалобы сохранились до наших дней, не все попали в руки исследователя. На востоке страны, как указывалось, крестьяне чаще прибегали к более активным формам классовой борьбы и, в частности, к бегству. Однако главной причиной, на наш взгляд, явилось то, что период исследования данного вопроса применительно к востоку

Количество и удельный вес крестьянских протестов против феодального гнета (по группам) во второй половине XVII и в XVIII в.*

Территория	Денежные поборы		Отработанные повинности		Натуральные поборы		Экспроприация земельных участков		Насилье и произвол		Обнищание и непосильный гнет		Прочие		Всего	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
<i>Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.</i>																
Восток	39	3,8	16	1,6	6	1,7	3	1,2	82	23,1	14	4,5	4	30,8	164	4,9
Запад и центр	48	4,6	74	7,5	6	1,7	10	3,8	95	26,8	9	2,8	1	7,7	243	7,5
Итого	87	8,4	90	9,1	12	3,4	13	5,0	177	49,9	23	7,3	5	38,5	407	12,3
<i>Вторая половина XVIII в.</i>																
Восток	6	0,6	5	0,5	1	0,3	3	1,2	13	3,6	3	1,0	—	—	31	1
Запад и центр	940	91,0	895	90,4	340	96,3	244	93,8	165	46,5	287	91,7	8	61,5	2879	86,8
Итого	946	91,6	900	90,9	341	96,6	247	95,0	178	50,1	290	92,7	8	61,5	2910	87,6
<i>Вторая половина XVII и XVIII в.</i>																
Восток	45	4,4	21	2,2	7	2,0	6	2,3	95	26,8	17	5,4	4	30,8	195	5,9
Запад и центр	988	95,6	969	97,8	346	98,0	254	97,7	260	73,2	296	94,6	9	69,2	3122	94,1
Итого	1033	100	990	100	353	100	260	100	355	100	313	100	13	100	3317	100

* Составлена на основании архивных источников, указанных в сноске к табл. 7.

страны почти на четверть века короче, чем к западу и центру. Восточная Белоруссия в начале 70-х годов XVIII в., т. е. в период наибольшего усиления феодального гнета в стране, была присоединена к России. Изучение же темы в целом ограничено периодом нахождения Белоруссии в составе Речи Посполитой. Таким образом, жалобы, исходившие от крестьян восточных владений после 1772 г., не были включены в объект нашего исследования. Свое влияние оказывало и более слабое развитие фольварочно-барщинной системы на востоке Белоруссии.

Известный интерес представляет вопрос о количественном соотношении протестов государственных и частновладельческих крестьян. Для его решения мы использовали те же 620 жалоб, о которых шла речь выше. Как для запада, так и востока Белоруссии характерно то, что абсолютное большинство протестов исходило от крестьян государственных владений. На западе и в центре страны во второй половине XVII и в XVIII в. было протестов: от государственных крестьян — 2951 (88,9%), от частновладельческих — 171 (5,2%), на востоке — соответственно 118 (3,6%) и 77 (2,3%). Всего по Белоруссии из 3317 протестов, содержащихся в 620 жалобах, было: от государственных крестьян — 3069, т. е. 92,5%, частновладельческих — 248, или 7,5%.

Преобладание протестов государственных крестьян над частновладельческими обусловлено некоторым преимуществом в подаче жалоб, прежде всего широко применявшейся практикой сдачи государственных владений в аренду и заставу. Владения же магнатов, особенно на западе и в центре Белоруссии, нередко управлялись земельными собственниками посредством своей администрации. И если последняя прибегала к злоупотреблениям с целью личной наживы, то все же не в такой степени, как это делали арендаторы и другие держатели. Неслучайно протесты государственных крестьян против насилий и злоупотреблений составляли 71,3%, а частновладельческих — 28,7% всех случаев протеста на эту форму феодального гнета (табл. 9).

Каким образом передавались крестьянские жалобы адресату? В тех случаях, когда во владение прибывали комиссары, жалобы в устной или письменной форме передавались указанному должностному лицу. Если же

Таблица 9
Количественное соотношение протестов государственных и частновладельческих крестьян во второй половине XVII и в XVIII в.*

Причины протестов	Восток				Запад и центр				Вся территория								
	частновладельческие		государственные		частновладельческие		государственные		частновладельческие		государственные		Всего				
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%			
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%			
Денежные поборы	14	1,4	31	3,0	45	4,4	22	2,1	966	93,5	988	95,6	36	3,5	997	96,5	1033
Оработочные повинности	13	1,3	8	0,8	21	2,2	54	5,5	915	92,4	969	97,8	67	6,8	923	93,2	990
Натуральные поборы	5	1,4	2	0,6	7	1,98	3	0,8	343	97,2	346	98,0	8	2,3	345	97,7	353
Экспроприация земельной уча- стков у крестьян	5	1,9	1	0,4	6	2,3	6	2,3	248	95,4	254	97,7	11	4,2	249	95,8	260
Насилие и произвол	31	8,7	64	18,0	95	26,8	71	20,0	189	53,2	260	73,2	102	28,7	253	71,3	355
Обищение и непо- сильный гнет	7	2,2	10	3,2	17	5,4	14	4,5	282	90,1	296	94,6	21	6,7	292	93,3	313
Прочие	2	15,4	2	15,4	4	30,8	1	7,7	8	61,5	9	69,2	3	23,1	10	76,9	13
Итого	77	2,3	118	3,6	195	5,9	171	5,2	2951	88,9	3122	94,1	248	7,5	3069	92,5	3317

* Составлена на основании архивных данных, указанных в сноске к табл. 7.

жалобу следовало доставить за пределы своего владения, нередко даже в отдаленные города, тогда задача усложнялась. Ее приходилось пересылать попутно лицом, направлявшимся в нужный крестьянам пункт назначения по своим или служебным делам (члены городских магистратов, купцы, арендаторы корчем, мелкая служилая шляхта и др.). За оказанную услугу приходилось платить. Причем такой путь отправки не всегда был надежный.

Чаще всего крестьяне посылали с жалобой своего ходока, которого избирали из наиболее активных односельчан. Обычно ходоками были одни и те же люди на протяжении ряда лет. Съездив один раз, они уже знали дорогу и все необходимое для вручения суплики адресату. Однако передача жалоб через ходоков не была легкой задачей. Она требовала не только значительных расходов, связанных с поездкой и, как правило, с приобретением подарка для своего добродетеля, но нередко была сопряжена с большим риском и опасностью. Дело в том, что арендаторы и другие держатели имений, а также администрация владений не желали, чтобы собственник земли знал о чинимых ими злоупотреблениях, насилиях, и поэтому предпринимали все меры к тому, чтобы воспрепятствовать получению им суплик от крестьян. С этой целью по дорогам и селам разъезжали слуги арендаторов, задерживая тех, кто шел с жалобой к своему пану, а задержав, жестоко наказывали, подвергая их различным пыткам, избиению, штрафам и тюремному заключению. В 1663 г., например, жестоко был избит державцей и его слугами Ходот Сусленя — крестьянин с Домановичи (Слуцкое княжество), за то, что подал суплику Радзивиллу⁴⁶. В том же году такая участь постигла Ивана Поляковича — ходока Дорочской волости. Кроме того, он какое-то время находился под стражей, но, когда его освободили, боялся возвращаться домой, чтобы не быть снова подвергнутым наказанию⁴⁷.

Один из многих пострадавших супликантов Васко Вошило — войт с. Селищи Кричевского староства — при возвращении в октябре 1731 г. из Мира, куда ходил с жалобой к Радзивиллу, был задержан в пути слугами арендатора Гдаля, окован, избит и посажен в кричевскую тюрьму⁴⁸. Несколько раньше этот же Вошило был наказан 150 ударами плетью за то, что ездил с жалобой к

Радзивиллу в Варшаву. После такого наказания он длительное время болел⁴⁹. В жалобах крестьян этого староства неоднократно указывалось, что от побоев слуг арендатора Гдаля немало супликантов не могут подняться с постели, а некоторые даже умерли⁵⁰. Крестьянского ходока Купрея Магерова, доставившего в 1738 г. суплику от всей Копысской волости вотчиннику графства князю Радзивиллу, после возвращения от Радзивилла державца арестовал, заковал в колодки и посадил в тюрьму, где томился около года⁵¹.

На такие же действия временных хозяев жаловались крестьяне и других владений. Так, крестьяне Кричевского староства (Брестская экономия) в марте 1748 г. в своей суплике писали королю, что державца староства «тех крестьян, которые жаловались на него, заковал в кандалы и до сего времени держит их в тюрьме»⁵². В 1782 г. за жалобы наказан был 30 ударами розг крестьянин с. Патрики (Кобринский ключ) Сидорук⁵³. В одной из суплик поданных с. Чурилово Любавичского графства (вторая половина XVIII в.) указывалось, что эконом угрожает убийством тому, кто посмеет пойти с жалобой на него к земельному собственнику. Каждого такого супликанта, заявлял он, «застрелю из пистолета»⁵⁴.

Как относились земельные собственники и королевская власть к жалобам своих подданных и как они на них реагировали? Многие жалобы, особенно те, в которых сообщалось о вымогательствах арендаторов сверх инвентарных норм, об их действиях, причинявших материальный урон хозяйству, принимались во внимание. Жалобы, по образному выражению Д. Л. Похилевича, «были сигналом о том, что овцу не только стригут, но уже и режут хищные державцы-арендаторы или нечистые на руку администраторы-официалысты»⁵⁵. Поэтому совершенно не реагировать на них было нельзя. Вымогательства и ограбления крестьян со стороны держателей имений разоряли крестьянское хозяйство, а следовательно, сокращали доходы, подрывали экономическую мощь земельного собственника, кровно затрагивали его жизненные интересы.

В ответ на некоторые жалобы и просьбы крестьян король и другие феодалы выдавали письменные распоряжения (универсалы), которые должны были оградить их от произвола временных держателей. Однако далеко не

всегда эти предписания приносили крестьянам пользу. Ряд источников отмечает, что арендаторы не признавали универсалов, не принимали их во внимание, а крестьян, доведенных до отчаяния и вынужденных добиваться универсалов от своих хозяев, избивали и подвергали еще большему грабежу⁵⁶.

Иногда, очевидно по более тревожным сигналам, для проверки фактов, изложенных в крестьянских супликах, и принятия необходимых мер посылались во владение должностное лицо (комиссар). В таких случаях крестьянам разрешалось дополнительно к поданным жалобам высказывать прибывшему на место комиссару все свои обиды и претензии к арендаторам и администрации. В связи с этим срок приезда комиссара доводился до сведения всех подданных того или иного имения⁵⁷.

Обычно комиссары вопросы решали на месте. В отдельных случаях, очевидно, когда деятельность временных держателей и администрации имений отрицательно сказывалась на состоянии арендуемого хозяйства, принимались более решительные меры. Были случаи, когда владелец отстранял от занимаемых должностей своих заместителей, управляющих и взыскивал причиненный ими господскому и крестьянскому хозяйству ущерб, а арендаторы и державцы привлекались к судебной ответственности. Так, в 1720 г. к суду был привлечен арендатор Кричевского староства Владислав Петрович. Он обвинялся в вымогательстве у крестьян сверх инвентаря денег, зерна, пеньки, меда и других продуктов сельскохозяйственного и промыслового труда, в грабеже подданных и жестоком обращении с ними. Арендатору было предъявлено требование возместить нанесенный им ущерб староству в сумме 3500 талеров⁵⁸. За подобные действия в 20-х годах был отстранен Анной Радзивилл от должности наместника этого же староства Лукашевич. Причем посланному в староство комиссару было приказано не отпускать его из владения, если это понадобится, до тех пор, пока не возместит все убытки, причиненные крестьянам и казне⁵⁹.

В 1783 г. задворный ассессорский суд Великого княжества Литовского по неоднократной и настоятельной жалобе крестьян Яловского староства (Волковысский повет) приговорил державцу этого владения брестского воеводу Горайна к возмещению причиненного им крестья-

янскому хозяйству убытка в сумме 4162 польских злотых и 15 грошей⁶⁰.

Однако чаще всего злоупотребления арендаторов проходили безнаказанно. Дело в том, что широко распространённое среди должностных лиц Речи Посполитой взяточничество не миновало и такую категорию чиновников, как комиссары. Приезжая во владения с целью инспекции, они, как правило, брали взятки у арендаторов и державцев и закрывали глаза на их злоупотребления. В то же время арендаторы и другие держатели не жалели средств на подкуп. Они щедро одаривали ревизоров.

Подкуп комиссаров сдерживал в некоторой мере поток к ним жалоб населения. Крестьяне боялись сказать правду подкупленному комиссару. В своих супликах они указывали, что «приезжающие комиссары почти все берут взятки у державцев и поэтому крестьяне боятся даже открыть рот, чтобы высказать им обиды»⁶¹.

По иному чувствовали себя арендаторы, сумевшие сравнительно легко обработать должностное лицо, прибывшее в арендованное владение с целью контроля их деятельности и проверки суплик подданных⁶². Арендатор Кричевского староства Гдаль, например, не один раз хвастался, что он не боится никакой комиссии. «Как дам 1000 или больше талеров,— заявлял он,— то комиссия будет за меня, а не за крестьянина»⁶³. Не удивительно поэтому, что арендаторы в присутствии таких комиссаров вели себя нагло по отношению к крестьянам. Они не только продолжали грабить крестьян, но не давали им возможности высказать свои обиды комиссару: вытаскивали жалующихся из избы, в которой комиссар вел прием просителей, нередко заявляя, что «мужик пьяный и говорит, что попало»⁶⁴, а некоторых арестовывали и отправляли в тюрьму. Такое действие арендаторов и державцев в какой-то мере отпугивало других крестьян от подачи жалоб. В одной из жалоб Радзивиллу, поданной в 1720 г. на державцу Петровича, крестьяне Кричевского староства писали: «Как же нам поступать дальше, когда за правду он нас берет в оковы и нигде ее не можем добиться»⁶⁵.

Если же арендатору или державце иногда не удавалось подкупить прибывшего во владение комиссара, то они принимали все меры к тому, чтобы не допустить к нему супликантов. С этой целью рассылали по селам

своих слуг, которые запугивали крестьян, чтобы те не шли с жалобами к комиссару. Более решительных крестьян, пытавшихся все же добиться приема к должностному лицу и излить ему свое горе, слуги старались **задержать, а задержав, подвергали их жестокому телесному наказанию, штрафам и др.** Губернатор Кричевского староства, например, сообщал Радзивиллу, что арендатор Гдаль, поймав крестьян-супликантов, шедших с жалобами, так избил их, что последним понадобилось хирургическое вмешательство и «цирюльники должны были ножницами вырезать тело»⁶⁶.

Не легче было и тем крестьянам, которым удалось сообщить свою обиду комиссару и заручиться его поддержкой. Таким подданным комиссар обычно выдавал письменные распоряжения, которые должны были бы оградить их от дальнейшего произвола и т. д. Но такая поддержка или защита была лишь на бумаге. Стоило только комиссару выехать из имения, как арендатор все его предписания демонстративно рвал в присутствии крестьян и дальше продолжал бесчинства. Так, когда крестьяне после отъезда из Кричева комиссара Горновского предъявили его распоряжение арендатору Волковицкому, чтобы прекратил грабеж подданных, то он заявил, что «комиссар здесь временный, а я постоянный... и плачу деньги согласно контракту, поэтому если и душу достану с крестьянина, отвечать не буду». После этого все комиссарские предписания были аннулированы арендатором, а крестьяне-супликанты подвергнуты наказанию⁶⁷.

Чтобы утратить крестьян и подорвать у них доверие к комиссарам, арендаторы прибегали к самым гнусным приемам, к подлогу и вместо настоящего комиссара использовали подставных лиц. Так, в начале 1740 г. арендатор Кричевского староства Гдаль широко оповестил, что в староство для рассмотрения жалоб крестьян прибыл комиссар Шиманский. Поскольку обычно наибольшее количество нареканий поступало в связи с вымогательством и сверхинвентарными поборами, то крестьянам было предложено предъявить указанному комиссару все квитанции об уплате чинша. Причем вместо препятствий в подаче суплик, как это было обычно, на этот раз подданным предоставлялась полная свобода действий. В надежде, что, наконец, они смогут уличить

арендатора в массовых злоупотреблениях и получить защиту от своего хозяина, крестьяне предъявили комиссару свыше 20 тыс. квитанций на уплаченный ими чинш. Собрав всю эту документацию, Шиманский скрылся. Каково же было негодование крестьян, когда они узнали, что это был не настоящий, а подставной, подосланный самим арендатором комиссар⁶⁸. Такой трюк Гдаля позволил ему еще раз потребовать от подданных староства уплаты чинша. В то же время крестьяне, лишённые квитанций, не в состоянии были доказать, что это вымогательство.

Таким образом, приезд комиссаров по жалобам крестьян нередко кроме расходов на содержание их и сопровождающих лиц ничего хорошего не сулил крепостным. Не удивительно поэтому, что они выражали свое недовольство такими комиссиями, недоверие к ним⁶⁹. В ряде своих суплик крестьяне указывали, что «комиссия для них ничего не дала», что она «не оправдала их надежд и т. д.»⁷⁰

Малоэффективными, а зачастую и ничего не дающими крестьянам были также универсалы и другие предписания временным хозяевам со стороны земельных собственников. Совершенно безнадежными были жалобы для крестьян тех владений, которые находились в залоге. На их многократные протесты по поводу тяжелого положения, злоупотреблений и произвола, чинимых держателями, земельный собственник, в частности король, обычно отвечал: «Должны терпеть, пока владение не будет выкуплено», «владение в залоге, а залогодержатели не хотят оправдываться до выкупа», «залогодержатель должен был бы руководствоваться инвентарем и ревизорскими предписаниями, но от них трудно этого требовать до выхода заставы»⁷¹. И все же крестьянские жалобы нельзя считать бесследными. В какой-то степени они оказывали влияние на земельных собственников, заставляя их иногда принимать соответствующие меры по смягчению феодального гнета, ограничению произвола держателей владений и др. Однако главным в этой форме сопротивления, как нам представляется, было то, что подача крестьянами многочисленных суплик организовывала, сплачивала их, воспитывала необходимость коллективизма, совместного выступления против усиления эксплуатации. Сам факт подачи жалоб является

свидетельством того, что крестьяне не были послушным орудием в руках господствующего класса, слепыми исполнителями его воли, что они не мирились с насилием и произволом феодалов и их должностных лиц. В то же время жестокости, жертвой которых становились податели жалоб, бесполезность самих жалоб убеждали крестьян, что этот путь не принесет им избавления, не спасет от произвола управителей и усиления феодального гнета. Сама обстановка порождала, таким образом, в сознании крестьян понимание того, что нельзя ограничиваться только подачей жалоб, что необходимо прибегать и к другим формам сопротивления. Одной из них являлось в рассматриваемые периоды бегство крепостных от своих владельцев.

2. БЕГСТВО КРЕСТЬЯН

Активной и широко распространенной формой открытого крестьянского сопротивления феодальному гнету на протяжении рассматриваемого периода было бегство крепостных от своих господ. Оно не было обособленным, изолированным от других форм антифеодальной борьбы, а переплеталось с ними, то усиливаясь, то ослабевая в зависимости от конкретных условий, сложившихся в том или ином владении или районе страны.

Бегство как форма крестьянского протеста было повсеместным. Оно наблюдалось на всей территории Белоруссии и во всех видах владений. Источники, которыми мы располагаем, раскрывают проявление этой формы сопротивления как наиболее распространенной среди других форм борьбы на востоке и юго-востоке страны. Обусловлено это было рядом внутренних и внешних факторов. Указанная территория находилась в непосредственной близости от границ России, что, естественно, облегчало возможность бегства в пределы этой страны, особенно на Левобережную Украину. Важным фактором являлось преобладание денежной формы феодальной ренты во владениях, находившихся на востоке Белоруссии. Денежная рента, как известно, создавала для крестьян относительно большую хозяйственную самостоятельность. Она способствовала более активным рыночным связям крестьянского хозяйства. Все это содействовало большей подвижности населения, нежели в условиях барщинной системы эксплуатации. Такая под-

вижность создавалась и тем, что в Восточной Белоруссии проживало большое количество крестьян, бежавших от феодального гнета из других мест и владений. Беглые были самой решительной частью крестьянства, многие из них не один раз побывали в бегах, а проживание во владениях, в которых они вновь поселились, нередко было временным явлением. Высидев здесь льготные годы, они, как правило, снимались с насиженных мест и уходили в другие владения, на Украину.

Обычно из одной деревни одновременно убегало несколько и даже более десятка семей. В 1727 г. в Кричевском старостве, например, из с. Лобковичи ушло 18, с. Лобжа — 17, с. Скрыминова — 15 семей⁷². Иногда владельца оставляло все село. Так, в 1658 г. полностью ушли крестьяне из сел Тросец и Протасовичи Пинского повета⁷³. В следующем году из имения Бронница того же Пинского повета «прочь разошлись все подданные вместе с дворовой челядью, так что не осталось там ни одного дыма»⁷⁴. Массовое бегство в 60—80-х годах XVII в. имело место в селах Мозырского и Полоцкого поветов, Дубровенского и Шкловского графств, Кричевского староства и других владений восточной и юго-восточной части Белоруссии⁷⁵. Из имений феодалов Самуила и Михаила Оскерки, Лимонта, Яна Олеси, Францишка, Доминика и Базилия Обуховичей, находившихся в Мозырском повете, в 1672 г. ушло 63 крестьянские семьи. Более 10 семей в 1684 г. сбежало из Заднепровского войтовства Дубровенского графства⁷⁶.

В начале XVIII в. наблюдался массовый уход крестьян в связи с разорениями, вызванными Северной войной, эпидемиями, голодом и другими стихийными бедствиями. Крестьяне уходили на Украину и в неразоренные владения⁷⁷. Однако в первые годы после окончания военных действий на территории Белоруссии бегство снова приняло форму сопротивления феодальному гнету. Так, в связи с большим обременением налогами и экзекуциями при сборе недоимок прошлых лет из сел Шкловского графства в 1712 г. ушло 107 крестьянских семей⁷⁸. В знак протеста против злоупотреблений арендатора Шнейера многие крестьяне уходили также из Могилевской экономии. В жалобах, поданных королю в мае и ноябре 1715 г., крестьяне писали, что арендатор своим вымогательством крупных денежных сумм довел их до

крайней нищеты и они вынуждены были уходить за границу. «Если несколько лет тому назад, — указывалось в одной из жалоб, — было несколько тысяч крестьян, то теперь всего несколько сот найдется, так как многие вымерли, другие ушли. Во всей волости половина сел пустует и в них осталось по 3—5 человек»⁷⁹.

В ответ на усиление феодального гнета десятки крестьянских семей в 20—40-х годах XVIII в. сбежали из владений Сухарево, Копысь, Шклов, Быхов и др.⁸⁰ Особенно массовым бегство крепостных в 20-х годах и последующих десятилетиях первой половины XVIII в. было в Кричевском старостве. В эти годы в старостве наиболее губительным для крестьян стал произвол арендаторов и княжеской администрации, совпавший с окончанием льгот основной массы вновь поселившихся крестьян. Только в 1727 г. из этого владения ушло 179 крестьянских семей. В 30-х годах за время аренды староства Гдалем бежало еще 116 семей крепостных, бросивших на произвол судьбы свои хозяйства⁸¹. В начале 40-х годов уход крестьян из староства был настолько велик, что он исчислялся уже не в сотнях, а в тысячах семей⁸².

К этому времени имеются данные и о бегстве из владений, расположенных в западной части Белоруссии. Так, в 1717 г. во владении монастыря католического ордена камедулов (Гродненский повет) «крестьяне подняли бунт против панов своих..., а затем разошлись по разным владениям»⁸³. В связи со злоупотреблениями управителей столовых имений виленского епископа, указывалось в жалобе крепостных, в 1726 г. «много крестьян бежало, а еще больше собралось бежать»⁸⁴. На протяжении первой половины XVIII в. наблюдалось бегство крестьян из фольварка Лихницы (Волковисский повет), принадлежавшего гродненскому монастырю св. Бригиты⁸⁵.

Бегство как форма крестьянского сопротивления продолжалось и во второй половине XVIII в. Однако отсутствие сопоставимых данных за изучаемый период не позволяет проследить ее проявление на всей территории страны. А. Жабко-Потопович и Д. Л. Похилевич считают, что бегство во второй половине XVIII в. было менее распространенным, чем в первой половине столетия⁸⁶. Но положение это указанными авторами недостаточно обосновано. Судя по имеющимся в нашем распоряжении

материалам, относящимся к бегству крестьян, например, из западной части Белоруссии, можно заключить, что оно там во второй половине XVIII в. было более активным, чем в первой половине столетия. Активность эта, на наш взгляд, была закономерным явлением. Она — следствие усиления феодального гнета, вызванного дальнейшим развитием фольварочно-барщинной системы и товарности господского хозяйства в этом районе. Вторая половина XVIII в. была характерна переводом крестьян столовых экономий и в ряде случаев старост, а также частных владений с денежной ренты на отработочную, увеличением последней там, где она существовала раньше⁸⁷. Перевод этот широко практиковался в западных районах Белоруссии и в меньшей мере затронул восточную часть страны, где, как отмечалось, до начала 70-х годов XVIII в. преобладающей формой феодальной ренты продолжала оставаться денежная рента⁸⁸.

Денежная рента, на которой до реформы Тизенгауза (1765 г.) находились крестьяне королевских экономий в западных районах Белоруссии, предоставляла непосредственным производителям сравнительно большую, чем отработочная, хозяйственную самостоятельность, давала больший простор их предприимчивости и инициативе, способствовала росту производительности труда и товаризации крестьянского хозяйства, создавала благоприятные условия для имущественной и социальной дифференциации крестьян. Естественно, массовый перевод на отработочную ренту, расширение господской запашки, рост повинностей, а следовательно, и усиление эксплуатации, другие мероприятия, проводимые в связи с развитием фольварочно-барщинного хозяйства и предпринимательства (отнятие у крестьян обрабатываемых ими земель под фольварки, принудительный труд на мануфактурах и др.), вызвали массовое сопротивление, одной из форм которого было бегство крестьян. Как оно выглядело в действительности, рассмотрим на конкретных примерах.

Отдельные факты бегства крестьян из владений западной части Белоруссии в указанный период приводятся в исторической литературе. Так, Д. Л. Похилевич отмечает массовое бегство из Брестско-Кобринской экономии в 1765—1780 гг. По его данным, за 15 лет из этого владения ушло 340 семейств⁸⁹. О бегстве крепостных из

владений монастыря св. Бригиты в 60—90-е годы указывается в работе Я. Н. Мараша. В частности, автор приводит факт бегства из монастырского владения в 1792 г. 10 крестьян. Некоторые из них ушли со своими семьями⁹⁰. В магнатском владении Высокое-Литовское в 1794 г. значилось 314 беглых, что составляло 9,8% всех крестьян названной вотчины. В Ружанском графстве Сапег в 1762 г. в бегах числилось 36 семейных и 10 холостых дворохозяев⁹¹.

Данные эти хотя и фрагментарны и не отражают нарастания рассматриваемой формы крестьянского сопротивления, ее динамики, но относятся ко всем видам земельных владений. Они свидетельствуют о том, что бегство во второй половине XVIII в. имело место как в частновладельческих, так и в государственных и церковных владениях. Более полное представление о бегстве как форме сопротивления эксплуатируемых масс сельского населения дают архивные источники, относящиеся к королевским экономиям в Западной Белоруссии (табл. 10). В таблицу включены сведения о бегстве крестьян из сел Гродненской экономии за два периода — с 1770 по 1776 и 1777—1779 гг. включительно, т. е. за 10 лет. За это время из экономии ушло 427 дворохозяев и 1324 члена их семей, а всего 1751 человек. Не исключено, что данные о количестве беглых крестьян занижены. Слишком большой количественный разрыв получился между бежавшими мужчинами и женщинами. Первые, если соединить дворохозяев и членов семей мужского пола, составляют 1225, а вторые — 526 человек, т. е. менее половины количества мужчин. По данным инвентарей за вторую половину XVIII в. количественное преобладание среди сельского населения мужского пола над женским значительно меньше. Возможно, что в связи с большими трудностями бегства часть женщин оставалась на местах. По-видимому, этим, а также неполным учетом и надо объяснить сравнительно меньшее количество (526 человек) бежавших членов семей женского пола.

Обращает внимание и тот факт, что более интенсивно бегство проявлялось в первый период, т. е. в 1770—1776 гг. В эти годы более чем в три раза бежало крестьян по сравнению с последующим трехлетием, хотя первый период был лишь в два раза больше второго.

Невиданных ранее размеров достигло бегство крестьян из экономии в 1780 г. В течение года из этого владения сбежало свыше 550 дворохозяев⁹², т. е. на 123 дворохозяина больше, чем за все предыдущее десятилетие. Уход крестьян из экономии зарегистрирован в 32 селах и одной губернии в целом. В подавляющем большинстве сел бегство было групповым, т. е. бежало одновременно несколько семей.

Определить удельный вес беглых крестьян ко всему населению экономии в данном случае не представляется возможным, так как для этого нет полных сведений.

Сохранившиеся архивные данные позволяют установить количество сбежавших крестьян из Гродненской экономии за время с 1765 по 1780 г. За эти 15 лет отсюда бежало 1064 дворохозяина, что составляло 9,4% их общей численности в экономии. Вместе с членами семьи бежавших было 4461 человек, или 7,6% всего населения данного владения⁹³, т. е. удельный вес беглых крестьян, включая глав и членов семей, был несколько ниже. Очевидно, это следует объяснить бегством в ряде случаев не всей семьи, а лишь главы и отдельных ее членов. Такое объяснение вытекает из анализа приведенных сведений. Из них следует, что на одну семью приходится в среднем 4,2 человека. В действительности крестьянские семьи во второй половине XVIII в. были многочисленными. По данным инвентарей, переписей землевладельцев и их крестьян, других архивных источников, а также сведениям, имеющимся в советской исторической литературе, средняя населенность одного дыма в указанное время составляла 7 человек⁹⁴, Ю. Можи определяет ее в 8 человек⁹⁵.

Таким образом, есть основание полагать, что в бегстве в знак протеста против усиления феодального гнета не всегда принимали участие все члены семьи. Какая-то часть ее продолжала оставаться на старом месте.

В бегстве искали спасение многие крестьяне Брестско-Кобринской королевской столовой экономии (табл. 11).

В 1766—1780 гг., т. е. за 14 лет, из этой экономии бежало 327 дворохозяев. Следовательно, в среднем на один год приходилось 23,4 беглых дворохозяина. Но это не означает, что ежегодно из владения уходило именно такое их количество. В одни годы бежало несколько, в другие — несколько десятков крестьянских семей.

Таблица 10

Бегство крестьян из сел Гродненской экономии в 1770—1779 гг.*

Губерния	1770—1776 гг.			1777—1779 гг.			1770—1779 гг.			
	главы семьи	члены семьи		главы семьи	члены семьи		главы семьи	члены семьи		
		муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.	
Яновская	24	87	41	14	43	25	38	130	66	234
Домбровская	15	22	13	6	4	3	21	26	16	63
Сокольская	89	176	113	27	53	25	116	229	138	483
Крынская	97	114	105	32	43	30	129	157	135	421
Квасовская	42	125	61	9	28	11	51	153	72	276
Езерская	60	85	84	12	18	15	72	103	99	274
Итого	327	609	417	100	189	109	427	798	526	1751
			152							82
			50							13
			378							105
			316							105
			228							48
			229							45
			1353							398

* ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1041, л. 18

Таблица 11

Бегство крестьян из Брестско-Кобринской экономии в
1766—1780 гг.*

Губерния	Ключ	Количество сел, из кото- рых бежали крестьяне	Бежало крестьян (дворохозяев)
Ломазская	Пешацкий	4	55
	Ломазский	5	6
	Вогицкий	3	4
	Трояновский	4	17
	Кривовербский	6	6
	Висковский	5	37
	Киевецкий	2	8
	Кобылянский	2	4
Кобринская	Черевачицкий	31	137
	Литвинковский	1	5
	Вежецкий	4	22
	Закросьницкий	2	12
Рудская	Прилецкий	3	9
	Речицкий	1	9
	Островский	1	4
	Ольшунский	3	12
	Озяцкий	1	8
	Збуразский	1	2
	Рудский	2	5
	Итого	10	43
Милейчицкая	Милейчицкий	6	25
	Яменский	6	15
	Половецкий	6	32
	Пужицкий	4	13
	Дубинский	3	12
Итого	25	97	
Пружанская	Пружанский	1	2
Всего		77	327

* ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 711, л. 2—9.

В 1766 г., например, ушло лишь 4 дворохозяина, в 1768 г.— 23, 1772 г.— 8, 1773 г.— 36, 1774 г.— 47, 1775 г.— 78, 1776 г.— 33⁹⁶.

Бегством в экономии были охвачены многие ключи, села и все губернии. Наибольшее количество беглых было в Ломазской губ., наименьшее — в Пружанской.

И это, как нам представляется, не случайно. Ломазская губерния находилась недалеко от Волыни, в то же время Пружанская была удалена на значительное расстояние, что, естественно, в какой-то мере затрудняло бегство.

И здесь, как правило, из одного села бежала не одна, а несколько семей. В данном случае в среднем на одно село приходилось 4,2 дворохозяина. В отдельных селах бежало 8—9 и даже более 10 дворохозяев. Очевидно, так было легче преодолевать трудности в пути и на новом месте.

В меньших размерах происходило бегство крестьян из центральных районов страны. Один из источников сообщает, что в 1752—1756 гг. из вотчинного владения Радзивилла Кореличи в знак протеста против усиления феодального гнета ушло 6 крестьянских семей⁹⁷. В 60-х годах XVIII в. 9 дворохозяев бежало из Поречской волости Слуцкого княжества⁹⁸. В 1774 г. 35 крестьянских семей ушло прочь из сел Мижевичского войтовства.

Нам представляется, что одной из причин сравнительно меньшего бегства крестьян из владений, находившихся в центральной части Белоруссии, была отдаленность их от границ государства. Гораздо проще было бы уйти и с меньшим риском быть пойманным в пути слугами и администрацией феодалов из порубежных районов.

Что касается бегства крестьян из владений, находившихся на западе страны, особенно из королевских столовых экономий (Гродненская и Брестско-Кобринская), то массовый характер оно приобрело лишь с середины 60-х годов главным образом в связи с проводимой Тизенгаузом реформой, повлекшей за собой перевод крестьян этих экономий с денежной ренты на отработочную и в целом усиление феодального гнета, ухудшение положения крестьянских масс. В центральной части Белоруссии столовых экономий не было и поэтому там не могло быть массового перевода крестьян на барщину, чем в известной мере объясняется небольшое число случаев бегства.

Данная форма крестьянского сопротивления во второй половине XVIII в. была широко распространена на востоке и юго-востоке страны. Ряд источников свидетельствует о бегстве крестьян из имения Стрешин, Любавичского и Быховского графства, Бобылицкого, Пропой-

ского, Речицкого и Кричевского староств⁹⁹. Так, в жалобе крестьян Жуковской волости Любавичского графства указывалось, что многие их односельчане разошлись. Чуриловские крестьяне того же графства жаловались своему вотчиннику на тяжелое положение и сообщали при этом, что 3 семьи ушли за границу¹⁰⁰. Свыше 132 крестьянских семей, в том числе 14 бобылей, в 1762—1765 гг. ушло из Бобылицкого староства (Мстиславское воеводство)¹⁰¹.

Как и ранее, во второй половине XVIII в. наиболее массовым бегство на востоке Белоруссии было в Кричевском старостве. С июля 1763 по октябрь 1765 г. из него ушло 955 крестьянских и 294 бобыльские семьи, т. е. 39% сельского населения староства.

Почему бежали крестьяне? Что заставляло их покидать родные, насиженные места? Причины этому, как уже отмечалось, были разнообразны. Прежде всего, как видно из жалоб, бегство вызывалось невыносимо тяжелым положением крестьянских масс в связи с усилением феодального гнета, ростом барщины и других повинностей, произволом феодальной администрации, господских слуг, арендаторов шляхетских, магнатских, церковных и государственных владений, грабежом и насилием со стороны военных отрядов, находившихся на постое в имениях. Однако небезынтересным будет рассмотреть ряд конкретных причин, побудивших крестьян на такой решительный шаг, каким являлось бегство в тех сложных социально-экономических и политических условиях.

Уход крестьян из Полоцкого воеводства в 50-х годах XVII в., например, объяснялся вымогательством у них различных поборов и больших налогов, о чем свидетельствует отписка полоцкого воеводы Д. А. Долгорукова в разрядный приказ, посланная им в 1656 г. В ней, в частности, указывалось, что «полковники, государь и шляхта с крестьян емлют поборы большие и налоги им чинят многие, и от того, государь, из Полотцкого уезду крестьяня бегут в твою государеву в русские города. И Полотцкой, государь, уезд ставитца пуст»¹⁰². Из д. Дубое, принадлежавшей Пинской иезуитской коллегии, бежало 96 крестьянских хозяйств в связи с опустошением ее солдатами в 1654—1658 гг.¹⁰³

Причиной бегства крестьян во многих владениях явились сверхинвентарные денежные и натуральные побо-

ры, требование высокого чинша. Об этом говорится в многочисленных жалобах крестьян Быховского графства, Кричевского староства, Брестско-Кобринской и Гродненской экономий, имений Свержень, Кореличи, Воложинского графства и др.¹⁰⁴ Крестьяне с. Горбовичи Кричевского староства в жалобе Радзивиллу писали, что «в связи с большим чиншем и другими платежами, которые вносили в казну, они пришли в полное разорение и дальше платить не способны... половина людей их села уже ушла прочь»¹⁰⁵.

Нередко причиной бегства крестьян был произвол администрации феодалов, арендаторов и других держателей имений, различных господских слуг. Крестьяне Могилевской экономии свой уход из владения в 1715 г. объясняли тем, что арендатор «направлял в волость для сбора налогов разных проходимцев, которые не выдавали квитанций за внесенные деньги и так без конца требовали платы»¹⁰⁶. В Быховском графстве бегство крестьян было вызвано вымогательством и произволом администратора и арендаторов этого владения. «В пригоне большое обременение имеем... тяжелые экзекуции терпим, панские слуги нас грабят и издеваются над нами, арендатор и администратор избивают людей, забирают лошадей и пр.» — писали в своей жалобе вотчиннику быховские крестьяне¹⁰⁷. Подданные Копысского графства бежали из владения, так как были «завсволены арендаторами и доведены до крайней нищеты и убожества»¹⁰⁸. В жалобе крестьян Жуковской волости (Любавичское графство) во второй половине XVIII в. указывалось: «Многие семьи уже разошлись потому, что экононом их угнетает и они не в силах выполнять даже всей семьей не только пригон, но и еженедельные сгоны, избивают их до смерти»¹⁰⁹.

Приведенные примеры относятся к владениям, расположенным в восточной части Белоруссии. Аналогичные причины, вызывавшие крестьянский протест в форме бегства, имели место и на остальной территории страны. Во владении Кореличи, например, по причине «угнетения и частых побоев» со стороны администратора Дроздовича в 1752—1756 гг. из Баратинского фольварка сбежало 6 крестьянских семей¹¹⁰. Ввиду тяжелого налогового гнета в Брестско-Кобринской экономии из с. Березовый Кут в 1775 г. ушло 7 семей, с. Прусского в

1778—1779 гг.—7 семей, с. Столпы в 1772—1778 гг.—12 семей¹¹¹. Причиной бегства крестьян из сел Лойково, Куйбет Гродненской экономии в 1780 г. было непрерывное повышение чинша и барщины, требование разной вымышленной дани¹¹². В связи с тяжелой повинностью и особенно барщиной, шарварками, принудительным наймом, гвалтами, а также экзекуциями в Гродненской экономии в том же году ушло из с. Семеренково 20 крестьянских семей, с. Езеры — 55, Суцаково — 16, Каменка — 20, Юровляны — 20, Суковичи — 24, Соловейское — 3, Хомичи — 5, Трасимовичи — 5, Куйбет — 10, Садово — 18, Битый Камень — 18 семей¹¹³. Введение новых повинностей в экономии, в дополнение к тяжелым прежним, как, например, подорожчина, полесное, коммунальное, лыковое, требование ягод, грибов, орехов, смолы живицы, коры, пряжи на невод, кур, гусей, яиц вызвали в 1780 г. бегство крестьян с. Гурбич, Ядашек, Соловейское, Герасимовичи и др.¹¹⁴

Нередко убегали крестьяне и тогда, когда кончались льготные годы и их переводили на барщину. Из с. Малая Дубровица (Гродненская экономия), например, в 1768 г. бежало 22 крестьянские семьи в связи с тем, что их «со слободы привлекли к барщине без облегчения в других податях»¹¹⁵.

Наряду с общими для всей страны причинами, вызывавшими бегство крестьян, во владениях западной части страны, главным образом в королевских столовых экономиях, были причины, наиболее характерные именно для этой территории. К ним, например, относилось отнятие у крестьян земли под фольварки, замена крестьянской пашни на земли худшего качества. Так, когда у крестьян с. Киевец Брестско-Кобринской экономии в 1776 г. отняли землю под двор, то в знак протеста из этого села ушло 7 крестьянских семей¹¹⁶. Годом раньше по тем же мотивам сбежало 13 семей из с. Деревичная. То же самое произошло и в с. Валинное. В нем в 1775 г. под фольварк было забрано у крестьян два полетка. И хотя взамен была отведена земля в другом месте, но худшего качества, не отвечающая обложению податями, 9 крестьянских семей ввиду этого ушло из владения¹¹⁷.

Своеобразным мотивом ухода крестьян в другие владения на западе Белоруссии было также разрушение администрацией их дымов — дворов в связи с ревизией,

проводимой для обложения подымным налогом. Явление это необычное и имело место лишь в королевских столовых экономиях западных областей страны в 70-х годах XVIII в., когда они находились в ведении Тизенгауза. Такое действие держателя экономий преследовало одну цель — увеличить свои, а не королевской казны доходы. Дело в том, что государство периодически производило ревизии (люстрации) экономий. Ревизоры должны были установить наличие крестьянских дымов на время люстрации, на основании которого определялся размер подымного налога, уплачиваемого крестьянами в государственную казну. Ревизия влияла на размер арендной платы, на стоимость другого вида держания экономии. Чем больше во владении имелось крестьянских дымов, тем большими были размеры как подымного, так и арендной платы. Поэтому держатели владений прибегали к различного рода махинациям, чтобы уменьшить количество дымов во время ревизий. В этом отношении особенно проявили себя Тизенгауз и его администрация в Гродненской и Брестско-Кобринской экономиях. Они разрушали многие думы крестьян. Идя на такой шаг, у них, возможно, были надежды на то, что после ревизии думы эти, а следовательно, и хозяйства крестьян будут восстановлены их прежними владельцами или вновь прибывшими поселенцами. Если это практически осуществлялось, то в таких случаях доход от неучтенных ревизорами крестьянских дворов поступал непосредственно в карман держателя.

Весьма вероятно, что объектом этой варварской акции были думы обедневших, обездоленных крестьян, от которых феодалу, а тем более арендатору не было никакой пользы. Ведь такой крестьянин неспособен был отбывать феодальные повинности, не мог уплачивать налоги государству. Владельцу выгоднее было вместо него посадить на тот же надел новопоселенца, имевшего и тягловую силу, и трудоспособных членов семьи, от которого рассчитывал получить для себя определенную пользу. Ясно, что разрушение крестьянских дымов влекло за собой уход части крестьян в другие владения. Так, в связи с разрушением дымов администратором Гродненской экономии Рожинским, а также притеснением крестьян с. Острова из него ушло в 1780 г. 80 крестьянских семей¹¹⁸. Разорение дымов в с. Стоя той же эконо-

нии привело к бегству 20 дворохозяев¹¹⁹. По той же причине десятки крестьянских семей ушли из Брестско-Кобринской экономии во время люстрации, проводимой в 1775—1776 гг. Источники, например, отмечают, что в связи с разрушением дымов в селе Добринка из него ушло с женами и детьми в неизвестную сторону 4 семьи. В то же самое время разорение дымов явилось причиной ухода из с. Полоски 5 крестьянских семей, с. Большая Дубровица — 5 семей, с. Виски — 2, Валинное — 4, Литвинки — 5, Острова — 9 семей¹²⁰.

Для Брестско-Кобринской экономии нам удалось установить причины бегства для основной массы учтенных в сохранившихся источниках крестьян, ушедших в другие владения на протяжении ряда лет 60—70-х годов XVIII в. (табл. 12).

Как видно из данных, приведенных в таблице, главной причиной, вызвавшей уход многих крестьян из Брестско-Кобринской экономии в 1766—1780 гг., было разрушение их дымов в связи с проводимой люстрацией для обложения подымным налогом. Удельный вес дворохозяев, оставивших экономию по этому мотиву, составил 21,4% в общем количестве беглых крестьянских семей за указанный период. Уход крестьян в связи с разрушением дымов наблюдался во всех пяти губерниях

Таблица 12

Бегство крестьян из Брестско-Кобринской экономии в 1766—1780 гг.*

Губерния	Тяжелые повинности, главным образом барщина	Перевод на барщину после слобод	Обнищание	Отнятие и замена земли	Разрушение дымов в связи с люстрацией	Тяжелые экзекуции	Причина не указана	Всего
Ломазская	5	22	32	39	34	—	5	137
Кобринская	24	—	—	2	22	—	—	48
Рудская	12	—	12	—	9	54	10	97
Милейщкая	5	—	13	21	3	—	1	43
Пружанская	—	—	—	—	2	—	2	2
Итого	46	22	57	62	70	54	16	327

* ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 711, л. 2—6.

этой экономии, но больше всего в Ломазской и Кобринской губерниях.

Часто бежали из экономии те крестьяне, наделы которых отнимались под господскую запашку, или заменялись землей худшего качества. По этой причине в 1766—1780 гг. из трех губерний ушло 62 дворохозяина, т. е. 18,7% всех бежавших из владения семей крепостных. Тяжелые экзекуции привели к бегству крестьян лишь в Рудской губернии. Зато обременительная барщина и другие отработочные повинности вызвали крестьянский протест в форме бегства почти во всех губерниях экономии. В трех из пяти губерний причиной ухода крестьян было обнищание, явившееся следствием тяжелого феодального гнета.

Сохранившиеся источники в известной мере позволяют определить причины бегства крестьян и в Гродненской экономии в 1780 г. Из 551 крестьянской семьи, бежавшей в указанное время¹²¹, для 237 семей причиной бегства был тяжелый повинностный гнет и главным образом барщина, для 100 семей — разрушение дымов в связи с люстрацией, для 18 — обнищание и для 7 семей — замена надела на землю худшего качества. В 189 случаях бегства мотив не указан¹²².

Изучая бегство крестьян в Гродненской экономии в 70-е годы XVIII в., Д. Л. Похилевич пришел к выводу, что «беглецы были преимущественно людьми малосемейными». По его данным, 18 хозяев (из 101) бежали одиночками, 39 — вдвоем и только в одном случае бежала семья в составе 6 человек¹²³. «Большинство беглецов, — замечает автор, — были хозяевами убогими. Из 101 хозяина, о котором имеются сведения, только 3 имели по 1 лошади и 12 — по 1 волу»¹²⁴.

Анализ многочисленных данных, которыми располагаем, позволяет заключить, что крестьяне в одних случаях бежали всей семьей, в других — несколько членов семьи или в одиночку. Что касается имущественного состояния беглых, то бежали не только убогие, но и более или менее состоятельные крестьяне.

В мае 1670 г. из имений Головницы и Копцевичи (Мозырский повет), принадлежавших мозырскому гродскому писарю Линвугу, бежало 9 хозяев. Бегство совершилось ночью во время отсутствия владельца, когда он выехал в Зеновщину — второе свое имение, находивше-

еся вблизи Мозыря. В числе бежавших было 8 хозяев с семьями и 1 — одиночка. Три семьи, уходя, захватили с собой разную домашнюю утварь и угнали скот: Сидор Мартинов — 1 вола и 1 корову, Сапончик — 1 вола и 1 корову, Трохим Харламович — 2 вола, 1 корову и 4 овцы ¹²⁵.

В 1672 г. из с. Копцевичи того же мозырского гродского писаря Линвута ушло еще несколько дворохозяев. В их числе Семен Фурсов с женой и детьми и Иван Якович с женой. Первый увел с собой 3 вола, 3 коровы и 2 телки, второй — 2 вола, 1 корову и 3 овцы. Оба захватили в дорогу домашнюю утварь ¹²⁶.

Всего в 1672 г. из 13 шляхетских сел в Мозырском повете ушло в другие владения 63 дворохозяина, из них 53 с семьями и 10 — в одиночку. Большинство беглецов (50 из 63) увели с собой скот. Однако количество угнанного скота можно определить только для 42 хозяев. Они угнали с собой 58 волов, 1 лошадь, 19 коров, 3 телки, 17 овец и 2 быка. В восьми случаях в источнике указывается лишь фамилия беглого хозяина и что он ушел «с женой, детьми, волами и домашней утварью» ¹²⁷.

Как видно из приведенных данных, в большинстве случаев крестьяне на Мозырщине бежали целыми семьями, угоняя с собой не только рабочий, но и продуктивный скот, забирая необходимую домашнюю утварь и все то, что возможно было одновременно увезти на одной, максимум двух повозках (судя по наличию тягловой силы). В то же время наличие у беглецов волов, коров, овец и другого скота служит доказательством того, что бежали не только и даже не столько убогие, сколько сравнительно состоятельные крестьяне.

Такое же положение с бегством было и в других владениях на юго-востоке и востоке Белоруссии. В Кричевском старостве, например, в 1727 г. бежало 179 хозяев и все со своими семьями ¹²⁸. К сожалению, количество членов семей в источнике не указано. Но судя по данным, относящимся к этому же владению и за те же 20-е годы XVIII в., бежали в основном многосемейные хозяева. Так, из 42 семей, бежавших из сел Березовского войтовства за время аренды староства Цехановецким, в 33 было от 4 до 11 человек и только в 9 — от 1 до 4 человек ¹²⁹. Из двух сел — Слепов и Радуши — Речицкого староства 1 сентября 1775 г. бежало 9 крестьянских

семей, угоняя с собой скот и увозя по возможности хлеб. Янко Логвинов, например, бежавший с двумя женатыми сыновьями и двумя внуками, увел с собой 5 лошадей, 6 рабочих волов, 15 голов рогатого скота, 20 овец, 6 коз, увез ржи, «выбранной из 6 ям, и 30 мерок овса», семья Андрея Путыры угнала 3 лошади, 3 вола, 3 коровы, 5 овец и 3 козы ¹³⁰. Все 9 бежавших семей увели с собой 133 головы скота, в том числе 15 лошадей, 23 вола, 26 голов крупного рогатого скота, 44 овцы и 25 коз ¹³¹. Это еще раз говорит о том, что на востоке и юго-востоке Белоруссии бегство как форма протеста широко применялось более или менее состоятельными крестьянами. Вывод такой подтверждается также многими источниками, в которых содержатся сведения о посевах, жилых и хозяйственных постройках, оставленных беглецами ¹³².

О бегстве из владений имущих крестьян указанных районов свидетельствует и письмо Радзивилла администрации староства, датированное 1727 г. В нем говорится, «что бежали обычно те крестьяне, которые длительное время находились на слободах и окрепли экономически» ¹³³. В условиях господства денежной ренты на востоке и юго-востоке страны неразорвавшиеся крестьянские хозяйства, а именно состоятельные, имущие, несли основную тяжесть налогового и повинностного бремени. Обездоленный крестьянин являлся негодным объектом для крепостнической эксплуатации. Зажиточная часть крестьян при сравнительно развитых товарно-денежных отношениях на востоке Белоруссии стремилась к более тесным рыночным связям, в то время как феодалы пытались ограничить их торговлю, подчинить все крестьянские хозяйства своим интересам. К тому же имущие, состоятельные крестьяне подвергались большему ограблению со стороны арендаторов и феодальной администрации и поэтому искали возможность избавиться от произвола.

В то же время отсутствие постоянного надзора за крестьянами со стороны феодальной администрации в связи со слабо развитым фольварочным хозяйством, а также территориальная близость к России и Украине способствовали бегству крестьян от своих господ всем семейством, с имуществом, рабочим и продуктивным скотом.

Несколько иное положение сложилось во владениях

западной части Белоруссии. Здесь, как заметил Д. Л. Похилевич, бежали в основном убогие и малосемейные хозяева¹³⁴. У нас есть возможность обобщить эти данные по экономии в целом за 1766—1780 гг. В течение этих лет из экономии бежало 327 хозяев, из них 132, т. е. 40,3%, с семьями, а остальные 195 — в одиночку¹³⁵.

В чем причина именно такого характера бегства крепостных на западе Белоруссии? Почему они бежали главным образом без семей? В источниках очень редко встречаются сведения об угоне беглыми своего скота. Нам представляется, что все это следует объяснять сложными социально-экономическими условиями, в которых оказался белорусский крестьянин в западных областях страны. В обстановке широко развитой фольварочно-барщинной системы и административно-полицейского аппарата крестьянин здесь находился под постоянным наблюдением. Ему гораздо труднее было быть незамеченным при подготовке к бегству и тем более во время бегства со всей семьей, да еще со скотом. Значительно легче в таких условиях было уйти одному хозяину.

Отсутствие в источниках данных об угоне беглецами скота можно объяснить и тем, что из владений, расположенных на западе Белоруссии, бежали в основном разорившиеся, убогие крестьяне. Главной причиной этого, на наш взгляд, были широкое развитие фольварка и связанные с ним тяжелая барщина и другие отработочные повинности. Они-то и разоряли крестьянское хозяйство, приводили непосредственных производителей к нищете. В то же время обнищавший крестьянин не в состоянии был выполнять все повинности в пользу своего владельца, уплачивать подымный налог в государственную кассу. Последнее обстоятельство было весьма невыгодно для владельца и тем более для арендатора, ибо подымный налог в таком случае взыскивался с помощью экзекуций с имущих крестьян, причем с большими издержками для них. Поэтому, очевидно, держатели государственных имений и их администрация предпочитали разорять дома убогих крестьян в связи с люстрацией для обложения подымным налогом¹³⁶, и таким крестьянам ничего не оставалось делать, как уходить в другие места в поисках куска хлеба.

Куда бежали крестьяне? На всей территории Бело-

руссии широко распространено было бегство крестьян из своих сел в соседние как королевские, так церковные и шляхетские владения. Так, 8 крестьянских семей мозырского земского судьи Самуила Оскерки в 1672 г. ушли от него в соседнюю Брагинскую волость к шляхтичу Силичу. К этому же Силичу в 1672 г. из разных владений в Мозырском повете сбежало 63 крестьянские семьи¹³⁷. Из Кричевского староста в 1727 г. ушло 179 семей и все они разбрелись по мелким шляхетским именьям, расположенным в районе Дубровны, Горок, Пропойска, Могилева¹³⁸. Ряд крестьянских семей из Речицкого староста в 1775 г. сбежал в Бобруйское староство¹³⁹. Имеются сведения о бегстве крестьян из Брестско-Кобринской экономии в частные владения шляхты Гродненского повета и в более отдаленные места, главным образом на Волинь¹⁴⁰. Бежали крестьяне также в города и местечки¹⁴¹.

Широкое распространение, особенно на востоке и юго-востоке Белоруссии, получило бегство за границу. Крестьяне Восточной Белоруссии уходили на Левобережную Украину, переходили на поселение во владения русских помещиков¹⁴². Правда, здесь имел место и обратный процесс. Многие русские крестьяне убегали от своих помещиков и оседали в шляхетских и государственных владениях на территории Белоруссии, получая временные льготы в повинностях¹⁴³.

Из владений, расположенных на западе Белоруссии в 70-х — начале 90-х годов XVIII в., крестьяне чаще бежали в восточную часть, находившуюся в составе России. В 1790—1792 гг., например, сюда бежало около 1 тыс. крестьян¹⁴⁴.

Бегство крестьян весьма ощутимо сказывалось на господском хозяйстве. Уход крестьян из владения вел к сокращению числа работников, податного населения, а следовательно, и дохода, что кровно затрагивало жизненные интересы феодала. «Вследствие побегов нашего подданства из фольварка Лихицы, расположенного в Волковысском повете, — писала в своей жалобе в суд настоятельница монастыря св. Бригиты в Гродно, — уже на протяжении шестидесяти лет и вплоть до 1753 года не получаем никакого дохода от этого фольварка»¹⁴⁵.

Бегство как форма классовой борьбы не затрагивало системы феодальной эксплуатации в целом. Оно на-

носило локальные удары по отдельным хозяйствам, но сила их была столь чувствительна, что вынуждала господствующий класс учитывать опасность потери крестьян — основы всей жизнедеятельности поместья.

Земельные собственники прекрасно понимали и неоднократно отмечали, что «люди являются фундаментом всей экономики»¹⁴⁶, и эту истину старались внушить через экономические инструкции своей администрации, экономам и другим управителям имений¹⁴⁷.

Нельзя не заметить, что бегство, хотя и приняло опасные для феодалов размеры, не заставило господствующий класс смягчить феодальную эксплуатацию, барщинно-крепостнический режим. Средством противодействия феодалы избрали репрессии, пытаясь таким путем предотвратить бегство. Почти повсеместно предписывалось крестьянам под угрозой наказания следить друг за другом, чтобы не убежали из владений. О намерении того или иного подданного бежать от своего пана крестьяне-односельчане обязаны были сообщать владельцу. Если же этого не делали, то все село в таком случае должно было за каждого беглеца отбывать все причитавшиеся с него повинности. В инвентаре имения Кадин (Мстиславское воеводство) 1729 г., например, указывалось: «Вся волость и мещане, как тяглые, кушчные, так и земляне, обязаны следить друг за другом, чтобы никто не убежал, а если кто-либо уйдет, тогда все село за ушедшего обязано будет ежегодно вносить все денежные налоги и отбывать всякие повинности»¹⁴⁸. То же самое гласил инвентарь имения Георгиново 1760 г.¹⁴⁹ В ряде владений подданных за то, что знали и не донесли двору о намерении односельчан бежать или же не задержали проезжавших беглецов из других сел, не только подвергали телесному наказанию, но заставляли отбывать за них повинности. В имении Велешковичи, например, согласно экономической инструкции 1769 г., таких крестьян должны были «сечь розгами у виселицы»¹⁵⁰.

Мера эта не столько воздерживала крестьян от бегства, сколько компенсировала феодалу доход, которого он лишался в результате ушедших от него подданных. Однако и компенсация не всегда удавалась. В тех селах, из которых ушло несколько крестьян, односельчане под принуждением могли какое-то время уплачивать за них налоги и отбывать повинности. Но там, где ушла значи-

тельная часть подданных, а остались единичные хозяйства, там, конечно, добиться полной компенсации практически было невозможно. А такие села были. В Кричевском старостве, например, в 1727 г. в с. Лобжа из 19 семей осталось 2, в с. Лабковичи из 31 осталось 13, в с. Галичи из 21 семьи осталось 11, в с. Скриминово из 34 осталось 19 семей¹⁵¹. Несомненно, что оставшимся крестьянским хозяйствам в этих селах не под силу было нести все повинности за свои и бежавших односельчан наделы. В крайнем случае с них могли взыскать какую-то часть налогов и то лишь в первое время, в противном случае и они пришли бы в полное разорение. Правильность такого вывода подтверждается жалобами крестьян, оказавшихся в подобном положении. Так, подданные с. Горбовичи, обращаясь с жалобой к Радзивиллу, писали, что село их, уплачивая налоги за себя и ушедших крестьян (ушла половина крестьянских семей), окончательно разорилось и дальше платить подати не в состоянии¹⁵². С такой же жалобой обращались к королю в 1780 г. крестьяне с. Ляпичи Гродненской экономии, из которого ушли в другие владения 29 семей, а их заставляли уплачивать чинш и налоги в прежнем размере¹⁵³.

Отдельные земельные собственники пытались возместить ущерб, нанесенный им уходом крестьян, взысканием с эконома владения определенной суммы за каждого беглого крестьянина. В экономической инструкции имения Мартианово 1768 г. (Витебское воеводство), например, указывалось, что в случае бегства подданных из этого владения эконом должен будет при расчете уплатить сго собственнику по 1000 злотых литовских за каждого такого сбежавшего¹⁵⁴. Но это всего лишь предписание. Как оно осуществлялось на практике, источники умалчивают. Об ответственности за беглых крестьян предупреждала администратора также инструкция для владения Рось Христины Сапега, изданная в 1759 г.¹⁵⁵

Поскольку бегство крестьян как форма сопротивления феодальному гнету было широко распространено по всей Белоруссии, Украине, Литве и Польше, то меры против него, кроме земельных собственников, принимали правительство и сейм. По этому поводу с 1420 по 1699 г. ими было издано 49 законодательных актов¹⁵⁶. Многие из них касались упрощения порядка сыска беглых крестьян и ликвидации в связи с этим волокиты.

Дело в том, что вернуть беглого крестьянина было не просто. Прежде всего трудности заключались в его розыске. Но даже если и было установлено новое место пребывания крепостного, вернуть его сразу не всегда удавалось. Феодал, во владении которого остановился беглый, как правило, не хотел его отдавать прежнему владельцу и всячески старался задержать у себя. В таких случаях истец был вынужден обращаться в суд, после чего начиналась судебная волокита, нередко тянувшаяся длительное время, в связи с апелляцией другой стороны. Все это заставляло правительство и сейм Речи Посполитой принимать ряд решений, направленных на ускорение рассмотрения судебных дел о беглых крестьянах с целью скорейшего возвращения их на прежние места. Это должно было в какой-то мере воспрепятствовать крестьянским побегам. Такого рода постановления, например, были приняты сеймом в 1661 и 1664 гг.¹⁵⁷ Соответствующие сеймовые постановления как мера против бегства крепостных принимались в 1667, 1671, 1683, 1685 и 1717 гг.¹⁵⁸

Однако никакие сеймовые постановления не могли приостановить самовольный уход крепостных от своих господ. Несмотря на все препятствия, чинимые господствующим классом, бегство крестьян не прекращалось и по мере усиления феодального гнета принимало все более широкий размах. Приостановить его было невозможно. «Попробуйте сверх определенной меры,— писал К. Маркс,— отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям!»¹⁵⁹

Крестьяне Белоруссии убегали и во второй половине XVIII в., т. е. после всех сеймовых постановлений, принятых с целью предотвращения бегства. В западных областях, особенно в королевских столовых экономиях, оно даже усилилось, стало более массовым, чем в предшествующий период.

Бегство во второй половине XVIII в. широкое распространение получило также на юго-востоке Белоруссии — во владениях Мозырского повета, в Речицком старостве и других владениях шляхты, государства и церкви.¹⁶⁰ Об этом свидетельствуют многочисленные пустоши, оставшиеся после беглых крестьян, инвентарные

записи, люстрации королевщин, жалобы крепостных и другие источники. Много пустых волок после ухода крестьян обнаружили ревизоры в 1765 г. в Пропойском, Чудинском, Головчинском, Кричевском, Бобылицком и Росохском староствах¹⁶¹. В последнем пустоши составляли 73%¹⁶². Из Кричевского староства, находившегося в посессии Ежего и Эмилии Мнишек, в 60-х годах XVIII в. ушло в другие владения свыше 1000 крестьянских семей¹⁶³. В Слуцком княжестве, как отмечает источник 1753 г., «по причине бегства крестьян в связи с тяжелым пригоном было много пустых сел, в других — осталось мало людей»¹⁶⁴.

Видя бесплодность законодательных и репрессивных мер в борьбе против бегства крестьян, отдельные земельные собственники вынуждены были идти, хотя и временно, на уступки своим подданным, на некоторые снижения повинностного гнета. Так, наследственный владелец Дубровенского графства, опасаясь ухода из владения своих подданных, еще в 1684 г. принял решение уменьшить повинность крестьян по заготовке лесных товаров¹⁶⁵. Руководствуясь теми же соображениями, генеральный комиссар Слуцкого княжества Иосиф Кашниц в марте 1753 г. предложил князю Радзивиллу уменьшить барщину, снизить налоги и другие денежные платежи. Радзивилл вынужден был пойти на такую меру, чтобы сократить бегство своих подданных¹⁶⁶. Таким образом он поступил и в отношении Кричевского староства, когда убедился в резком снижении доходности, наступившем в результате бегства значительной части крестьян в другие владения. Он немедленно принял решение смягчить повинностный гнет с тем, чтобы не только приостановить бегство, но и вернуть разбежавшихся крестьян. Бегство крепостных заставило владельца Даниловичского староства (Речицкий повет) в 1765 г. ликвидировать фольварк, созданный ранее на землях крестьян¹⁶⁷.

Бегство как форма классовой борьбы весьма определенно свидетельствовало о том, что господствующий класс в Белоруссии столкнулся с массовым протестом угнетенного класса. Это был протест не одной какой-либо группы, разряда крестьян, а широкое движение, в котором участвовали крестьяне самого различного положения. При всей масштабности бегства оно везде оста-

валось явлением сугубо локальным и было направлено не против феодального гнета вообще, а только против наиболее обременительных его форм и норм. Нанося огромный ущерб отдельным феодалам, бегство не могло стать эффективным средством устранения феодальной эксплуатации. Именно поэтому господствующий класс редко шел на уступки крестьянам и искал главное средство борьбы против бегства в репрессивных мерах. Но применение последних обостряло классовые противоречия и создавало почву для более активных форм крестьянского движения.

3. ОТКАЗ КРЕСТЬЯН ОТ ВЫПОЛНЕНИЯ ПОВИННОСТЕЙ

В ответ на усиление феодального гнета, злоупотребления, чинимые администрацией феодалов, арендаторами и другими держателями имений, крестьяне наряду с подачей жалоб прибегали к открытому сопротивлению, отказываясь платить поборы, исполнять барщину. Такая форма антифеодальной борьбы имела место на всей территории Белоруссии, во всех видах владений и носила постоянный характер. Источник, относящийся к Копыскому графству 1650 г., отмечает, что в этом «владении есть немало своевольных крестьян, которые, продав пеньку и спрятав хлеб, не хотят уплачивать чинш. В результате такого отказа только за последние три года за ними числится недоимка чинша в размере нескольких тысяч злотых»¹⁶⁸. Из-за отказа платить денежные поборы и вносить натуральный оброк значительные суммы недоимки возникли во владении Радзивилла. Один из управляющих его имений Лукаш Василевич в апреле 1663 г. сообщал князю, что недоимки многих крестьян возникли «не так из-за недостатка, сколько из-за того, что не хотят платить... из-за нынешнего взбунтования хлопского»¹⁶⁹. На крестьян мозырского судьи Оскерки в сентябре 1663 г. жаловался арендатор мыта, что «они сопротивляются и ничего не хотят давать...»¹⁷⁰ Имеются сведения о сопротивлении крестьян в 1700 г. в Шкловском графстве. В результате отказа крепостных выполнять натуральную повинность вотчинник совершенно не получил от своих подданных зерна, которое обычно поступало к нему в порядке натурального оброка¹⁷¹. Других данных, на основании которых можно бы-

ло бы судить о масштабах этого сопротивления, его руководителях, требованиях крестьян, источник не дает. Можно лишь предположить, что им были охвачены все села графства и крестьяне проявили большое упорство, стойкость и единодушие, поскольку никто не стал выполнять указанную повинность.

Упорное сопротивление государственных крестьян в конце XVII и в начале XVIII в. происходило в Вишнянской волости Ошмянского повета, пожалованного ошмянскому земскому писарю Стефану Слизию. Крестьяне этой волости, протестуя против всей системы повинностей, категорически отказывались выполнять все работы и платы в пользу господского двора. Пользуясь тем, что крестьяне не смогли предъявить письменного свидетельства об их повинностях, автор донесения королю писал, что, «не имея никаких привилеев, требуют какой-то вольности и льгот, совершенно не слушаются и не подчиняются двору, не несут никаких услуг, не хотят идти на толоки, отбывать подводную повинность, незаконно пользуются землями, принадлежащими двору»¹⁷². Слизьень, очевидно, не в состоянии был сам справиться с сопротивлением крестьян и обратился к королевской власти за помощью. Король в 1701 г. дал указание комиссарам поехать в Вишнянскую волость и привести крестьян в полное повиновение¹⁷³. Как практически было осуществлено это указание, сведений нет.

Частые случаи отказа от выполнения повинностей, уплаты чинша и других денежных поборов, неподчинение приказам администрации имели место в Кричевском старостве. Так, в период арсенды этого владения Хрептовичем крестьяне категорически отказались от уплаты разверстанного на них сверх инвентаря денежного побора¹⁷⁴. В 1719 г. крестьяне засожских сел не выполнили распоряжение управляющего и не подвезли в замок ни дров, ни сена, а посланного к ним нарочного Медвецкого избili. В результате отказа управляющий и другие чиновники вынуждены были сидеть в неотапливаемом, холодном помещении, пока не стали использовать на дрова замковые укрепления (снимать бревна из земляного вала), а лошадей, за неимением сена, выгонять в поле уже в первой половине апреля, хотя еще лежал снег¹⁷⁵. Насколько широко распространен был отказ крестьян от уплаты налогов в старостве, можно судить

по «Информации и генеральным распоряжениям», исходящим от Радзивилла в 1727 г. В них сообщалось, что «в старостве так много упрямых, нежелающих платить денежные поборы, что на них не хватает солдат для экзекуций»¹⁷⁶.

В октябре 1726 г. крестьяне с. Зыдымли, Заводич и Саволики Гродненской экономии, находившиеся в держании у монахов ордена камедулов, отказались выполнять повинности¹⁷⁷.

В выступлении этом характерно и то, что крестьяне в своих действиях добивались полного единства, никому не разрешая (под угрозой смерти или же быть осужденным копным судом) выходить на «службу двору»¹⁷⁸.

В факте избрания руководства и принимаемых им мер по осуществлению всеобщей борьбы в указанных селах против своих непосредственных эксплуататоров можно усмотреть определенные моменты организованности в выступлениях крестьян. В то же время бросается в глаза ограниченность этой борьбы: крестьяне отказывались от повиновения лишь камедулам, не желая оставаться их подлинными, и ставили своей целью возвращение в экономию под непосредственное управление королевской администрации.

О сопротивлении крестьян выполнять феодальные повинности есть упоминания в источниках ряда других владений. В жалобе несвижского эконома Франтишка Душевского Радзивиллу, поданной в 1729 г., говорится, что «крестьяне совершенно не слушаются его и не хотят отбывать барщину»¹⁷⁹. В инвентаре Копысского графства 1732 г. ревизоры сделали запись о том, что многие крестьяне этого владения пользуются землей, а когда придет время платить чинш, уходят¹⁸⁰.

На протяжении длительного времени отказывались от выполнения барщины и других повинностей крестьяне Слонимского староства, находившегося в держании у Сапег. Часть сел этого староства еще в 30—40-х годах XVII в. добились перевода на денежный чинш¹⁸¹. В 60—90-х годах XVII в. королевские грамоты на замену в той или иной мере отработочных и других повинностей денежным чиншем получили почти все села староства, а Мелькановичи, Соленики, Соколово, Клепачи, Неклюдово, Лопухово, Крокотка и ряд других добились разрешения сидеть на голом чинше¹⁸².

Заручившись такими грамотами, крестьяне многих сел староства воспротивились требованиям держательницы староства Анны Сапег и не стали выполнять повинности, установленные давними инвентарями. Особенно активное сопротивление оказывали крестьяне сел Мелькановичи, Соленики, Соколово, Неклюдово и Клепачи¹⁸³.

А. Сапега обратилась в ассессорский суд, который поддержал ее требования. Своим декретом от 24 февраля 1676 г. суд предписал крестьянам выполнять все повинности, указанные в инвентарях. Но крестьяне не подчинились этому решению и по-прежнему продолжали упорствовать. А. Сапега снова обратилась в ассессорский суд, который в январе 1679 г. подтвердил ранее принятое решение и обязал крестьян уплатить держательнице староства 2 тыс. злотых за причиненный ей ущерб. Суд приговорил также изгнать из волости главного предводителя сопротивления крестьян Яська Уласовича¹⁸⁴. Для исполнения этого приговора в староство были направлены королевские комиссары. В том же 1679 г. король издал декрет, которым аннулировал свои подтверждения на привилегии крестьянам как полученные неблагоприятным путем в канцелярии Великого княжества Литовского¹⁸⁵.

Хотя король издал упомянутый декрет, это несколько не мешало его канцелярии выдавать тем же крестьянам Слонимского староства подтверждения и новые грамоты на замену отработочных повинностей чиншем и др. В 1679 г., например, с. Соколово было выдано подтверждение пожалованной ему королем грамоты на голый чинш¹⁸⁶. Такие же подтверждения получили крестьяне сел Лопухово, Крокотка, Переволока, Сосновка, Кокочицы, Селявичи, Чемеры, Ходевичи и др.¹⁸⁷

Политика заигрывания, которую проводил король по отношению к государственным крестьянам Слонимского староства и Сапегам, объясняется, как справедливо заметил Д. Л. Похилевич, настойчивыми домогательствами крестьян, стремлением королевского скарба хоть как-нибудь спасти свою основную доходную статью — государственные поместья — от полного разорения их временными владельцами, а также личными мотивами, сводившимися к ослаблению давнего и активного врага своей фамилии — Сапег¹⁸⁸.

Выдача подтвердительных и других грамот позволяла королевским чиновникам наживаться за счет крестьянских подачек. Без этого крестьяне не могли не только получить грамоту, но и добиться вручения жалобы в королевскую канцелярию. Правда, грамоты эти, ввиду слабости королевской власти в Речи Посполитой, не создавали какой-либо серьезной угрозы для магнатов, владевших на определенных условиях государственными именьями. Для них это были ни к чему не обязывавшие бумажки. Но для крестьян получение королевской грамоты давало повод для отказа от повиновения временным хозяевам.

В начале XVIII в. отказ от выполнения повинностей в Слонимском старостве принял широкие размеры. Опираясь на королевские листы и пользуясь междоусобицей в среде господствующего класса, в частности шляхетской оппозицией против Сапег, крестьяне не стали выполнять не только барщину, но и другие повинности. Как писала в своей жалобе, поданной в октябре 1701 г. в слонимский гродский суд, Анна Сапега, «крестьяне без всякого повода и обиды подняли бунт и не захотели работать во дворе, а в дальнейшем не стали выполнять никаких повинностей»¹⁸⁹.

Этому выступлению предшествовало обращение крестьян в референдарский суд. В 1700 г. они добились вызова в названный суд управителя Слонима, полевого писаря Великого княжества Литовского Михаила Сапегги¹⁹⁰. Надо полагать, что и ответчик обращался в суд с жалобой на крестьян. На такую мысль наводит нас судебное решение. В нем указывается, что для рассмотрения взаимных претензий референдарский суд постановил послать в староство комиссию в составе стародубского чашника Л. Стравинского, сына слонимского хорунжего Есмана и писаря референдарского суда Лешкевича¹⁹¹.

Упомянутая комиссия прибыла в староство 5 октября 1700 г. Началось судебное разбирательство. Все крестьяне сел Мелькановичи, Соленики, Клепачи, Неклюдово и Соколово, отмечается в источнике, явились, признали комиссию и в течение нескольких дней пользовались отсрочкой, а потом, не желая доказывать своих обид и объясняться, просили комиссию в дальнейшем отложить рассмотрение дела¹⁹². Очевидно, такое действие крестьян было вызвано недоверием их к данному составу ко-

миссии, хотя первоначально с ним согласились. Возможно и другое — вмешательство в этот вопрос шляхетской оппозиции Сапегам, стремившейся использовать противоречие в своих личных целях.

Просьба крестьян была удовлетворена. Комиссия на некоторое время отложила рассмотрение жалоб. Затем судебное разбирательство стало невозможным в связи с создавшимися трудностями, о которых источник умалчивает. Можно полагать, что имелась в виду обострившаяся борьба шляхетской оппозиции против Сапег. Воспользовавшись этими обстоятельствами, крестьяне незаконным путем добились у короля грамоты, на основании которой была создана новая комиссия в составе виленского каноника ксеендза Белозора и известного уже нам сына слонимского хорунжего Есмана — одного из членов (комиссаров) прежней комиссии¹⁹³.

Новая комиссия 18 июля 1701 г. прибыла в с. Мелькановичи и, несмотря на то что первая признанная комиссия после перерыва приступила к работе, начала судебное разбирательство. Выступая с протестом против действия незаконно созданной (по приглашению крестьян) комиссии, Анна Сапега обвиняла Белозора и Есмана в том, что они «не посчитались с начатой работой первой, признанной комиссией, с решением е. к. м. референдарского суда, с общим законом, а также нарушили постановление сейма 1685 г., согласно которому всякие комиссии, созданные по инициативе крестьян по их делам, с управителями или канцелярией е. к. м. запрещены и не имеют власти до рассмотрения дела референдарским или ассессорским судом»¹⁹⁴. Будучи приглашенными крестьянами, на основании королевской грамоты, писала в своей жалобе в слонимский гродский суд А. Сапега, Белозор и Есман съехались незаконно. «Они осмелились обойти решение е. к. м. и первую комиссию, нарушили и оскорбили право, постановление сейма и решение суда е. к. м. и осмелились без явки стороны решить дело, несмотря на законную жалобу е. м. пани супруги виленского воеводы. Они берутся пересматривать старые законы, инвентари, ущемлять права дворян, освобождать крестьян от работ, которые они испокон веков выполняли, оправдывать их и устанавливать новые законы. Вместо усмирения бунтов крестьян они привели их к еще большей непокорности»¹⁹⁵.

В результате отказа крепостных выполнять барщину во время жатвы оставались неубранными господский хлеб и сено, весь урожай погибал на поле и собирать его пришлось осенью наемными людьми, что по предварительным подсчетам принесло Сапегам 7 тыс. злотых убытка¹⁹⁶.

А. Сапега обратилась к королю с просьбой привести крестьян в послушание. В ответ на это король направил в староство «упоминальный лист», в котором требовал от крестьян покорности, выполнения всех повинностей и распоряжений владельца. Однако королевское предписание не возымело желаемого воздействия на крепостных. Прикрываясь комиссарским декретом, крестьяне продолжали упорствовать, отказываясь от повиновения господскому двору¹⁹⁷. По настоятельной просьбе А. Сапеги, король в 1702 г. дал указание рассмотреть дело в ассессорском суде, приказывая одновременно крестьянам староства выполнять повинности, в противном случае они будут рассматриваться как «бунтовщики воли нашей». Меры эти не привели крестьян к повиновению. И только спустя год с помощью военной силы сопротивление было сломлено. Но принудить крестьян отбывать отработочную повинность Сапеге, очевидно, все-таки не удалось. Данные приходо-расходной книги Слонимского староства за 1709—1712 гг. свидетельствуют о том, что бояре с. Переволоки платили лишь голый чинш согласно прежней королевской грамоте. Такое же положение наблюдалось в селах Борки и Пасеничи. Тот же источник дает основание считать, что не несли барщины также крестьяне с. Мелькановичи. Они же противились выполнять и другие повинности. Так, в записи приходной книги за 1710 г. указывается: «Войт. Мелькановское ничего в том году не платило». Аналогичная запись сделана и в 1711 г. Не вносило платежей Чемеровское войводство¹⁹⁸.

О продолжавшемся сопротивлении крестьян Слонимского староства выполнять повинности говорят факты грабежа у них волов администрацией державцы. Как отмечает упомянутая нами приходная книга, «с села Мельканов за чинш и дякло взято 3 вола, которые по городской таксе проданы за 60 злотых. С села Мицкевич взято за то же 8 волов, с села Подвойсковичи — 1 вол»¹⁹⁹.

В своей борьбе против усиления феодального гнета крестьяне староства нередко искали защиты у королев-

ской власти, настойчиво добиваясь у нее подтверждения их прежних привилегий, согласно которым они освобождались от барщины и переводились на голый чинш. Получение таких подтверждений подбадривало крестьян в их сопротивлении непосредственным угнетателям. Так именно произошло в старостве в 1720 г. Когда Сапега попыталась оказать новый нажим на крепостных, усилив повинностный гнет, крестьяне обратились к королю с жалобой и просьбой подтвердить их прежние права. Август II пошел навстречу своим подданным и сделал такое подтверждение. Однако администрация староства пренебрегла королевскими предписаниями и стала беспощадно расправляться с непокорными. Расправа не запугала крестьян, они вообще перестали выполнять повинности. В результате этого, как заявило судебной комиссии доверенное лицо Сапеги, «поля остались не паханы и не засеяны, хлеб не собран, а что и собрано, то нанятым людом и не вовремя... На работу не только сами взбунтовавшиеся не выходили, но и другим людям той же волости запрещали и напиматься не разрешали, почему староста понес немалую škodu, считая на злотые — 30 тысяч». Как следует из того же документа, крестьяне отказались отдавать предписанный им оброк, перестали подчиняться администрации староства²⁰⁰.

Сопротивление крепостных распространилось на большинство сел староства. Им были охвачены Загровольское, Любищицкое, Мелькановичское и Чемеровское войводства. На этот раз крестьяне не ограничились отказом выполнять повинности. Они, как заявил представитель администрации староства на суде, «собрания общин и своевольные купы собирали, чтобы на двор Борецкий наехать, двор сжечь, а его администратора, ротмистра Дроздовского, убить пытались и даже для этого злого дела уже собрались. Подвойского Любищицкого, послушного двору, били и хотели убить. То же угрожали сделать с Любищицким войтом»²⁰¹. Причем бунтовали не только у себя, «но и подданных сапежинских (т. е. их собственных имений) до таких же бунтов привлекали. Брань и угрозы пану администратору, слугам и людям дворовым и подданным, послушным двору, посылали неоднократно, посягали на их здоровье и мучили»²⁰².

Референдарский суд, рассматривавший жалобу администрации староства, не довел дела до конца и отложил

его разбирательство до годовой ярмарки следующего года. Окончательное решение было вынесено не в пользу крестьян, хотя у них имелись королевские привилегии, которыми защищались и отстаивали свои права. В постановлении суда указывалось: всех зачинщиков и непослушных ловить и карать, сборища подданных запретить²⁰³. В то же время судебным решением отменялись вопиющие злоупотребления старосты и его администрации (требование подвод дальше 24 миль, использование крестьян в своих имениях и др.) предписывалось державце не вводить повин и взимать повинности лишь на основании королевских пожалований и комиссарского декрета²⁰⁴.

Характерно и то, что суд своим решением стремился ослабить сложившуюся в какой-то мере в ходе борьбы солидарность крестьян ряда войтовств Слонимского староства. С этой целью, например, двум из четырех, принимавших участие в неповиновении, войтовствам (Любищицкому и Загривольскому) он пошел на уступку в повинностях, освободив их от медовой дани. Крестьяне Мелькановичского и Чемеровского войтовств, оказавших более активное сопротивление, никаких послаблений в повинностях не получили. И, как результат такого хитрого действия юридического органа, отношение крестьян к решению суда было различным. Любищицкое и Загривольское войтовства, получившие уступку в медовой дани, заявили о своем согласии с решением, что не будут апеллировать и станут выполнять повинности. По-иному к судебному постановлению отнеслись Чемеровское и Мелькановичское войтовства. Крестьяне Чемеровского войтовства категорически заявили, что никаких работ и повинностей выполнять не желают, а признают лишь голый чинш. При этом сделали оговорку, что, если Мелькановичское войтовство приступит к выполнению решения суда, тогда и они сделают то же²⁰⁵.

Здесь четко прослеживается солидарность крепостных в их общей борьбе против феодального гнета, но лишь двух войтовств. В целом среди крестьян староства единства не было. Неповиновение, начатое в Мелькановичском, затем в Чемеровском войтовствах, не было поддержано Пасеничским, Мижевичским и Переволоцким войтовствами. От него отошли крестьяне Любищицкого и Загривольского войтовств. Этому в известной мере спо-

собствовала политика феодала, направленная на разъединение, разобщение сил своих подданных. И если господствующему классу, отдельным феодалам удавалось в какой-то степени ослабить борьбу эксплуатируемых масс, то остановить ее окончательно не могли даже самые решительные меры, самые жестокие способы подавления. О непрекращавшемся сопротивлении крестьян в том же Слонимском старостве упоминают источники 40-х годов XVIII в.²⁰⁶

Локальные, неорганизованные сопротивления крепостных феодальному гнету, выразившиеся в форме неповиновения своим хозяевам, отказа выполнять повинности, продолжались и во второй половине XVIII в. Так, устав имения Сожицы (Витебское воеводство) 1755 г. отмечает, что некоторые крестьяне не хотят платить за землю, которую обрабатывают и доходами от которой пользуются. В связи с этим администратору владения предписывалось не разрешать таким злостным неплательщикам снимать урожай с полей до тех пор, пока не рассчитаются с денежными платежами²⁰⁷. В «Повинностях крестьян», включенных в инвентарь Глусского графства 1756 г., говорится о «большом непослушании» крестьян Кольчицкой и Поготской волостей, которое «они оказывали до сего времени, поднимая бунты и мятежи»²⁰⁸. В экономической инструкции имения Велешковичи (Витебское воеводство) указывалось, что подданные этого владения «в уплате причитающихся с них податей обычно чинят затруднения»²⁰⁹.

Особенно сопротивлялись крестьяне введению или повышению отработочных повинностей, главным образом барщины, рост которой вызывался расширением фольварочного хозяйства. Последнее обстоятельство было связано с отнятием у крестьян лучших земель под господскую запашку, что в свою очередь еще более обостряло социальные противоречия. Крестьяне в таких случаях обычно полностью отказывались от повиновения своему владельцу или его администрации.

Такое неповиновение, например, имело место в селах Киевецкого и Милейчицкого ключей Брестской экономии, находившейся в держании у канцлера Великого княжества Литовского Чарторьского. Причиной неповиновения явилось отнятие под фольварки разработанных ими в лесных массивах земельных участков, которыми

пользовались некоторое время. Участки эти обнаружил прибывший в экономию генеральный землемер Креутиц и сразу же присоединил их к фольваркам. Крестьяне не смирились с действиями землемера и засеяли отнятую пашню, хотя урожай снять не удалось. Его снял господский двор. То же самое повторилось и на следующий год, в связи с чем возмущенные крестьяне некоторых сел названных ключей весной 1768 г. отказались выполнять все повинности в пользу феодала. Особенно активное сопротивление оказывали села Корощинки и Добрынки²¹⁰.

В эти села были направлены комиссары для усмирения бунтов и проведения экзекуций. Комиссарам удалось арестовать руководителей сопротивления Матько Каминского, Ивана Сахарука, Николая Бебко и Мочульского — жителей с. Корощинки, Михаила и Ивана Жука, Лукаша Матийчука из с. Добрынки. Их приговорили к смертной казни. Но привести приговор в исполнение не удалось. Возмущенные действиями карателей крестьяне, вооружившись палками, не допустили до столь жестокой расправы со своими предводителями. Королевской власти пришлось прибегнуть к военной силе. В Киевецкий и Милейчицкий ключи было послано войско, которое на протяжении трех месяцев усмиряло крестьян. По указанию властей находившиеся в киевецкой тюрьме семь названных руководителей сопротивления под усиленным караулом были отправлены в Варшаву. В то же время крестьяне продолжали отказываться выполнять повинности, в связи с чем королевской власти пришлось направить в села обоих ключей дополнительное войско. Однако и эта мера не дала ей желаемых результатов. Напряженное положение в Киевецком и Милейчицком ключах продолжало оставаться до 1772 г.²¹¹

С целью подавления сопротивления крепостных королевская власть прибегала не только к военной силе, но и к тактике временных уступок. 29 мая 1769 г., например, последовало распоряжение выделить малоземельным крестьянам дополнительные участки в таком размере, в каком пожелают, предоставив им льготы на три года. За пользование этими землями крестьяне на протяжении трех лет должны были уплачивать только чинш как с приемных волок, а по истечении льготного периода нести обычные повинности²¹². Конечно, такая мера могла лишь на какой-то срок ослабить крестьянскую борьбу в

том или ином владении, но в целом борьба не ослабевала, а там, где она однажды проявилась, с течением времени вспыхивала с новой силой. Так произошло в 60-х годах XVIII в. в Слонимском старостве, находившемся в то время во владении у магната М. Огинского. На этот раз отказались от повиновения владельцу и его администрации служилые люди ряда боярских и конюшских сел староства. До середины XVIII в. указанные категории населения сидели на денежном, причем небольшом, чинше. Уже в начале 50-х годов столетия была сделана попытка повысить их повинности. По жалобе бояр король предписал прежнему державце Михаилу Сапеге не притеснять их, а содержать согласно давним правам²¹³. Однако королевское предписание для магната осталось простой бумажкой. Оно не возымело никакого действия, и бояр обложили повышенными денежными поборами. Новый владелец староства Огинский усилил наступление на боярские села, разрешив своим арендаторам привлекать их к тяглым повинностям. Это, естественно, вызвало сопротивление крестьян-слуг. По их жалобе сейм в 1765 г. создал специальную комиссию для рассмотрения дела на месте. Но положение бояр от этого не улучшилось. Комиссия признала претензии боярских сел (Крокотка, Лопухово и Шляпандки) необоснованными, так как они не смогли доказать подлинными документами свою принадлежность к боярству и привилегии на боярские повинности. Сделать это удалось лишь селу Переволока²¹⁴.

К тяглым крестьянам причислены были села Пасеничи и Селявичи, находившиеся ранее на конюшской службе или на голом чинше без барщины и дякла²¹⁵.

Решение комиссии содержало предупреждение, что если указанные села Крокотка, Лопухово, Пасеничи, Селявичи и Шляпандки не приступят к выполнению тяглых повинностей, то будут посланы войска для проведения реквизиции²¹⁶.

Огинский на основании сеймового постановления в 1768 г. с этими пятью селами заключил «добровольный, принужденный» договор, согласно которому они будто бы взамен барщины обязались платить с 1 волоки повышенный чинш в размере 40 злотых, давать по 1 бочке овса, 4 курицы, 2 гуся, 40 яиц, 10 возов дров²¹⁷. В действительности же крестьяне подписали такой договор по

принуждению. В села Крокотка и Лопухово, писали крестьяне в судебной жалобе, Огинский в 1771 г. прислал полк литовских татар (500 всадников), которые «не токмо здоровье чрез телесные побои, но даже и жизни только что не лишили, а несколько особ преданных смерти, имущество наше и утащено скота 123 шт., забрали лошадей 5 шт., а сколько порезали и поели и попили, того невозможно сочесть; не довольны того — приказал солдатам по 2 чел. повязать и до Грибова перед лошадьми гнать, которых в том же дворе из Крокотки — Гришу Житкевича, Дмитрия Филютовича, из Лопухова — Василя Росала шнурами голых на столб тащили и угнетали, для того чтобы непременно на больший чинш поднялись»²¹⁸.

Грабежу и насилиям подверглись также крестьяне с. Селявичи. Прибывшие сюда солдаты под командованием хорунжего Бентовского «не токмо что голых палками били, но запрягли по 4 чел. в повозку, которую из Селявич до дер. Пасенич более полмили принуждены были тянуть, и солдаты, как скотов, палками били, из которых 1 и жизнь окончил; женщин 2 на смерть замутили и до остатка знищили»²¹⁹.

Не стерпев таких издевательств, произвола, крестьяне вынуждены были подписать (поставить кресты) так называемый добровольный приговор. Но как только закончилась экзекуция и реквизиции и крестьяне немного оправились, сопротивление возобновилось. Огинский снова направил в с. Крокотка солдат, которые всех крестьян «согнавши в 1 сарай, стояли с обнаженными тесачами и привезли воз лозы бить, чтобы подписались платить чинш со всякой уволки 40 зл.; видя уже конец жизни и здоровья», крестьяне вторично «принуждены были подписаться к платежу чинша сверх прав»²²⁰, соглашаясь на вымогательства старосты Огинского. Но и это «согласие» было временным явлением. Источники конца 80-х годов XVIII в. отмечают неповиновение крестьян державце в Слонимском старостве на протяжении нескольких десятилетий²²¹.

В 70—80-х годах отказывались от выполнения повинностей крестьяне Брестско-Кобринской и Гродненской экономий, имения Погост и других владений. В имении Погост, например, в 1775 г. не вносили денежной платы, установленной взамен сдачи мотков ниток, крестьяне деревень Селец, Исенно, Працевичи и Замошье²²².

В Брестско-Кобринской экономии, как сообщалось в донесении державце, составленном 2 октября 1782 г., поданные Городечнянского ключа взбунтовались, что «на барщину выходят и уходят домой тогда, когда им вздумается»²²³. Массовое сопротивление крепостных путем отказа выполнять барщину и другие повинности на протяжении 1776—1782 гг. имели место в Речицком старостве²²⁴.

Примечательно, что борьба крестьян велась не только против увеличения феодальной ренты, нарушения старины, но и в связи с чрезмерной эксплуатацией работающих по найму. Во второй половине XVIII в. наиболее предприимчивые, связанные с рынком феодалы не ограничивались барщинным трудом своих крепостных. Они все чаще прибегали к принудительному и вольнонаемному труду. Условия найма были нелегкими, о чем свидетельствуют многочисленные крестьянские жалобы²²⁵. Феодалы и администрация нередко нарушали договорные обязательства, что, естественно, вызывало ответную реакцию наемных людей.

Крестьяне, работавшие по найму, вели также борьбу за повышение заработной платы. Так, в 1765 г. комиссар по торговле в белорусских владениях Радзивилла Кароль Готлиб Донат жаловался князю, что законтрактованные, т. е. заключившие с ним договор, на слав крестьяне, находившиеся в посессии, не хотят выходить на работу, «упираются, требуя большей платы»²²⁶. Ничего не изменило и обращение Доната за помощью к посессорам оказать воздействие на крестьян. Они, как говорится в жалобе, ответили комиссару, что «заставить крестьян не можем и если хочешь сплавлять товар, то уплати им столько, сколько они требуют»²²⁷. Наблюдались выступления крестьян и в других местах.

Крестьяне порой проявляли исключительную решительность и упорство, которые не могли поколебать даже суровые экзекуции, проводимые администрацией или державцами. Иногда неповиновение крепостных принимало такую остроту, что оно завершалось убийством должностных лиц, пытавшихся заставить их платить чинш и другие поборы, вносить натуральный оброк или отбывать барщину. Так, во время держания Кричевского староства Эрдманом крестьяне с. Тупичино Березковского войтовства убили старца (старшего войта) Микиту

Звяго, посланного туда администрацией Кричевского замка для сбора податей ²²⁸.

Имели место случаи, когда крестьяне решительно выступали против назначения замковой администрацией нежелательных им людей на должность сельских войтов. В отдельных владениях они самовольно снимали назначенных войтов и избирали из своей среды других, которым доверяли управление селом. В том же Кричевском старостве, отмечает источник за 1727 г., сельские общины в войтовствах самовольно снимали верных и послушных замковой администрации войтов и на их место ставили своих людей ²²⁹.

Своеобразной формой борьбы против феодальной эксплуатации было укрытие крестьянами какой-то части пахотных волок от учета их владельцем ²³⁰. Известно, что крестьянские хозяйства, как правило, облагались повинностями за пользование ими лишь учтенными инвентарем волоками. Но так как многие крестьяне в дополнение к своему основному наделу обычно разрабатывали еще и лесные массивы или пустующие волоки, то фактическое количество пахотной земли у них увеличивалось. Это не было секретом для земельных собственников, которые, заботясь о своих доходах, периодически посылали в села комиссаров для выявления вновь разработанных волок и соответственно увеличения крестьянских повинностей. В то же время крестьяне, чтобы избежать дополнительного обложения, старались скрыть излишки пахоты. Нередко им это удавалось, но зачастую везло и комиссарам. Многие источники упоминают о том, что у крестьян обнаружено больше обрабатываемых волок, чем числилось за ними по инвентарю. Так, в 1694 г. во время очередной ревизии земли с. Михеевичи (Кричевское староство) оказалось неучтенных 6,5 волоки, которыми пользовались крестьяне ²³¹. Лишние 5 волок были обнаружены у крестьян с. Дрищево ²³².

Для данной формы сопротивления характерно не только стремление крестьян скрыть от своего владельца часть обрабатываемых ими волок, но и отказ от принятия этих волок на чинш, после того как они были обнаружены комиссарами. Причем отказывались крестьяне не потому, что не были в состоянии их обработать, а чтобы и дальше избегать несения дополнительных повинностей. В с. Коморовичи, например, в 1727 г. при провер-

ке грунтов были обнаружены 34 пустые волоки, которыми крестьяне пользовались, а взять в прием их категорически отказались ²³³.

Сопротивление это облегчало в некоторой мере положение части крестьян, освобождало их временно, обычно до очередной ревизии, от дополнительных повинностей, которые должны были бы нести за незаконно обрабатываемые волоки. Правда, утаивая от своих хозяев наличие пахоты, крестьяне шли на риск, так как в ряде владений за это не только обязывали дополнительно уплачивать чинш, но и подвергали крестьян суровым наказаниям. В имении Велешковичи (Витебское воеводство), например, за укрытие земли крестьян наказывали так же, как и за воровство ²³⁴.

Своего рода борьбой крепостных за облегчение феодального гнета, за улучшение своего положения был отказ ими от тяглой земли, самовольная замена ее приемными или вновь разработанными участками. Дело в том, что наиболее обременительными повинностями облагались тяглые волоки. За вновь разработанные и приемные земли крестьяне обязаны были платить чинш, причем нередко облегченный, т. е. меньший по сравнению с чиншем, взимаемым за тяглые (оседлые) волоки. В связи с этим крестьяне с охотой брались за освоение лесных массивов, хотя оно требовало больших физических усилий.

Разрабатывая новые участки, крестьяне таким образом увеличивали не тяглый надел, а исключительно чиншевые волоки. Нередко они забрасывали тяглую землю, считая своей лишь вновь освоенную, стремясь высвободиться от многих тяжелых повинностей, которые следовало отбывать за тяглый надел. В то же время самовольное уменьшение или полный отказ от тяглого участка было невыгодным для феодалов, ибо это вело к сокращению их доходов и потере работника для фольварка, в связи с чем земельные собственники своими предписаниями и экономическими инструкциями обязывали администрацию владений следить за действиями подданных и не допускать самоуправства с их стороны ²³⁵.

Характерно, что такой вид борьбы крестьян за облегчение повинностного гнета имел место в XVII в. и в Русском государстве ²³⁶.

В борьбе против феодальной эксплуатации крестьяне

нередко использовали слободы — освобождение на определенный срок (до 10, а в отдельных случаях и до 12 лет) от повинностей, предоставляемое с целью более успешного освоения пустующих волок и лесных массивов. Такая практика наиболее широко применялась в периоды восстановления хозяйства, пострадавшего от войн, эпидемий и других стихийных бедствий. В Кричевском старостве, например, на этих слободах в 1714—1727 гг. находилось около 39% крестьянских хозяйств староства. Старожилы и вновь прибывшие во владение крестьяне охотно шли на слободы, несмотря на то что их ожидал нелегкий труд при освоении новых земель, лишь бы только на время не подвергаться тяжелой повседневной эксплуатации.

Таким образом, слободы были выгодны как земельному собственнику, так и его подданным. Собственник земли надеялся таким путем увеличить численность подданного населения, освоить новые и пустующие земли, умножить свои доходы; крестьяне, освободившись на некоторое время от эксплуатации, надеялись поправить свое хозяйство. Однако надежды господ не всегда оправдывались. Просидев льготный срок на слободах, а нередко даже не дождавшись его окончания и немного окрепнув экономически, некоторая часть крестьян покидала своего пана и уходила на такие же слободы к другим феодалам. Причем уходя крестьяне увозили с собой не только нажитое за время льготных лет имущество, но нередко и деньги, полученные от продажи жилых и хозяйственных помещений, построенных из лесоматериалов, предоставленных владельцем бесплатно как новоселенцам²³⁷.

Итак, переходя с места на место, с одной слободы на другую, часть крестьян продлевала «неповинностный» период, что, безусловно, не радовало земельного собственника. Он лишался той доли дохода, которая должна была бы поступить в его казну по истечении срока слободы от ушедших слобожан²³⁸. Против ухода слобожан, нарушавших условия договора и существующие порядки, феодалы предпринимали контрмеры, чтобы задержать их и заставить нести все повинности, предусмотренные инвентарем после льготных лет. Но такие меры в свою очередь побуждали крестьян к иным, более решительным формам сопротивления.

В летописи классовой борьбы крестьянства Белоруссии на шкале времени постоянным явлением в течение полутора столетий отчетливо выступает упорное и решительное сопротивление повинностному гнету в форме отказа от несения барщины, платы поборов. Никакие репрессии не могли подавить воли крестьян. В этой борьбе еще отчетливее, чем в жалобах, выступала крестьянская солидарность, стремление «взяться за руки». Она явилась своего рода подготовительным этапом для более острых форм антифеодального крестьянского движения.

Глава IV

ВООРУЖЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН

1. НАПАДЕНИЯ НА ИМЕНЯ.

РАСПРАВА С ФЕОДАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ И ШЛЯХТОЙ

Нарастание классовых противоречий, усиление феодалами произвола и насилия вызывали у все большей части крестьянства стремление к более активным и решительным действиям. В среде крестьянских масс Белоруссии все чаще раздавались призывы к открытой вооруженной борьбе. Наряду с подачей жалоб, отказом выполнять повинности, бегством и другими формами невооруженного сопротивления феодальному гнету крестьяне стали нападать на усадьбы своих господ, захватывать их имущество, совершать поджоги фольварочных построек, порубки леса, потравы господских посевов и сенокосов, самовольно заниматься охотой в господском лесу и др. Выступления такого рода нередко сопровождались избиением или убийством шляхты, панских слуг, должностных лиц феодала. Источники второй половины XVII в. отмечают такое разнообразие форм борьбы крепостных во владениях иезуитской коллегии, расположенных в Брестском воеводстве. В феврале 1661 г., например, они напали на имение Щитники, сожгли постройки иезуитов, срубили в заповеднике лес и увезли домой. При этом был убит щитниковский войт, очевидно, пытавшийся подавить выступление крестьян¹. В июле того же года крестьяне напали на имение Блоты, избили войта и угнали с собой дворовых лошадей и овец². Решительно расправились крепостные д. Лисовицы Брестского повета со своим владельцем ксендзом Звежем³. Они подожгли его усадьбу, забрали хлеб и угнали скот. На Гродненщине, как отмечают королевские документы, разорение и поджоги господских усадеб, убийство управляющих стало формой борьбы крестьян Гродненской столовой экономии. Она приобрела столь широкий раз-

мах, что чрезвычайный Варшавский сейм в 1662 г. принял специальное постановление, которое гласило: «Поскольку разные жители не только Гродненского, но и других поветов ссылаются на огромный ущерб, причиненный им во время московского нашествия нашими подданными из Гродненской экономии, которые совершали преступления, убивали шляхту..., напали на костелы, церкви, шляхетские усадьбы и грабили, мы вмением в обязанность тем же комиссарам, чтобы они, договорившись между собою относительно места и времени и огласив об этом через Гродненский замок... вершили правосудие и преступников при наличии убедительных доказательств осуждали на смертную казнь, согласно закону, применяя постановления о грабителях 1652 и 1659 гг., невзирая ни на какие возражения»⁴.

Из цитируемого документа видно, что меры по борьбе с нападением крепостных на имения и усадьбы феодалов принимались сеймом и ранее. Рассматривая этот вопрос в 1658 г., Варшавский сейм принял строгое постановление, ограждающее жизнь и имущество феодала. В нем, в частности, указывалось, что нападавших на имения, а также «тех, которые наводили их на усадьбы... судить и карать немедленно и без апелляции соответственно совершенному преступлению»⁵.

Однако, несмотря на сеймовые постановления, предусматривающие суровые меры наказания за участие в нападении на усадьбы феодалов, крестьяне прибегали к этой форме борьбы и в последующие годы. Так, в 1667 г. землянин Полоцкого воеводства Гавриил Прусский жаловался, что из его имения Городчевичи «все крестьяне» массово, в т.ч. сел Корбовки, Михны, Макаровичи, Жабки, Янушковичи и проч., взбунтовавшись против него, ограбив и разорив имение это дотла, разошлись во все стороны»⁶.

С подобной жалобой в 1671 г. обращался в суд волковысский войский Бронислав Присецкий. Он обвинял своих подданных в нападении на его владения в Полоцком воеводстве. В жалобе указывалось, что крестьяне в имении Стрежеве сожгли все фольварочные постройки, а в имении Плоскуново — двор, гумна и хлевы, забрали с собой господское зерно и разошлись в разные места⁷.

В 70-х годах XVII в. выступления крестьян, сопро-

вождаемые разорением усадеб феодалов и вооруженной расправой с администрацией и ее служителями, происходили в Оршанском повете и на Витебщине. Так, в одной из челобитных князя В. С. Друцкого-Соколинского, поданной в Посольский приказ в 1679 г., указывалось, что его крестьяне д. Кривой Конец и иных деревень взбунтовались, убили приказчика Яна Жилинского, разорили и ограбили господский двор, сожгли свои дома и ушли в Смоленский уезд⁸.

К сожалению, в приведенных выше, как и многих других, свидетельствах нет сообщений о количестве участников и причинах волнения. Ясно лишь одно, что крестьяне открыто и решительно выступили против своего пана и его администрации. В их действиях проявилась вся сила гнева и ненависти крестьян к своим угнетателям. Доведенные до отчаяния крепостные не только убили ненавистного им приказчика, нанесли владельцу материальный ущерб, разорив усадьбу, но и лишили его рабочей силы, уйдя навсегда из владения в пределы Русского государства. О том, что крестьяне не собирались возвращаться, говорит факт сожжения ими своих домов.

Выступление крестьян князя В. С. Друцкого-Соколинского имело место и в 1679 г. в его имении в Витебском уезде. Данные о нем также весьма фрагментарны. В жалобе князя сообщалось, что «мой дворник з двора моего з дворовыми людьми и с крестьянами моими крепостными, Артюшка Бураченко, споливши гумно мое с убожьем и животы мои побравши в том дворце, в котором он, Артюшка, жил, и все на руках его было, за рубеж ушел у Смоленщину, в Бельский уезд»⁹.

Немало беспокойства у феодалов вызывали порубки леса, потравы фольварочных посевов и сенокосов, самовольная охота крепостных на зверя в господском лесу. Такого рода действия, как правило, совершались коллективно, крестьяне выступали всем селом, а порой и несколькими населенными пунктами. Так, в феврале 1670 г., вопреки строгому запрету, несколько десятков крепостных крестьян с. Лучицкое (Мозырский повет), вооруженные ружьями и копьями, самовольно вышли на охоту в лес писаря мозырского гродского суда Петра Линвута в его имении Копцевичи.

Выступление это было заранее подготовленным. Кре-

стьяне не только нарушили монополию феодала на охоту, но, застрелив дикого кабана, демонстративно провезли его мимо ворот копцевичского двора. Сделано это было сознательно, как говорится в актовых записях мозырского гродского суда, «на зло писарю»¹⁰. Служащие шляхтича Линвута пан Михаловский и тнуи по имени Ян обратились к крестьянам, упрекая их в том, что они «творят незаконные, нарушают существующий порядок и причиняют вред пану писарю». В ответ крестьяне гневно заявили, что «не только зверя, но и вас самих убивать будем» и бросились на панских слуг с палками и рогатинами. Если бы те, спасаясь бегством, не успели запереть за собой ворота, говорится в источнике, то, очевидно, были бы «убиты насмерть»¹¹.

Самовольные порубки крестьянами леса во второй половине XVII в. имели место в Могилевской экономии. Устав этого крупного королевского владения 1671 г. отмечает, что «подданные е. к. м. пустошат рощи, леса и пуши, чем наносят большой урон» казне¹².

Нападения на имения, после которых крестьяне из порубежных сел нередко уходили в Россию, поджоги шляхетских усадеб, потравы фольварочных посевов, самовольная охота стали постоянным явлением в XVIII в. К ним прибегали как государственные, церковные, так и частновладельческие крестьяне, о чем свидетельствуют жалобы шляхты и судебные материалы¹³. В актовых книгах Полоцкого гродского суда, например, сообщается о нападении крестьян в марте 1715 г. на имение Спацеж шляхтича Томаша Крупенича. Крепостные, указывает источник, в ночь на 28 марта, «обобрав и оставив пустырем владение..., першли московскую границу»¹⁴. В 1718 г. группа крестьян совершила нападение на имение полоцких базилиан, причинив им убыток в 3 тыс. злотых¹⁵. Настоятель полоцкого базилианского монастыря ксендз Иосиф Сапарович в своей жалобе по этому поводу писал, что «своеволие безбожных людей получило широкое распространение по всей территории Полоцкого воеводства»¹⁶.

Такая же картина наблюдалась и в других районах страны. В 1732 г. крестьяне с. Коровки (Витебское воеводство) неоднократно нападали на владение иезуитской коллегии, насильственно захватывали церковные пахотные земли, пастбища и лесные угодья, сжигали

монастырские постройки и угрожали иезуитам расправой¹⁷. В том же году крестьяне с. Городище, принадлежавшего городокскому бенедиктинскому монастырю (Пинский повет), захватили у монахов стадо скота, уничтожили часть монастырских посевов¹⁸.

Имеются сведения о нападении в 1739 г. группы крестьян в количестве 24 человек на «грунт и пасеку» шляхтича Ивановского в Минском воеводстве, о разорении крепостными с. Зимниц имения Черей, самовольной порубке подданными Борецкой волости леса в Окуниновской пуше (Брестское воеводство) и насильственном увозе из нее свыше 1200 штук заготовленной феодалом клепки¹⁹. В 1761 г. крестьяне Оболецкой волости напали на д. Картелево, подожгли в ней постройку иезуитов, уничтожили деловой лес, уложенный в штабеля, и более 600 штук дранки. «Лаздунские люди», по свидетельству визитатора костелов Ошмянского деканата, в 1784 г. опустошили Дубинскую пушу Трабского костела и захватили плебанскую пашню. Захват крестьянами плебанской земли, порубки церковного леса имели место в 1788 г. в Брашевичах (Брестское воеводство)²⁰.

Отстаивая свои давние права на леса, водоемы, выгоны и другие угодья, находившиеся в общем пользовании села, и считая их своей собственностью, крестьяне выступали против посягательств на них со стороны феодалов. Так, подданные той же Оболецкой волости в 60-х годах XVIII в., защищая свои прежние права на пользование лесом, заявляли, что «никого не допустят к Заборовской пуше»²¹.

Упорно отстаивали свои права на оз. Синее жители Казадовской волости Полоцкого воеводства. Когда они узнали, что слуги Радзивилла намерены ловить в нем рыбу, решили воспрепятствовать этому. Вооружившись кольями, рогатинами и ружьями, крестьяне сперва пытались убедить слуг Радзивилла прекратить лов, но когда уговоры не помогли, применили силу и разогнали их²².

Вооруженная расправа с управляющими и панскими слугами происходила не только во время нападения на господские усадьбы и имения. Крестьяне открыто, с оружием в руках выступали против должностных лиц при выполнении ими служебных обязанностей, прямо или косвенно влиявших на усиление повинностного гнета, а

также против шляхты, творившей произвол. Так, в 1701 г. крепостные с. Мелькановичи и других сел Слонимского староства выступили против наместника, прибывшего к ним с целью обмера моргов, засеваемых на пустующих волоках. Обмер этот позволил бы выявить неучтенные крестьянские посеы, что в свою очередь привело бы к увеличению размеров повинностей. Учитывая это, крестьяне не разрешили производить обмер. Они избили наместника и прогнали его из староства. Причем строго предупредили: «Больше не показывайся в селах, иначе живым не уедешь»²³.

Еще более решительными были выступления крестьян сел Зыдымль, Завадич и Саволики Гродненской экономии в 1716 г. против католического монашеского ордена камедулов. Села эти в 1667 г. были пожалованы королем указанному ордену во временное пользование, а в 1715 г. переданы ему в вечное владение. Последний акт обеспокоил крестьян. Если с временным держанием они еще кое-как мирились, то навсегда перейти под власть монахов никак не желали. В связи с этим в 1716 г. они неоднократно бунтовали и не признавали ни королевских привилеев, выданных камедулам, ни комиссарских постановлений. 13 августа в д. Зыдымль крестьяне избили должностное лицо камедулов Бартицкого²⁴. 24 августа крестьяне, вооружившись косами, разным оружием, выступили против самих камедулов, прибывших в д. Зыдымль. Они отняли у монахов лошадей и чуть не убили всех «святых отцов»²⁵.

В октябре 1716 г. в селах Саволики, Завадичи и Зыдымль снова произошло открытое выступление. С косами, топорами и огнестрельным оружием крестьяне поднялись против приехавших к ним чиновников и монахов ордена. Они стреляли в монаха Петра, но промахнулись. Затем крестьяне окружили дом, в котором находились чиновники и их слуги. Последние, очевидно, заперлись и никого к себе не впускали, вследствие чего осаждавшие подожгли помещение. Когда же дом загорелся, вооруженная толпа кинулась к двери и начала бить кольями и палками показавшихся в ней панов. В этой свалке трижды был ранен из огнестрельного оружия пан Подбельский. Всех панских слуг крестьяне связали и длительное время держали под стражей²⁶. Чем кончилась борьба крестьян против камедулов в 1716 г., источник

не сообщает. В то же время известно, что вооруженные выступления крестьян в тех же селах происходили и в последующие годы²⁷.

Решительное выступление крестьян имело место в 1748 г. в с. Домошаны (Минское воеводство)²⁸. Село это, как и все Радзивилловское имение Волма, находилось в то время в залоговом держании у пани Ментыцкой. Вопреки договору, она требовала от крестьян выполнения повинностей в размерах значительно выше тех, которые были установлены инвентарем. Ментыцкая и ее сын принуждали крестьян сверх инвентаря вносить разные контрибуции, чинши, дани, ссыпки зерна, выполнять тяжелые отработочные повинности, уплачивать штрафы и многочисленные денежные поборы. Крестьяне на протяжении 10 лет залогового держания имения обязаны были сверх инвентаря давать ежегодно с 1 волоки по 2 камня пеньки, в 2 раза больше положенного дани медовой, уплачивать с каждого дыма 5 злотых подорожчины и в то же время отбывать подводную повинность, еженедельно выделять 5 человек отбывать сторожу на расстоянии 6 миль, ходить на толоки более 60 дней в году (вместо 12 дней), выполнять другие различные повинности. Много злоупотреблений творилось при сборе чинша и других денежных платежей. При сборе, например, подымного у крестьян взимали сверх нормы не менее 500 злотых, что на протяжении 10 лет держания составило свыше 10 тыс. злотых²⁹. Кроме того, крестьяне обязаны были кормить и поить надзирателя и его слуг, постоянно разъезжавших по деревням Волмянской и Драчковской волостей, содержать панских охотников, их лошадей и собак. Расход на них за время держания имения Ментыцкой составил свыше 60 тыс. злотых³⁰. Если во время облавы крестьянин упускал зверя, то у него забирали вола или корову. В случае падежа господского скота крестьян обвиняли в колдовстве и требовали от них возмещения убытка³¹.

Волмянские и драчковские крестьяне на протяжении десяти лет терпели побои и надругательства, чинимые администрацией пани Ментыцкой. Но предел долготерпению и покорности крестьян наступил, когда Браславский стольник Ян Арамович, исполнявший служебные функции в Волмянской и Драчковской волостях, а также надзиратель имения Волма Андрей Щигельский, собрав

своих слуг и шляхту (12 человек), в числе которых был рыцарь (товарищ) одной из хоругвей, в ночь на 28 марта 1748 г. напали на д. Домошаны и стали издеваться над ее жителями, избивая их и требуя дани и откупа³². В ответ на эти насилия, вооружившись кольями и палками, свыше 100 человек крестьян с. Домошаны и соседних деревень, прибывших им на помощь, кинулись на панов и их слуг. Шляхта начала стрелять в наступавших, ранив троих крестьян. Но это не приостановило натиска восставших. Видя угрозу для жизни и не имея чем стрелять, паны забаррикадировались в избе и никого не впускали в нее. Попытки силой ворваться в избу не дали желаемого результата. Тогда крестьяне решили поджечь дом, в котором заперлась шляхта. И как только обложили его соломой и хотели уже поджигать, из дому один за другим начали выскакивать перепуганные паны. Здесь же их встретили крестьяне дубинками и кольями³³.

В схватке со шляхтой был смертельно ранен бывший верный слуга пани Ментыцкой и администратор ее владений Мойгиш. Он прибыл в Домошаны из Минска для участия в нападении на крестьян, чтобы выслужиться перед прежней хозяйкой и снова поступить к ней на службу³⁴. Немало досталось пану Арамовичу, рыцарю хоругви, землянину (этот через две недели скончался) и другим должностным лицам и шляхте. Всех их с 28 марта по 9 апреля держали под стражей. Причем Арамовича и рыцаря хоругви — сперва связанных, а затем в колодах. В конце решено было доставить их под усиленным конвоем в Слуцк. Для чего предпринималась такая попытка, трудно сказать. Очевидно, крестьяне хотели передать их в руки администрации своего вотчинника, полагая по своей наивности, что она примет меры и накажет виновников за их вымогательства и разбой. Однако доставить нарушителей в Слуцк не удалось. В пути следования они были освобождены наступившим конвоем хорунжим Лясковским³⁵. Этим по существу и закончилось выступление крестьян в Домошанах. Четверо руководителей были арестованы и посажены в Слуцкую крепость³⁶. Об их дальнейшей судьбе источники не сообщают.

Несмотря на локальный характер, выступление в Домошанах произвело переполох среди шляхты Мин-

ского воеводства. Она опасалась повторения событий, имевших место несколько лет тому назад в Кричевском старостве. По этому поводу генеральный комиссар радзивилловских имений Ю. Орачевский писал Радзивиллу, что «начало волноваться все Минское воеводство и немало минских чиновников сбежало в Минск»³⁷.

Привести все факты нападения крестьян на усадьбы и имения своих господ, вооруженной расправы со шляхтой и феодальной администрацией не представляется возможным, да и нет в этом необходимости. На основании рассмотренного материала можно заключить, что активные формы крестьянской борьбы во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в ряде поместий создавали реальную угрозу для жизни феодалов и их администрации. В последующие десятилетия они выросли в грозное для господствующего класса движение, что были вынуждены вмешаться органы государственной власти. Об этом говорит постановление Варшавского конвокационного сейма о привлечении к суду лиц, совершавших нападения на шляхту и ее дома, и постановление о применении смертной казни к таким лицам, принятое в 1764 г. В нем, в частности, предписывалось «вельможным воеводам и гродским старостам, а там, где нет старост, маршалам поветов с помощью выделенных им солдат, а также привлеченной шляхты преследовать и ловить тех, кто совершает нападения на шляхетские дома, невзирая на лица, не считаясь с чьим-либо покровительством или сопротивлением. А пойманных передавать в гродские суды, а во время бескорольвья — в каптуровые суды для определения наказания. Мы подтверждаем также, что все указанные нарушители закона любого сословия и состояния, нападавшие на шляхетские дома и посягавшие на личность, должны быть как можно более строго судимы этими судами с безоговорочным осуждением к смертной казни и без предоставления какой-либо амнистии»³⁸.

Приведенный закон свидетельствует, что классовая борьба в белорусской деревне в рассматриваемый период оказывала влияние на политику господствующего класса по отношению к крестьянству. Однако главным орудием этой политики служило насилие, жестокая расправа.

2. ВООРУЖЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ КРЕСТЬЯН С ВОИНСКИМИ ОТРЯДАМИ

Важным проявлением подъема антифеодального движения в белорусской деревне стали решительные вооруженные выступления крестьян, причем не только против администрации владений, арендаторов, шляхты и должностных лиц королевской власти, но и против хоругвей, т. е. военной силы.

Шляхетское войско являлось большим бременем для сельского и городского населения. В порядке повинности, так называемой станции, его нужно было содержать на средства села или города во время постоя в той или иной местности. Но солдаты хоругвей не ограничивались лишь одним кормлением. Они беспощадно грабили горожан и крестьян, что, естественно, вызывало их ответную реакцию, чтобы оградить себя от насилия.

В 1690 г., например, крестьяне двух сел Кричевского староства — Дубейцы и Кривая Пшва выступили против хоругви виленского каштеляна и гетмана польного Великого княжества Литовского, присланной к ним на постой³⁹. Хоругвь эта была хорошо известна своими злодеяниями в старостве. И поэтому, как только солдаты появились в с. Дубейцы, крестьяне не только не приняли их на постой, но, вооружившись кольями и рушницами, ночью напали на спящих в сарае солдат. Руководили этим выступлением житель с. Дубейцы Макар Артюхов и его сыновья.

Как сообщают источники, взбунтовавшиеся «хлопы лупили их дубовыми кольями, рушницами в бок, в шею и спину толкали»⁴⁰. Столкновение это закончилось тем, что крестьяне всех солдат связали и заперли на всю ночь в бане. На следующий день утром они были освобождены и изгнаны из села. Причем, прогоняя солдат, крестьяне предупредили их, чтобы больше не смели показываться в этих местах. «Так знайте... казаков, — заявили крестьяне, — то, что случилось теперь с вами, то будет и с вашим паном. А теперь уходите отсюда прочь и больше здесь не появляйтесь и пану своему то же самое скажите...»⁴¹ В этой угрозе отчетливо звучало ранее не выступавшее в свидетельствах источников намерение крестьян противопоставить насилию и произволу

свою сплоченность и силу. Примечательно и то, что крестьяне называют себя казаками. Надо полагать, что казачество для них было символом не только вольности, смелости и свободы, но и сплоченности в борьбе против неволи и гнета.

Дальше события развернулись следующим образом. Опозоренные и избитые солдаты через два дня пешком добрались до Кричева и о случившемся поведали своему хозяину. Узнав о бунте и разгневанный этим, рыцарь хоругви пан Конажевский тотчас направил в Дубейцы новый конный отряд для усмирения и наказания бунтовщиков⁴². Но выполнить такую миссию отряд не смог. По прибытии в с. Дубейцы он был изгнан оттуда, а несколько позже — и из с. Кривая Нива, куда переехал, надеясь найти там спокойное пристанище.

В то же время крестьяне, руководимые Макаром, не ограничились изгнанием карателей из сел и начали преследовать часть отряда, направившуюся в Кричев за помощью. В пути они встретились с паном Конажевским, который, не дождавшись сведений от посланных им ранее солдат в Дубейцы, решил сам расправиться с бунтовщиками, прихватив с собой оставшуюся челядь. Там и произошла стычка, о которой в источнике говорится следующее: «Макар сразу бросился на пана Конажевского, схватив его за грудь, а другой крестьянин ударил пана колом по спине так, что он не устоял на ногах и свалился». Видя в беде своего хозяина, челядь, соскочив с коней, бросилась ему на помощь. Крестьяне, почувствовав недостаток сил, разбежались, а пан Конажевский еле добрался до села и, пролежав один день в крестьянской избе, попросился скорее доставить его в Кричев⁴³. Так закончилось это сравнительно небольшое, но весьма решительное открытое выступление крестьян сел Дубейцы и Кривая Нива против хоругви.

Более крупное выступление против военной силы в этом же старостве произошло в ноябре 1696 г. Оно также было вызвано злоупотреблением солдат хоругви хорунжего Григория Огинского, присланной в это владение на постой⁴⁴. Еще до прихода в староство главных сил хоругви, командование ее, разместившись в г. Кричеве, без всякого на то основания потребовало от мещан и волощан 3 тыс. злотых. Деньги эти были собраны. Однако этим дело не ограничилось. Положение мещан

значительно ухудшилось, когда 27 сентября в Кричев прибыло все войско упомянутой хоругви. Жителям города было приказано в течение трех дней кормить и поить спиртными напитками весь личный состав. Малейшее неповиновение влекло за собой избивание, грабеж имущества, тюремное заключение. По истечении указанного срока основная часть хоругви была направлена на постой в села староства⁴⁵. Крестьяне, помимо инвентарных повинностей и вымогательства со стороны арендаторов, обязаны были полностью содержать присланных солдат и их лошадей. С них потребовали также сбора денег из расчета 50 злотых на каждую лошадь хоругви. Не ограничиваясь этим, солдаты рыскали по селам, взламывали амбары и грабили крестьянское добро, а самих крестьян подвергали избиванию и другим издевательствам⁴⁶.

Бесчинства хоругви в старостве продолжались около двух месяцев. Наконец, доведенные до отчаяния мещане и крестьянские массы 8 ноября 1696 г. открыто выступили с оружием в руках против распоясавшихся солдат. Выступление, в котором приняло участие несколько тысяч человек, произошло в самом Кричеве, куда к этому времени было стянуто все войско гетманской хоругви. Поводом к нему был отказ командования хоругви прекратить бесчинства и выйти из староства, а также угроза со стороны хоругви «огнем и мечом разорить город и всю Кричевскую волость»⁴⁷.

Вооруженные мещане, а также крестьяне, специально прибывшие в Кричев, предварительно обстреляв из замковых орудий расположение хоругви, восстали, чтобы изгнать ее из города и староства и освободиться от непрерывных угроз, побоев, грабежа и произвола как со стороны солдат и челяди, так и самого командования хоругви⁴⁸. В то же время хоругвь повела наступление на восставших. По всему городу шла перестрелка, а на центральной площади и около замка, где находилась основная часть хоругви, происходила настоящая битва. Результатом ее было несколько десятков убитых и раненых с обеих сторон. Особенно большие потери понесла хоругвь. Она, как заявил впоследствии на суде стольник мозырский и поручик указанной хоругви Ян Поломский, была «полностью разгромлена». Оставшаяся часть солдат и шляхты, видя многих своих собратьев «побитых,

потопленных и раненых», спасалась бегством из города⁴⁹.

Характерным для этого открытого вооруженного выступления было то, что в нем принимали участие не только крестьяне, но и горожане, в том числе и городская верхушка. В данном случае инициатива принадлежала городу. Село лишь оказало поддержку. Участие в выступлении всех слоев городского населения, а также крестьян объясняется их общей заинтересованностью в освобождении от произвола хоругви. Однако эта временная общность не исключала их внутреннего антагонизма. Говоря о такой солидарности крестьянства в дореформенной России, В. И. Ленин отмечал, что она порождалась крепостничеством, вызывалась тогдашними материальными условиями: «Крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм»⁵⁰.

Оба эти вооруженные выступления были направлены против войска, разорявшего население, не только обязанностью доставлять солдатам кормление, но и многочисленными поборами, грабежом и насилием. И первое, и второе выступления произошли на юго-востоке Белоруссии. Как известно, в этом районе в период национально-освободительной и русско-польской войн наиболее острой и наиболее массовой была борьба народных масс. Здесь активнее проявлялись действия отрядов украинских казаков, в составе которых немало было выходцев из Белоруссии. К тому же территория эта непосредственно примыкала к России и, в частности, к Левобережной Украине, где еще сохранила свое влияние казацкая вольница. Опасаясь проникновения казаков из Украины и новых волнений, магнаты Речи Посполитой продолжали держать здесь наемное и шляхетское войско. А оно то и было, особен-

но в период опустошений, наиболее тяжелым бременем для сельского и городского населения. Видимо, этим и надо объяснить, почему вооруженные выступления крестьян против войска в конце XVII в. происходили именно на юго-востоке страны.

В начале XVIII в. вооруженное выступление крестьян произошло в Оршанском повете около Дубровны⁵¹. Положение крестьян в этом районе было особенно бедственным. Трудности, вызванные разорительной войной середины XVII в., усугубились здесь опустошением крестьянского хозяйства междоусобной борьбой шляхты и Сапегов. Последние решили использовать недовольство народных масс в борьбе против шляхты. С этой целью Сапегы стали создавать казацко-крестьянские отряды. В 1701 г. против них было направлено регулярное войско Речи Посполитой. В сражении около Дубровны 8 июля было убито 700 крестьян⁵². Однако на этом вооруженные выступления крестьян не прекратились. В сентябре 1701 г. произошло новое столкновение с шляхетским войском, в результате которого был разгромлен крупный казацко-крестьянский отряд⁵³.

Неудача и на этот раз не сломила у крестьян воли к сопротивлению. Борьба, в которой крестьяне и Сапегы преследовали разные цели, продолжалась и дальше. В декабре 1701 г. казаки и крестьяне сумели разгромить 18 шляхетских хоругвей. Имеются упоминания и о битве между отрядами крестьян и шляхты, происшедшей в феврале 1702 г. около Быхова⁵⁴.

Сравнительно крупное выступление крестьян, которому фактически противостояла вооруженная сила, произошло в 1718 г. в Кричевском старостве. Оно было направлено против администрации Кричевского замка, деятельность которой причиняла подданным немало невзгод и страданий. В качестве крестьянского вожака в данном случае выступал коренной житель Кричева мещанин-ремесленник Иван Карпач⁵⁵. И хотя это, пожалуй, единственный факт в истории крестьянского движения в Белоруссии периода позднего феодализма, когда во главе крестьянских масс становится мещанин, он не вызывает удивления. Для Белоруссии XVIII в. особенно характерна была агрессивная политика феодалов по отношению к городу. Большинство городского населения, в частности мещане, испытывало

феодалный гнет, сопровождавшийся грубым произволом со стороны феодалов и арендаторов их владений, замковой администрации и других должностных лиц короля и магнатов. Таким образом, кроме своих эксплуататоров, городские массы имели еще и общего с крестьянством врага, против которого крестьяне вели постоянную, непримиримую борьбу. Эту общность, а также сопротивление крестьян иногда пыталась использовать в своей борьбе против усиления феодального гнета более решительная, более активная часть горожан, прибегая к помощи крестьянских масс.

Крестьяне охотно шли на совместное выступление, так как видели в этом защиту и своих интересов. В такой общей борьбе они прислушивались к голосу горожан, активно выступавших против замковой администрации и арендаторов, шли за ними, считая их своими предводителями. Таким именно предводителем и был Иван Карпач.

Впервые фамилия Карпач (Дмитрий — дед Ивана Карпача) в инвентарях г. Кричева упоминается в 1682 г.⁵⁶ Был он в то время бурмистром города, следовательно, относился к зажиточной части мещан, к верхушке городского общества. Его именем была названа одна из улиц в Кричеве⁵⁷. Сыновья Дмитрия — Самуил и Илья (Илья — отец Ивана) — были пушкарями кричевской крепости (замка). Причем Самуил являлся старшим пушкарем. В 1684 г. он получил королевский привилей, согласно которому ему передавался в пожизненное пользование участок земли в старостве и предоставлялись вольности⁵⁸. Пушкари были обязаны ежегодно изготовлять для замка по 120 фунтов пороха, периодически осматривать, испытывать и ремонтировать замковые орудия, а в случае военной опасности или другой необходимости являться в крепость и быть в полной боевой готовности⁵⁹.

Несмотря на свое привилегированное положение и занимаемую должность в Кричевском магистрате, семья Карпачей была самой активной в выступлениях против произвола арендаторов, замковой администрации и других представителей класса феодалов. В 1696 г., например, Дмитрий Карпач и его сыновья Самуил и Илья наряду с некоторыми другими мещанами обвинялись в вооруженном выступлении против известной

нам хоругви хорунжего Великого княжества Литовского Григория Огинского⁶⁰.

Первые сведения об участии Ивана Карпача в антифеодальной борьбе в старостве относятся к началу XVIII в. Он в это время составлял многочисленные жалобы по просьбе крестьян на произвол временных хозяев в старостве и нередко сам доставлял их в Мир, Несвиж, Гродно⁶¹. Этим он, очевидно, и завоевал симпатию и доверие к себе со стороны крепостных.

Связи Карпача с крестьянами расширялись и укреплялись. Неоднократно он сам выезжал в села для сбора сведений о злоупотреблениях арендаторов и по своей инициативе писал суплики от имени общин, войтовства и всей волости⁶². Причем наиболее тесные связи поддерживал Карпач с крестьянами Углянского и Березковского (Хотимского) войтовств, т. е. с крестьянами тех сел, которые оказывали активное сопротивление усилению феодального гнета⁶³. Где-то в середине второго десятилетия XVIII в. он пересел на жительство в Углянское войтовство⁶⁴. По инвентарю 1747 г. на том месте, где он поселился, значилась д. Карпачи, насчитывавшая 10 дымов⁶⁵. На новом месте Карпач обзавелся хозяйством. Он занял значительную часть грунтов, очевидно пустошей, так что раздавал их даже крестьянам за определенный сноп⁶⁶. Там же он построил мельницу и сукновальню, занимался винокурением⁶⁷. Следовательно, в хозяйственном отношении это был предприимчивый человек. Но, видимо, не только материальные соображения побудили Карпача уйти из города. Из-за личной выгоды ему незачем было уезжать из Кричева, тем более в места, где беспрерывно происходили волнения крестьян, где всегда могла ожидать неприятность того, кто хотел бы легко нажиться за счет труда крепостных. Есть много примеров, когда мещане, проживая в городе, пользовались пахотными волоками, а то и целыми фольварками, расположенными в сельской местности, получая от них дополнительные доходы. Все замковые пушкари, проживавшие в городе, имели свои волоки в разных местах староства.

Некоторое знакомство с экономическим состоянием хозяйства Карпачей, занимаемым положением в городе, их отношением к замковой администрации и вообще ко всем представителям княжеской власти в старо-

стве дает основание заключить, что причиной перехода Ивана Карпача из Кричева в село было также стремление его находиться ближе к борющимся крестьянам и руководить ими. Не случайно в своих жалобах войты староства доносили Радзивиллу, что Карпач, «поселившись между бунтовщиками, сделался каким-то атаманом казацким»⁶⁸. Об этом же убедительно свидетельствует и вся его последующая деятельность на селе.

Хотя Иван Карпач имел большое хозяйство, он не платил налогов и не нес других повинностей, на что непрерывно жаловались Радзивиллу арендаторы, сельские войты и члены Кричевского магистрата. Еще большее зло в Карпаче видели замковая администрация и арендаторы староства в том, что он бунтовал крестьян, призывал их не выполнять никаких повинностей и не подчиняться распоряжениям державцы⁶⁹.

Действительно, Карпач проявлял исключительную активность в организации сопротивления крестьян феодальному гнету. Он по-прежнему продолжал писать от их имени жалобы Радзивиллу на арендаторов, ездил по селам для встречи с наиболее решительно настроенными крестьянами, неоднократно собирал их у себя во дворе. На одном из таких собраний, в декабре 1718 г., крестьяне избрали из своей среды посла и направили его в Кричев с наказом. Посланцем этим был Жилинский — крестьянин из с. Березки. Явившись в Кричевский замок к державце Петровичу, а затем к представителю хоругви, он заявил от имени крестьян, «чтобы никто из них не смел посылать больше в волость людей для сбора налогов»⁷⁰.

В том же месяце Иван Карпач ездил с крестьянскими супликами к А. Радзивиллу в Гродно. Об этом знали многие крестьяне Углянского и Березковского войтовств и с нетерпением его ждали. К сожалению, источники умалчивают о реакции А. Радзивилла на эти жалобы. Известно лишь, что, возвратясь из Гродно, Карпач привез какое-то письмо державце Петровичу. Письмо это не было сразу вручено адресату. Карпач ездил с ним по селам староства, агитируя крепостных к неповиновению администрации. Обращаясь с княжеским письмом к неграмотным крестьянам, он призывал их смелее выступать против угнетателей. «Теперь смелее стойте при мне,— заявлял Карпач,— не бойтесь и не

слушайтесь державцы»⁷¹. Демонстрируя княжеское письмо, он заверял крепостных, что, наконец, ему удалось добиться освобождения их от подчинения державце и что теперь они будут платить лишь половину подати на содержание войска и значительно меньший чинш — не более 12 коп с волоки⁷². В действительности же в письме этом ничего подобного не было. В нем Радзивилл поручала державце староства купить и прислать ей кофе⁷³. Однако это не помешало Карпачу использовать письмо для активизации сопротивления крестьян и открытого выступления их против державцы и замковой администрации, в чем и сам был кровно заинтересован.

Ненавидевшие арендаторов староства крестьяне верили Карпачу и охотно откликались на его призывы. Они не только отказывались выполнять повинности, но и готовились к более решительной борьбе. Прежде всего крестьяне вторично послали в Кричев своих представителей, которые предупредили замковую администрацию, чтобы она не посылала в волость, т. е. села староства, своих людей и не давала никаких распоряжений, в противном случае угрожали убийством всех тех, кто посмеет к ним прибыть по заданию замка. Одновременно было еще раз заявлено об отказе нести повинности⁷⁴.

В то же время Карпач, разъезжая по селам Углянского и Березковского войтовств, собирал людей для открытого выступления, которое намечено было провести в торговый день в пятницу 30 декабря 1718 г. По его указанию каждый крестьянский дым должен был выделить для этого выступления людей. Таким образом, Карпачу удалось собрать несколько сот крестьян, с которыми в назначенный срок прибыл в Кричев⁷⁵. Первоначально все они остановились во дворе отца Ивана Карпача — Ильи. Там была сделана черта на снегу, на которую в знак общей солидарности и протеста против замкового руководства все присутствовавшие бросали шапки⁷⁶. Это была традиционная с общинных времен процедура солидарного решения «не отступать друг от друга, если бы даже пришлось отдать жизнь». Крестьяне единодушно заявили: «Докажем своего, знаем на кого и против кого»⁷⁷. Затем все они во главе с Иваном и Ильей Карпачем через городской

рынок направились в замок, где находился державца староства. Однако это не было мирное шествие. В пути следования крестьяне произносили угрожающие выкрики в адрес державцы и избивали тех мещан, которые осуждали их действия⁷⁸.

Видя угрозу замковой администрации и опасаясь решительных действий, магистрат Кричева объявил тревогу. В замок в срочном порядке были вызваны вооруженные мещане, которые преградили путь следования в крепость. Однако магистрат вынужден был пропустить к державце староства около 10 представителей восставших крестьян и Илью Карпача⁷⁹. В то же время остальные с Иваном Карпачом оставались на месте в ожидании результатов переговоров с замковой администрацией. Но переговоры ни к чему не привели. Илья Карпач, который резко повел себя по отношению к державце, а также несколько более активных посланцев от крестьян были арестованы и взяты под стражу⁸⁰. Эта весть еще более возмутила крестьян. На протяжении трех дней они разъезжали по городу и, угрожая державце, пытались поднять против него горожан. Но добиться этого им не удалось. Городское население не поддержало крестьян.

Таким образом, выступление это, как и многие другие, не имело успеха. Руководитель его Иван Карпач был посажен в тюрьму, а затем подвергся телесному наказанию⁸¹. Тюремному заключению и другим наказаниям подверглись также его отец Илья Карпач и наиболее активные участники выступления, которые в источниках того времени называются принципалами. Однако это не испугало крестьян. Борьба их в старостве не прекращалась и в последующие годы.

40-е годы XVIII в. отмечены вооруженными выступлениями крестьян против феодального гнета и в других владениях, особенно на востоке и юго-востоке Белоруссии. В 1745 г. крестьянские волнения начались во владении Виленского капитула Горволь. На подавление их были посланы две хоругви под командованием ротмистров Козловского и Шварца Барановского. Очевидно, в короткое время справиться с крестьянским сопротивлением хоругвям не удалось и им пришлось находиться здесь до апреля 1746 г.⁸²

В декабре 1747 г. с оружием в руках против своих

угнетателей выступили крестьяне Гомельского староства. Радзивилл в спешном порядке направил туда хоругвь «передней стражи» и одновременно дал команду в случае необходимости немедленно ввести в староство дополнительные войска⁸³.

Надо полагать, что в Чечерском старостве массовым было вооруженное выступление крестьян в 1748 г., ибо на подавление его в августе того же года туда было брошено войско под командованием наместника «пятигорского знака» Рейницкого и хоругвь ротмистра Лисовского⁸⁴.

Подробными сведениями о ходе вооруженной борьбы крестьян в указанных владениях мы не располагаем. Однако, поскольку она вызывала опасения у феодалов и подавлялась военной силой, очевидно, что антифеодальное сопротивление крестьян вооруженными группами в этом районе было широко распространено и носило острый и упорный характер.

Во второй половине XVIII ст. в связи с усилением повинностного гнета крестьянские волнения и, в частности, вооруженные выступления не прекращались. Уже в 1751 г. в Чечерское староство для подавления сопротивления был послан к тем военным силам, которые там находились, конный отряд численностью в 60 человек. В октябре 1752 г. более 7 хоругвей были направлены в Пропойское староство⁸⁵. Следовательно, пламя крестьянского движения на юго-востоке страны не затухало, а разгоралось.

В 70-х — начале 80-х годов XVIII в. свыше 5 лет подряд длилось вооруженное выступление крестьян в Любоницком и Столпищенском староствах Речицкого повета⁸⁶. Владения эти были выделены из Бобруйского староства и переданы в пожизненное держание феодалу Лэнцкому. С приходом нового владельца положение любоницких и столпищенских крестьян резко ухудшилось⁸⁷. Лэнцкий повысил прежние и ввел новые, не предусмотренные инвентарем отработочные повинности. Феодал и его администрация облагали крестьян многочисленными денежными и натуральными поборами, производили реквизиции и тяжелые экзекуции, чинили невиданный ранее произвол. Села, отбывавшие прежде барщину 2 дня в неделю, обязаны были теперь работать в господском хозяйстве 3—4 дня. Кроме того,

столпищенских крестьян, которые ранее вообще не несли отработочных повинностей, гнали на барщину в вотчинное владение Лэнцкого Охотичи (Речицкий повет). Там их принуждали отбывать четырехдневную еженедельную барщину, а в отдаленное, также вотчинное имение Толкачевичи, находившееся в Минском воеводстве, крестьян посылали работать на длительный период⁸⁸. В два раза была увеличена подводная повинность, в три раза больше взыскивали с крестьян дякла (мед, куры, яйцо), для выполнения сторожи еженедельно требовали выделять 6—7 человек вместо 5, причем не только Столпищенскому и Любоницкому староствам, но и владению Охотичи, которое не имело никакого отношения к указанным староствам. При сборе чинша администрация староств взимала с крестьянского дыма по несколько злотых сверх установленного размера, за каждую 0,5 волоки земли требовала по 13 грошей польски какой-то придуманной неводщины⁸⁹.

Новыми для крестьян были также повинности ежегодно изготовлять вентера, поставлять господскому двору от каждого дыма по 15 локтей полотна, вытканного из своей пряжи, по 5 мерок золы. Последняя должна была доставляться крестьянами в Богушевичи, вотчинное имение Лэнцкого в Минском воеводстве⁹⁰.

Помимо всего этого администрация староств под всякими предлогами взыскивала с крестьян большие денежные суммы и требовала поставок продуктов. Так, любоницкий эконоин Винский в 1776 г. забрал у крестьян десяти сел 6608 фунтов меда вместо 1263, т. е. в 5 раз более, чем полагалось по инвентарям⁹¹.

Под предлогом поставок провианта и фуража для российского войска тот же эконоин Винский собрал с крестьян Любоницкого староства ржи, овса, кур, яиц на общую сумму в 1774 г.—3503 злотых польских, 1775 г.—3053 злотых, 1776 г.—6176 злотых и сверх того в том же году Лэнцкий и его администрация путем грабежа и насилия выбрали у крестьян староства, будто бы для обеспечения продовольствием и фуражом московского войска, провианта, фуража и готовых денег на сумму 8 тыс. злотых. Все эти средства они присвоили себе⁹².

Многое терпели крестьяне и от других злоупотреблений старосты и его слуг. В ряде сел они захватили

крестьянские сенокосы и пахотные земли. Только к столпищенскому фольварку было присоединено 19 крестьянских волок. У крестьян с. Любоници на господский двор отняли сенокос на 190 возов сена, с. Козуличи — на 200 возов, с. Уласовичи — на 150, с. Марковичи — на 50, с. Пацовая Слобода — на 50, сел Кострица и Еремова Слобода — на 100 возов сена⁹³.

Создавая новый фольварк, эконоин отнял у с. Столпище выгон, лишив крестьян пастбища. И если после этого акта крестьянский скот появлялся на выгоне, слуги Лэнцкого забирали его во двор и возвращали лишь после большого выкупа и приношений⁹⁴.

В погоне за увеличением доходов Лэнцкий и его администрация запретили крестьянству Столпищенского и Любоницкого староств без дополнительной платы пользоваться выпасами по берегам Березины и около озер. Более того, им запрещен был вход в речку и озера (лов рыбы и водопой скота). Крестьяне, не получив специального разрешения, не имели права не только пасти в указанных местах свой скот, но и поить его ни в Березине, ни в озерах⁹⁵.

За малейшее нарушение установленных держателем и администрацией староства предписаний, хотя они и не соответствовали вольностям и повинностям, указанным в инвентарях, с крестьян взимали большие штрафы.

Страшным бичом для крестьян были экзекуции, проводимые с целью взыскания чинша, государственных податей, штрафов и других платежей, налагаемых держателем староства. Экзекуторы разбивали и грабили свирны и гумна, забирали скот, зерно, деньги, одежду и другое имущество, а самих крестьян подвергали жестоким наказаниям и унижениям. В 1776 г., например, Лэнцкий и его администрация направили в села Любоницкого и Столпищенского староств солдат и своих слуг для проведения экзекуции с целью взыскания денежных платежей, которые крестьяне якобы отказывались вносить.

Прибыв в с. Столпище, экзекуторы напали на дом Павла Логойки и разграбили его имущество, а хлеб, хранившийся в гумне, который не смогли взять, потравили лошадьми⁹⁶. Такому же ограблению подверглись и другие крестьянские дворы. Крестьян Свири-

денка и Пузыку не только ограбили, но и жестоко надругались над ними, несмотря на то что последнему было 80 лет⁹⁷.

Страшному ограблению были подвергнуты также села Уласовичи, Костричи, Кострицкая Слобода и др. Экзекуция завершилась тем, что всех мужчин среднего возраста согнали в любоницкий фольварк, где им пришлось перенести тяжелые побои, издевательства и унижения. Так, Тишке Маглюю, Демьяну и Тимоху Головачам, Федору Самоделку, Василию Кравчонку, Кузьме Кречко и Янку Кветке панские слуги нанесли по 300 ударов розгами⁹⁸.

Не стерпев произвола и тяжелого феодального гнета, крестьяне Столпищенского и Любоницкого староств в феврале 1776 г. с оружием в руках выступили против своего пана. Выступление это началось в Столпищенском старостве. Возглавил его крестьянин с. Столпище Павел Логойко. Его ближайшими помощниками были Лаврин Самоделок и Семен Печонка, Андрей Свиридов, Яков Кисель, Гришко Печонка, Малашко Ахрымович, Янко Комар⁹⁹.

Руководители поднявшихся на борьбу крестьян стремились вовлечь в нее как можно больше людей, причем не только в своем, но и в соседнем Любоницком старостве, которое находилось в держании у того же пана Лэнцкого. С этой целью уже в первые дни выступления Павел Логойко и его товарищи разъезжали по селам обоих староств и призывали крестьян к невыполнению повинностей и неподчинению власти феодала и его администрации. Принимались меры с целью привлечения к выступлению людей, работающих в фольварках по вольному найму, а также слуг, которые несли службу в господском дворе в вотчинном имении Лэнцкого Охотичи. С таким заданием туда специально посылались группа крестьян во главе с Василием Комаром¹⁰⁰.

Восставшие крестьяне не стали выполнять никаких повинностей не только владельцу староства, но и государству, совершенно не подчинялись власти феодала и его администрации¹⁰¹. Мало того, они не допускали должностных лиц к выполнению служебных обязанностей, избивали их, угрожали поджечь господский двор, убить эконома и администратора, травили фольварочные посева и сенокосы, рубили панский лес, не соблю-

дали ограничений в торговле, громили корчмы и арендаторов¹⁰².

В мае 1776 г. крестьяне избили столпищенского войта Хведоса, приказывавшего выходить на барщину. То же самое произошло в августе с кострицким войтом Николаем Мамчицем¹⁰³.

Крестьяне Столпищ и других сел в июне 1776 г. умышленно согнали свой скот на фольварочный сенокос, совершив таким образом потраву не менее чем на 50 возов сена. Крестьяне сел Уласовичи и Марховичи произвели потраву всего сенокоса любоницкого фольварка в Рыловце и Лысковце. Крестьяне с. Уласовичи неоднократно раскидывали дворовую изгородь, совершали потравы фольварочных посевов. Когда же панские слуги захватили часть скота в любоницкий двор, то крестьяне силой отняли его. С этой целью несколько десятков крестьян во главе с Василием и Хомой Кравченками совершили нападение на фольварк и освободили находившийся там скот. К тому же крестьяне угрожали эконому и дворовым слугам, затем напали на господскую поташню, разорили в ней смольчужную печь, а кирпич забрали себе¹⁰⁴.

Чтобы причинить ущерб господскому хозяйству, осуществлялись и другие действия. Так, крестьяне сел Любоничи, Уласовичи и Марховичи совершали массовые порубки леса, приводили в негодность заготовленный и вывезенный на берег реки строительный лес и др.¹⁰⁵

На протяжении всего периода открытого вооруженного выступления, длившегося более 5 лет, крестьяне не соблюдали никаких прежних ограничений: молили зерно в тех мельницах, в которых им было выгоднее, в том числе и в других владениях, широко занимались промыслами, используя для этого господский лес, реки и озера, занимались винокурением¹⁰⁶.

В ущерб владельцу староства и арендаторам крестьяне самовольно построили в 1776 г. в Столпищах у своего предводителя Павла Логойко винокурню, производили ссыпку зерна во всех деревнях, занимались винокурением, делали пиво, варили мед¹⁰⁷.

Одним из побудительных мотивов выступления крестьян были препятствия в их торговле, чинимые арендаторами, старостой и его должностными лицами.

Обуздав произвол, крестьяне занялись торговлей. Многие крестьяне сбывали на рынке не только продукты своего хозяйства, но и соль, косы, рога, деготь, табак и другие приобретенные ими товары. Зажиточные крестьяне занимались скупкой сельскохозяйственных товаров непосредственно в селах (мед, воск, пенька, семя и др.) и затем сбывали их на рынках¹⁰⁸. В ходе упорной борьбы крестьяне выступили против арендаторов корчем, наиболее стеснявших их торговую деятельность. Они разгромили столпищенскую и слободскую корчмы, а их арендаторов прогнали¹⁰⁹.

Вооруженные косами и огнестрельным оружием, крестьяне неоднократно нападали на столпищенский и любоницкий фольварки, захватывали господский скот, избивали экономов, угрожали убить самого старосту пана Лэнцкого. Об остроте недовольства крестьян и их решительной позиции в развернувшейся борьбе свидетельствует заявление Павла Логойки перед собравшимися возле корчмы крепостными, что «раньше здесь были поставлены две виселицы, на которых вешали филиповцев, теперь на одной из них повесим старосту, на второй — экономов»¹¹⁰. Крестьяне Любоницкого и Столпищенского староств по существу на несколько лет вышли из подчинения местных властей. Ни староста, ни его администрация и слуги не могли справиться с создавшимся положением.

Органы государственной власти начали расправу над руководителями и активными участниками крестьянского сопротивления. К судебной ответственности было привлечено 27 человек. 10 августа 1782 г. Речицкий комиссарский суд приговорил крестьянского предводителя Павла Логойку и его ближайших помощников — Лаврыша Самоделку и Семена Печонку к смертной казни. Им палач должен был отрубить головы. Остальные 24 человека были приговорены к наказанию розгами. Причем Михею и Свириду Самоделкам присуждалось по 300 ударов каждому (по 100 ударов ежедневно в течение трех дней), 20 крестьянам — по 50 и 2 — по 20 ударов¹¹¹. Приговор должен был быть приведен в исполнение 18 сентября 1782 г. в 10 часов утра на рыночной площади в местечке Любоничи¹¹².

Кроме того, суд вынес решение, обязывавшее крестьян Столпищенского и Любоницкого староств уплатить

старосте Лэнцкому начиная с 1783 по 1787 г. (6885 польских золотых ежегодно) 34 425 польских золотых за причиненный ему ущерб в период сопротивления, в том числе 6659 золотых за неотработанные 13 318 дней барщины (15 грошей за один день) и 15 тыс. золотых судебных издержек¹¹³. Крестьянам предписывалось также уплатить арендаторам корчем 7200 польских золотых за убытки.

Очевидно, опасаясь дальнейших выступлений крестьян, комиссарский суд вынужден был вынести определение в какой-то мере и в их пользу. В частности, он обязал Лэнцкого в течение 5 лет (1783—1787) вернуть крестьянам Столпищенского и Любоницкого староств 18 600 польских золотых, чему равнялась стоимость 1740 камней меда, выбранного сверх инвентаря, 900 штук вентерей, сделанных крестьянами из своих ниток и пр.¹¹⁴ Это в известной мере была уступка крестьянам, оказавшим упорное и длительное сопротивление администрации староства, неподчинение решениям королевского и комиссарского судов.

Важной особенностью антифеодального выступления являлось влияние на его развитие торговых интересов крестьянства. В рассматриваемый период борьба крестьянства Белоруссии уже вызывалась не только традиционным сопротивлением феодальному гнету и произволу, но и противоречиями, порожденными товарно-денежными отношениями.

Вооруженное выступление в указанных староствах носило локальный характер и не выходило за их пределы. Руководителям сопротивления не удалось расширить его за счет соседних владений, хотя такая попытка ими предпринималась. Их не поддержали крепостные не только близлежащих сел, но и вотчинные крестьяне того же старосты Лэнцкого.

Глава V

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ

1. ВОССТАНИЕ НА КАМЕНЩИНЕ

Усиление эксплуатации, национально-религиозного гнета, авантюристическая внешняя политика господствующего класса Речи Посполитой все более обостряли классовые противоречия, которые вызывали открытые крестьянские восстания.

Нам представляется, что к восстаниям в эпоху феодализма следует относить пусть и локальные, но массовые, крупные открытые вооруженные выступления, отличавшиеся определенной степенью организованности. Целью восстания была более широкая социальная задача, нежели противодействие отдельным злоупотреблениям, произволу держателей имений, феодальной администрации или других должностных лиц. Такой целью было сопротивление тяжелому феодальному гнету, который сопровождался насилием и грабежом. Для восстания характерно столкновение с военной силой.

При таком подходе к определению высшей формы антифеодальной борьбы в Белоруссии в изучаемый период можно назвать лишь два восстания — восстание во владении Виленского капитула Каменщине (Мозырский повст) в 50-х годах XVIII в. и в Кричевском старостве в начале 40-х годов XVIII в.

Волнения на Каменщине начались еще в 1736 г. и продолжались с перерывами более двух десятилетий¹. Причиной их был непосильный гнет, который долгое время терпели крестьяне от ксендзов-держателей и администрации капитула. В 1754 г. крестьянское сопротивление усилению феодального гнета и произвола на Каменщине вылилось в вооруженное восстание. Немалую роль в этом сыграло гайдамацкое движение на Правобережной Украине, направленное против крепостнического гнета. Оно

началось здесь в 1750 г. под руководством Тесля, Мочулы, Письменного и др.² Гайдамаки, среди которых немало было выходцев из Белоруссии³, неоднократно заходили в пределы соседних им владений на белорусской земле и нападали на господские дворы, способствуя активизации антифеодальной борьбы местного крестьянства. В 1754 г. восстание гайдамаков произошло на Житомирщине⁴, т. е. территории, непосредственно примыкавшей к Каменщине, и, надо полагать, неслучайно в это же время против своих угнетателей восстали крестьяне Каменецкой волости.

Самые ранние сведения о Каменецком восстании относятся к 7 сентября 1754 г. Под этой датой значится приказ гетмана о посылке на Каменщину двух хоругвей для подавления крестьянского сопротивления. Очевидно, восстание к моменту прибытия войска во владение еще не успело принять широких размеров и было подавлено военной силой, ибо в декабре того же года последовал новый приказ, предписывавший хоругвям возвратиться на прежние места⁵.

Однако борьба на этом не прекратилась. В октябре 1755 г. крестьяне снова восстали и тем же двум хоругвям опять пришлось следовать во владение капитула. Отправившись они в поход 18 октября. Чем кончилась эта экспедиция, неизвестно. Есть основание полагать, что на сей раз хоругви в прежнем составе не справились с поставленной перед ними задачей и не смогли подавить выступление каменецких крестьян, так как Радзивиллу пришлось посылать дополнительные, причем значительно большие силы. Во владение капитула решено было направить 5 хоругвей (в том числе две прежние) под общим командованием поручика Никодима Понятовского.

В ноябре 1755 г. Понятовский смог выступить только с 4 хоругвями, состоящими из 70 конных воинов⁶. По мере приближения его к месту назначения крестьяне, спрятав имущество, уходили в глубь владения, в частности в Каменецкую волость (Каменщину), местность, окруженную непроходимыми болотами, где намеревались оказать вооруженное сопротивление войску. И как только хоругви стали подходить к Каменщине по единственной ведущей к ней дороге, крестьяне встретили их дружным огнем, а затем перешли в наступление. Сравнительно малочисленное войско не смогло устоять перед натиском

крестьян и начало отступать. Вначале отступление это носило организованный характер, а затем превратилось в бегство. Понятовскому пришлось отойти до самой Уборти — местечка, расположенного в 10 милях от Каменщины⁷. Здесь он решил задержаться до тех пор, пока не получит подкрепления. Выступать с наличными силами он не осмеливался.

Тем временем крестьяне многих деревень, оставив свои дома, стягивались к местечку Славечно, в котором создавали укрепленный лагерь. Здесь восставшие намеревались дать сражение войску Радзивилла. Выбор места для обороны был удачным. Славечно было хорошо защищено естественными преградами (болота, горы, рвы). К тому же оно находилось в непосредственной близости от Правобережной Украины, куда могли уйти в случае неудачи и откуда могли получить поддержку со стороны украинских гайдамаков.

К концу января 1756 г. восстанием была охвачена вся Каменщина, о чем сообщал Радзивиллу поручик Понятовский. В то же время положение хоругвей в Уборти было нелегким. Большие трудности возникли в обеспечении войска продовольствием и фуражом. Села в этом районе находились на значительном расстоянии от местечка. Чтобы добраться к ним, надо было преодолевать болота, бездорожье. К тому же деревни оставались полупустыми, а в пути на каждом шагу подстерегала опасность нападения крестьян.

Сообщая о созданных тяжелых условиях, Понятовский просил Радзивилла скорее прислать дополнительные военные силы, в частности пехоту и артиллерию, без которых, писал он, невозможно будет справиться с восставшими⁸. В этом он убедился, сделав неудачную попытку напасть на повстанческий лагерь в Славечно. Посланный Понятовским отряд численностью в 80 человек ночью подошел к Славечно, ворвался в местечко и пытался атаковать лагерь, но атака захлебнулась. Восставшие встретили врага огнем из самопалов и заставили его уйти из местечка. Отряд вернулся в Уборть⁹.

В феврале 1756 г. Понятовский дождался подкрепления. К нему прибыли 20 гусар, 20 человек конницы пятигорской и 15 человек конницы из двух хоругвей «передней стражи»¹⁰. Однако выступать против крестьян он все еще не осмеливался. В это время он посылал в ла-

герь своих представителей с целью склонить восставших к послушанию. Но крестьяне категорически отвергали все предложения карателей и заявляли о своей решимости «обороняться до последнего, хотя бы и головы пришлось сложить»¹¹.

Наконец, 20 марта 1756 г. Понятовский получил ожидаемую помощь. Из Несвижа прибыла пехота с пушками под командованием капитана Тилья. Кроме того, в Овруч по приказу Радзивилла спешила гетманская милиция под командованием полковника Мотовидлы. Узнав об этом, Понятовский немедленно выступил из Уборти и направился в Овруч для соединения с ней, откуда намеревался атаковать укрепленный лагерь восставших в Славечно¹².

Встреча войска с радзивилловской милицией произошла там, где и предполагалось. Теперь у Понятовского насчитывалось около 400 человек¹³, имелась артиллерия и гусары, легкая конница и пехота, т. е. все то, что требовалось для успешного ведения боя. Со всей этой силой Понятовский из Овруча направился прямо в Славечно. Подойдя к лагерю, он послал к восставшим трубача с требованием капитуляции. Но мужественные защитники в один голос ответили, что будут бороться до последнего.

Не теряя времени, Понятовский дал приказ приступить к штурму. Приблизившись вплотную к укреплениям, войско кинулось в атаку. Вокруг лагеря запылали гумна, подожженные карателями. Атака была стремительной, и крестьяне не выдержали натиска врага. Лагерь был взят, причем без потерь в живой силе атакующего противника. Со стороны восставших было убито и потоплено в пруду и р. Славечной 60 человек. Кроме того, несколько десятков крестьян, очевидно, спасавшихся бегством, погибло в соседних с лагерем болотах и лесах, а 60 раненых были взяты в плен. Один из них был посажен на кол¹⁴.

Одержав победу, каратели жестоко расправились с побежденными. На место экзекуций они согнали всех жителей и на их глазах приводили в исполнение приговоры: одних участников восстания казнили, других били розгами. Наконец, перед уходом из местечка в целях устрашения крестьян Понятовский приказал четырех руководителей восстания посадить на кол, а 10 других, привязав к орудиям, отправил в Несвиж.

Таким образом, восстание на Каменщине потерпело поражение. Оно не было поддержано крестьянами других владений. Однако пролитая кровь крепостных в их борьбе против усиления феодального гнета не пропала даром. Капитул вынужден был пойти на некоторое облегчение повинностей¹⁵.

2. ВОССТАНИЕ В КРИЧЕВСКОМ СТАРОСТВЕ

Наиболее выдающимся событием в истории антифеодальной борьбы белорусского крестьянства явилось Кричевское восстание. Оно было вызвано не внешними, как полагают некоторые историки¹⁶, а внутренними факторами, теми социально-экономическими условиями, которые сложились в данном владении на протяжении второй половины XVII и первых трех десятилетий XVIII ст.

Война середины XVII в. причинила староству огромный урон. Разорено было свыше 60% крестьянских хозяйств¹⁷. Сотни крестьянских семей вынуждены были уйти из владения в поисках куска хлеба. Годы Северной войны усугубили тяжелое положение как сельского, так и городского трудового населения. Чтобы восстановить разоренное хозяйство, владелец староства предоставил крестьянам различные льготы на срок от 1 до 12 лет. Мера эта сыграла немаловажную роль в развитии производительных сил. В течение первых двух десятилетий XVIII в. опустевшие земли староства были заселены крестьянами. С ростом численности населения расширились посевные площади¹⁸.

Вместе с восстановлением сельского хозяйства успешно восстанавливались ранее существовавшие и создавались новые промысловые предприятия¹⁹. Широкое развитие промыслов, вызванное все большим втягиванием помещного хозяйства в рыночные связи, и почти полное отсутствие господской запашки сказались и на структуре хозяйственной занятости населения этого владения. Основной группой населения в нем были чиншевые (оседлые) крестьяне. В 1727 г. они составляли 95,1% всего сельского населения в старостве²⁰. Остальную часть населения села составляли люди лезные, бобыли, будники, ремесленники и другие категории, труд которых был связан главным образом с промыслами. Росту этих категорий населения за счет земледельческого уже в 20—40-

годы XVIII в. способствовало развитие предпринимательской деятельности феодалов. Численность и удельный вес промыслового населения к середине XVIII в. увеличивались как за счет основной группы крестьян староства, так и за счет пришлых людей. Если в 1727 г. его доля составляла всего лишь 4,9%, то в 1747 г. увеличилась до 18,4% общей численности сельского населения²¹. В то же время доля основной группы сельского населения — чиншевого крестьянства — уменьшилась с 95,1 до 81,6%²².

Однако основным занятием сельского населения в старостве оставалось земледелие. В то же время для многих крестьян важным источником дохода был также извозный промысел. Занятию им способствовало слабое развитие фольварочно-барщинной системы, а также дальнейший рост товарно-денежных отношений.

Почти полное отсутствие господской запашки и связанной с ней барщины давало крестьянам сравнительно большую хозяйственную самостоятельность. Крестьянское хозяйство здесь сравнительно тесно было связано с рынком. Незначительные по своим размерам фольварки обслуживались несколькими прикрепленными к ним селами не ежедневной барщиной, а толоками²³. Лишь некоторое время выжиг золы, подвоз ее, а также щепы (кленки) к будам составлял барщинную повинность крестьян. В 40-х годах XVIII в. и эта повинность была заменена денежным эквивалентом²⁴.

Основной повинностью крестьян был денежный чинш. В 1682 г. он составлял 30 злотых с оседлой волюки, в 1727 г. — 99 злотых 22 гроша, а вместе с дяклом (сено, дрова, куры), которое к тому времени было переведено на деньги, — 115 злотых, к середине XVIII в. — 120 злотых. За это время натуральный побор зерна (ссыпка) возрос для зажиточной части крестьян в 4, для беднейшей — в 2 раза²⁵.

На протяжении всего исследуемого времени крестьяне выполняли еще сторожевую обязанность, ремонтировали и строили новые плотины, пруды, мельницы, корчмы, замок и постройку, огораживали замковые сады и огороды, несли ряд других повинностей.

Данные эти, хотя и свидетельствуют о многих обязанностях крепостных по отношению к феодалу, отражают лишь нормативные повинности, определенные инвен-

тарями. Однако ввиду того, что староство, как правило, находилось в аренде (держании) у разных лиц, фактически повинности крестьян были намного большими. Арендаторы и державцы творили бесчисленные злоупотребления и произвол, взимали у крестьян большой чинш, чем предусматривался инвентарем, облагали их различными денежными поборами (метами), привлекали к принудительному труду на будах и в создаваемых собственных хозяйствах (без оплаты), требовали натуральных оброков сверх инвентаря, чинили препятствия в торговле, заставляли отбывать подводную повинность в своих интересах и т. п. Так, за время годичной аренды (с 24.VI. 1719 г. по 24.VI. 1720 г.) староства конюшим Жмудского княжества Владиславом Петровичем с крестьян была выбрана сверх инвентаря сумма в 3500 галеров. Кроме того, Петрович жестоко издевался над крестьянами, избивал их, подвергал различным штрафам и т. д.²⁶

Не удовлетворяясь грабежом, этот арендатор насильно забирал у крестьян огороды, гумна и даже пахотные земли и заводил на них слободы, а старожилов прогонял на другие, менее пригодные участки. Обработанные и удобренные крестьянские наделы Петрович раздавал шляхте, что приводило к разорению многих крестьянских хозяйств. В таких случаях крестьянские семьи были вынуждены переходить на заросшие пустоши или лесные массивы и создавать на них заново свое хозяйство или уходить в другие владения²⁷. Более 100 тыс. злотых сверх инвентарных повинностей в течение двухлетней аренды (с 1725 по 1727 г.) выбрали у крестьян староства Волковицкие²⁸. В жалобах Анне Радзивилл на Волковицкого крестьяне указывали, что он требует повинностей в 5 раз больше, чем предусмотрено инвентарем, заставляет их ежедневно бесплатно работать на будах, обрабатывать волокна ушедших из староства крестьян, мочить, тереть и возить пеньку, ввиду чего они не могут вовремя выполнять свои хозяйственные работы²⁹. Крестьяне жаловались, что Волковицкий обходился с ними, как с рабами. Мало того, что заставлял пригоном работать на будах, но еще жестоко избивал тех, кто хотя бы немного опоздал на работу³⁰.

Страшным бичом для крестьян были различные штрафы, налагаемые арендаторами и державцами. Временные хозяева в погоне за прибылью содержали специаль-

ных слуг, которые только и следили за крестьянами, выискивая малейший повод для наложения на них штрафа. Державца Волковицкий, например, имел в селах староства несколько десятков таких слуг. Взимавшиеся ими штрафы с крестьян в отдельных селах приносили ему доход в три раза больший, чем все денежные налоги, уплачиваемые этими селами в казну³¹. К тому же слуг этих надо было крестьянам содержать, что дополнительно требовало больших расходов³².

Особенно тяжелое, невыносимое положение для крестьян сложилось в 30-х годах XVIII в., когда староство находилось в аренде у братьев Ицковичей. Своей жестокостью по отношению к крепостным эти арендаторы превзошли всех своих предшественников. Они требовали от крестьян повышенного чинша, гиберны и других денежных платежей, причем зачастую не выдавали квитанций на внесенную сумму, а затем снова требовали ее уплаты, обязывали крестьян вносить чинш за все волокна, имевшиеся в селах, хотя часть их была передана в аренду или вновь поселившимся слобожанам. Несвоевременная уплата хотя бы части требуемой суммы влекла за собой тяжелую экзекуцию, которая обходилась крестьянам больше, чем весь установленный денежный побор³³. За помол на мельнице Ицковичи брали у крестьян не 10-ю, а 7-ю мерку, а некоторых крестьян после получения мерки прогоняли с мельницы, не позволив смолоть зерно; заставляли крестьян возить товары (поташ, пеньку и пр.) в Петербург, Невель, Великие Луки, Свержень, Слуцк и другие города; запрещали им продавать пеньку и коноплю посторонним купцам и в то же время сами покупали эти товары по заниженной цене; присваивали себе деньги, предназначенные будникам в качестве заработной платы, и обязывали крестьян пригоном засеивать участки на ординарий для будников. Требовали с каждого крестьянского дыма приготовления определенного количества золы и щепы для буд и т. д.

Насколько велики были вымогательства арендаторов, можно судить по следующим фактам. Только за 4 года (с 1736 по 1740 г.) Ицковичи выбрали у населения староства сверх положенного около 700 тыс. злотых, а всего за время их аренды (1731—1740 гг.) крестьяне и горожане вынуждены были отдать сверх инвентарных норм 1 298 909 злотых деньгами, 120 270 коп пеньки, 43 кuffy

растительного масла, 39 возов меда и много другого товара³⁴.

Арендаторы Ицковичи не только усилили эксплуатацию крестьян и городского населения путем введения сверхинвентарных податей и барщинных работ, но подвергали грабежу и насилиям население староства, за малейшее неповиновение избивали людей, запрещая в то же время им жаловаться на произвол.

В конце 30-х — начале 40-х годов положение крестьян в старостве стало невыносимым. Произвол арендаторов, частые карательные экспедиции (экзекуции), направляемые по их указанию, разоряли крестьянское хозяйство, лишали сотни семей средств к существованию. Многие крестьяне с уцелевшим имуществом бежали в леса и там искали спасения от произвола и голодной смерти. Оставшиеся в селах семьи сидели без хлеба. Им не только нечем было рассчитываться с налогами и долгами, но и произвести посевы яровых. Как указывалось в жалобах, «крестьяне с трудом могли прокормить свои души»³⁵.

Не было перспектив и на улучшение положения в ближайшее время. Осенью 1739 г. в связи с отсутствием семян (их с гумен и амбаров забрали арендаторы) большинство крестьянских хозяйств не посеяло озимых³⁶. В то же время арендатор не делал никакого списхождения. Он продолжал грабить последнее имущество у крестьян. С этой целью весной 1740 г. в староство было стянуто несколько сот конных землян. Подвергая крестьян грабежу и насилию, земляне и слуги, как отмечалось в крестьянских жалобах, творили неслыханные ранее бесчинства. Они угрожали виселицами, сожжением и полным истреблением³⁷.

Дикий произвол и жестокость, которые чинили арендаторы в старостве, привели весной 1740 г., т. е. в самый разгар полевых работ, к массовому бегству крестьян в леса. В своих жалобах, посылаемых Радзивиллу, крестьяне доносили, что по этой причине весной 1740 г. более 2 тыс. крестьянских хозяйств не смогли засеять свои участки. Основной массе населения староства грозил неминуемый голод³⁸. Отчаяние крестьян сменила решимость бороться, и они взялись за оружие. В тех же супликах Радзивиллу крестьяне заявляли, что им ничего не оставалось делать, «как взяться за руки и выступить, чтобы защитить себя от гибели»³⁹.

Таковы были предпосылки и непосредственные причины крестьянских волнений и вооруженных выступлений, вылившихся в конце 1743—начале 1744 г. в крупнейшее восстание в Белоруссии в XVIII в. Приведенные данные не позволяют согласиться с некоторыми определениями причин восстания, бытующих в литературе. Лишено оснований утверждение польского историка М. Скибинского о том, что восстание в Кричевском старостве явилось результатом подстрекательства крестьян против Радзивиллов со стороны русских эмиссаров⁴⁰. Ошибочно мнение В. Щербакова, считавшего, что восстание вспыхнуло вследствие антисемитской агитации, проводимой среди крестьян православным духовенством⁴¹. Нельзя считать также одной из непосредственных причин восстания манифест Радзивилла относительно «померы грунтов» в старостве, как это полагает М. Лех⁴².

Волнения крестьян начались весной 1740 г. Однако не сразу они приняли характер вооруженного выступления. Первоначально крестьяне не стали выполнять распоряжения замковой администрации и арендаторов. Особенно активно процесс сопротивления проходил в юго-восточной части староства — в Березковском и Лучицком войтовствах Засожской волости. В то же время в Домамричском и Углянском войтовствах, так называемой Полевой волости, сохранялось спокойствие. Крестьяне этих войтовств даже внесли в казну владения всю сумму денежного сбора (мета), разверстанную сверх чинша⁴³.

В селах, охваченных волнением, сопротивление крестьян непрерывно нарастало. 15 апреля 1740 г. администратор староства Пжилэнцкий доносил Радзивиллу, что крестьяне «не хотят слушать никаких наших распоряжений»⁴⁴. В другом письме, посланном Радзивиллу в тот же день, он сообщал, что «крестьяне не только перестали подчиняться замковой администрации, но и публично угрожают, заявляя, что «лишат ее этого света, а сами уйдут за границу»⁴⁵. В старостве создалось опасное положение для администрации и арендаторов. В связи с этим Пжилэнцкий просил Радзивилла принять экстренные меры для усмирения крестьян»⁴⁶.

Характерно, что в этот период в старостве широко распространялись «московские универсалы». Они, как доносил администратор своему господину, «везде были развешаны»⁴⁷. Этот факт дает основание предполагать,

что руководители крестьянского движения, очевидно, в какой-то мере были связаны с порубежной администрацией Русского государства, с пограничными русскими, а скорее всего, украинскими форпостами. Несомненно, что русское правительство следило за положением дел внутри Речи Посполитой и особенно интересовалось событиями, происходившими на белорусских землях. Царизм, хотя и сам держался на крепостничестве и не в меньшей мере, чем господствующий класс Речи Посполитой, угнетал народные массы, по отношению к белорусскому народу проводил гибкую политику, выдавая себя за его покровителя и чуть ли не защитника. Неслучайно он посылал в Белоруссию своих резидентов, в обязанность которых вменялось брать под защиту православное население, терпевшее национально-религиозный гнет со стороны католической и униатской церкви. И в данном случае, когда во владении, непосредственно примыкавшем к границе Русского государства, возникли массовые волнения и сопротивление крестьян феодальному гнету, не исключена возможность, что царское правительство оказывало какое-то влияние на размах этого сопротивления, о чем можно судить хотя бы по тем же «московским универсалам». Однако из этого не следует, как полагает М. Скибинский, что выступление крестьян в Кричевском старостве было делом рук «московских эмиссаров»⁴⁸.

В начале мая 1740 г. в старостве возник первый вооруженный отряд, насчитывавший несколько сот человек. Его возглавил крестьянин и войт с. Селище Василий Вошило.

В исторической литературе прочно утвердилось мнение, что Василий Вошило был купцом, торговцем воском. Однако утверждение это, впервые высказанное Андреем Мейером⁴⁹ и затем повторяемое другими исследователями, ничем не обосновано. Архивные источники, в которых упоминается Василий (Васко) Вошило, не подтверждают такого вывода. После многолетних поисков нам удалось обнаружить следственное дело Вошилы, которое дает достоверные сведения о его происхождении и жизни.

Родился он в 1690 г. в с. Лобжа Кричевского староства в крестьянской семье, состоявшей из 12 человек (отец, мать, 7 братьев и 3 сестры). Отец Василия Вошилы Матвей, родом из с. Чемоданово Стародубского полка Почеп-

ской сотни, в 1672—1674 гг. перешел границу и поселился в с. Лобжа. В этом селе и родился Василий. Прожив лет 10 в с. Лобжа, семья Вошилы переселилась в Мстиславское воеводство в с. Муриин Бор (владение шляхтича Сватковского). В связи со смертью отца мать вместе с Василием и тремя его братьями переехали в с. Селищи Кричевского староства, где, прожив лет 19, перешли в Россию в Почепскую сотню Стародубского полка с. Вуношево. После смерти матери Василий Вошило с женой и сыном Яковом вернулся в с. Селищи, а братья остались в России. Здесь у него родился второй сын Мартин⁵⁰.

Живя в с. Селищи, Василий Вошило занимался земледелием, а не торговлей воском. Прозвище это, как он сам говорил, «имеет не дедовское и не отцовское, но с малолетства-де его Вошилою прозвали»⁵¹. Земельный надел его, как и многих крестьян в Кричевском старостве, был невелик — 2 га. Правда, он как войт села имел возможность пользоваться дополнительными земельными и другими угодьями. В одном источнике отмечается, что Вошило купил для своего пользования урочище под названием Козельск⁵². Кроме того, наличие двух лошадей у Вошилы, при небольшом земельном наделе, заставляет думать, что он помимо земледелия занимался также промысловой деятельностью (извозом). Об этом косвенно свидетельствуют и другие данные⁵³.

Вошило был инициативным и предприимчивым хозяином и в то же время смело выступал против злоупотреблений арендаторов. Его волю к борьбе не могли поколебать ни избиения, ни штрафы, ни ограбления арендаторов и их слуг. Не пугали Вошилу и расставания, риск и расходы, связанные с доставкой жалоб Радзивиллу на арендаторов даже в Варшаву. Этим, по-видимому, он и завоевал к себе симпатию и доверие у крестьян староства. Когда доведенные до полного разорения и неминуемого голода крестьянские массы выступили против произвола и жестокостей временных хозяев и их слуг, Вошило не случайно оказался во главе этих масс.

С упомянутым вооруженным отрядом крестьян Вошило задался целью сорвать работы на предприятиях по производству поташа (на будах). Люди его не разрешали администрации производить наем на работу, не допускали будников на производство, а там, где поташные предприятия действовали, пытались помешать производ-

ственному процессу. Так, в мае 1740 г. отряд напал на буду, находившуюся около д. Самотеевичи в Лучицком войтовстве, и разогнал всех работавших на ней будников, а также и администрацию. В том же месяце группа крестьян совместно с ганновскими винокурами с целью сорвать производство поташа на Боханской буде напала на надсмотрщиков этой буды, следовавших к месту ее нахождения. В схватке с ними крестьяне чуть было не убили чиновника княжеской администрации пана Янковского⁵⁴.

Буды являлись основным промысловым предприятием в старостве Радзивилла, где наряду с наемным применялся принудительный труд крепостных. Для крестьянского хозяйства, втянутого в товарно-денежные отношения, весьма тягостным был этот вид повинности. И поэтому, как нам представляется, крестьяне прежде всего обрушились против буд, чтобы поскорее избавиться от принудительных работ.

Были и другие мотивы, побудившие Воцило и крестьян пойти на дезорганизацию и срыв работы на поташных предприятиях. В старостве поташный промысел был широко развит. На работах в нем кроме крестьян было занято несколько сот наемных людей—будников. Это была постоянная наемная, причем организованная рабочая сила администрации староства. Последняя могла ее использовать в своих интересах, в том числе и для подавления крестьянских выступлений. Этого-то, по-видимому, опасался Воцило. Поэтому он решил лишить администрацию возможности использовать будников против крестьянских масс. Действительно, как увидим ниже, администрация староства использовала будников как силу, с помощью которой на первых порах пыталась усмирить крестьянские волнения.

Борьба крестьян была направлена и против системы поборов. В частности, когда администрация староства попыталась взыскать разверстанную на села сверх инвентаря определенную сумму денег, то крестьяне решили воспрепятствовать такому намерению. В связи с этим Воцило, а также войт с. Березки Костя (так он именуется в источнике), принимавший активное участие в организации крестьянских выступлений, и другие сельские войты, собравшись вместе, предупредили пана Пжилэнцкого, чтобы не смел производить указанного денежного

сбора и посылать для этой цели пушкарей в села до тех пор, пока они не получают ответа (резолуции) от владыка староства на свою жалобу⁵⁵.

Таким образом, как видно из приведенных данных, крестьянское движение носило весьма сложный характер. Совершенно отчетливо просматривается недовольство крестьян системой поборов, отражающих усиление феодального гнета. Вместе с тем дает о себе знать присутствующая крестьянству склонность к компромиссу, надежда на доброго господина, который избавит от непосильных, сверхинвентарных повинностей. И третья черта — готовность расправиться с теми, кто непосредственно чинит произвол и насилие. Крестьяне выступали главным образом против сложившейся в старостве на основе феодальной эксплуатации системы откупов со всеми ее пороками, в том числе ограничения откупщиками связи крестьян с рынком. Следовательно, конкретное содержание феодальной эксплуатации определило в данном владении и конкретное проявление антифеодального крестьянского движения.

В ответ на действие Воцилы и других войтов Пжилэнцкий, собрав будников, предпринял попытку силой усмирить крестьян. В районе Хотимска им удалось захватить в плен часть восставших, в числе которых оказался и Костя — войт березковский. Попытка крестьян освободить его не увенчалась успехом, причем было ранено несколько будников и двое служащих⁵⁶.

Не теряя времени, Воцило со своими людьми спешно двинулся к д. Колодеск, куда был послан администрацией староства отряд пушкарей, возглавляемый паном Янковским, для проведения экзекуции. Догнав отряд в пути, вблизи д. Колодеск, он разогнал всех пушкарей, а Янковского намеревался убить, но тот сумел спастись бегством⁵⁷. Спасся бегством и пан Кохановский, которого хотели убить крестьяне с. Прусин. По убегающему чиновнику они произвели несколько выстрелов⁵⁸.

Успешно справившись с отрядом пушкарей около д. Колодеск, Воцило предпринял попытку освободить тех крестьян, которые были захвачены карателями под Хотимском. Удалось ли ему осуществить свои замыслы, неизвестно. Источники об этом умалчивают. Ясно лишь одно, что обстановка в старостве в это время была весьма напряженной. Как сообщал Радзивиллу тот же адми-

нистратор Пжилэнцкий, в старосте создалась «настоящая казатчина», что не только пушкарям, но и ему самому стало невозможно показываться в селах, так как крестьяне угрожали убийством⁵⁹.

Крестьянское движение в старосте начиная с мая 1740 г. принимало все более активный, наступательный характер. В это время, как отмечалось, происходили вооруженные стычки крестьян с теми, кто пытался подавить их выступления. Правда, эта вооруженная борьба была направлена не против военной силы, которая пока не принимала участия в ее подавлении, а против всего чиновничьего и административного аппарата староста, его верных слуг.

В конце июня — первой половине июля 1740 г. крестьянское движение в старосте ослабло. Очевидно, на него повлияли отдельные неудачные стычки с карателями, захват ими части активнейших крестьян и одного из предводителей — Кости. Не исключено, что для подавления сопротивления были предприняты какие-то меры и самим Иеронимом Радзивиллом. Известно, например, письмо наместнику Кричевского староста от 23 июня 1740 г., в котором он приказывал принять все меры к подавлению «бунтов», а самих «бунтовщиков» отправить в Слуцкую крепость⁶⁰.

О факте ослабления крестьянского движения в старосте 17 июля 1740 г. сообщалось Радзивиллу в донесении Пжилэнцкого. В нем, в частности, указывалось, что «после того как Костя был отправлен в те края, бунты в волости утихли, а собравшиеся крестьянские купы разошлись»⁶¹. В донесении под именем Кости имелся в виду войт Березковского войтовства⁶². Других сведений о нем источники не сообщают.

Упоминание в письме Пжилэнцкого о том, что Костя был «отправлен в те края», наводит нас на мысль, что в данном случае имеется в виду Россия. В таком случае Костя должен был быть подданным Русского государства и оказался в Кричевском старосте, как и многие другие крестьяне, бежавшие от тяжелого крепостнического гнета в новые места в поисках лучшей доли⁶³. В противном случае незачем было отправлять его «в те края». Был бы он местным крестьянином, то постигла бы его та же участь, что и других руководителей и активных участников волнений. Согласно Вечному миру, заключенному

между Россией и Речью Посполитою в 1668 г., все беглецы из Русского государства в Польшу, а из Польши в Россию должны были передаваться той стране, подданными которой они являлись. К тому же сохранилась переписка владельца Кричевского староста Иеронима Радзивилла с русскими форпостами, в которой он просит командование не пропускать в пределы России бунтовщиков⁶⁴. В то же время в письмах к администрации староста Анна Радзивилл — мать Иеронима Радзивилла — приказывала задерживать всех беглецов из России и передавать их на русские пограничные форпосты⁶⁵.

Относительно мирный период длился недолго. Уже в начале второй половины июля 1740 г. волнениями снова были охвачены многие села староста. Выступления крестьян на этот раз были более массовыми. Помимо отказа выполнять распоряжения замковой администрации крестьяне оказывали более энергичное вооруженное сопротивление. Первое (после некоторой передышки) вооруженное выступление произошло в Лучицком войтовстве.

Усмирив волнения крестьян в Лучицком и Березковском войтовствах, Пжилэнцкий совместно со всей администрацией староста, слугами и отрядом конных копыских земель 17 июля прибыл в местечко Михалево (Лучицкое войтовство), где узнал, что крестьяне снова начали собираться группами⁶⁶. К одной из них Пжилэнцкий послал старца, т. е. старшего войта, с предложением не предпринимать никаких попыток к сопротивлению и во всем повиноваться. В ответ на это Василий Воцило через того же старца передал Пжилэнцкому и его компании следующее: «А ни мы к вам, и ни вы к нам, пань, не осмеливайтесь ехать»⁶⁷.

Однако это был только тактический ход Воцилы. На следующий день он со своим отрядом напал на находившихся в местечке вояк Пжилэнцкого. Несколько сот вооруженных ружьями, пиками и косами крестьян смело кинулись в атаку. Видя перед собой большую угрозу, шляхта и их слуги, не оказав ни малейшего сопротивления, обратились в бегство. Почти две мили преследовал их отряд Воцилы, но так и не смог догнать. Эта смелая вылазка отряда настолько напугала землян и всех княжеских чиновников в старосте, что они больше не пытались выступать самостоятельно против неповинующих-

ся крестьян. Пжилэнцкий просил Радзивилла принять более действенные меры, в частности прислать подкрепление⁶⁸.

В сентябре 1740 г. в староство был послан комиссар Гинтовт⁶⁹. По прибытию в Кричев он сообщил своему хозяину о реакции населения на его приезд. Жители города, писал он в письме от 26 сентября, пришли к нему и просили прочесть универсал, что и было сделано. Горожане попросили сделать копии универсала, распространить их по городу, один экземпляр повесить на видном месте в ратуше⁷⁰.

Что собой представлял этот универсал, нам неизвестно. Надо полагать, что в нем было много хороших обещаний, поскольку оказал успокаивающее воздействие на горожан. Примерно так восприняло универсал и сельское население, о чем говорится в письме комиссара. Крестьяне волости, сообщал Гинтовт, уже были склонны повиноваться. В подтверждение этой готовности они прислали своего старца и нескольких мужей, которые от имени будто бы всей волости заявили, что «как были до сих пор подданными пана, так и сейчас готовы служить ему»⁷¹.

Неизвестно, как повлиняли бы мирные переговоры на дальнейший ход событий, если бы в них не вмешался пан Ясинский, наместник хоругви маршалка Великого княжества Литовского Сангушки, находившийся в то время в Кричеве. Когда между комиссаром, с одной стороны, старцем и мужами, с другой — зашла речь относительно выдачи администрации замка руководителей крестьянского движения, тогда в разговор вмешался пан Ясинский, который стал отговаривать старца и мужей не делать этого. «Не допускайте Вощилы с волостью к замку, — говорил он, — я вам обещаю свою протекцию, что комиссар ничего ему не сможет сделать». И когда старец с мужами отказались от такого предложения, тогда Ясинский арестовал их и заточил в тюрьму под предлогом неуплаты волостью гиберны. Так будет и с Вощилой, заявил он, если придет в Кричев повиноваться замку, не уплатив прежде причитающейся гиберны⁷². Этого было достаточно для Вощилы, говорится в письме Гинтовта, чтобы отказаться от своих намерений прийти в замок с повинной. Узнав о судьбе старца и мужей, а также поняв, что ожидает его самого, если придет в Кричев, Вошило.

будто бы заявил, что денег гиберновых у него нет, и поэтому боится оказаться в тюрьме. И он удалился от города⁷³.

Такое поведение наместника гусарской хоругви, призванной не мешать, а всячески помогать замковой администрации в поддержании надлежащего спокойствия в старостве, удивило княжеского комиссара. Сообщая об этом Радзивиллу, он указал также, что хоругвь и другими своими действиями (грабеж населения, избиение крестьян) не способствует восстановлению порядка в старостве, так что и «тысячу комиссаров ничего здесь сделать не смогут»⁷⁴.

Несколько удивляет отношение командования хоругви к крестьянским волнениям. Оказывается, оно само было заинтересовано в крестьянском сопротивлении, о чем можно судить по приведенным фактам. Имеются данные, что гусары непосредственно связывались с крестьянами и мещанами и подстрекали их к выступлениям против замковой администрации⁷⁵. М. Лех полагает, что причину этого надо искать в социальной структуре армии того времени. Хоругвь, состоявшая в основном из шляхты, пользовавшейся различными привилегиями и шляхетскими вольностями, оказавшись в некоторой мере ограниченной в своих действиях алчными арендаторами и администрацией староства, не могла к ним относиться благожелательно. К тому же в старостве еще было общее недовольство местной шляхты как администрацией, так и самим Радзивиллом, что также не могло не оказать какого-то воздействия на поведение хоругви⁷⁶.

Такое настроение среди гусар и их поведение в старостве было необычным, что и побудило вмешаться в ход событий гетмана Великого княжества Литовского князя Михаила Вишневецкого. В письме поручику этой хоругви — минскому стольнику Володковичу 25 сентября 1740 г. он упрекал его, что «наместник и другие паны — шляхта хоругви ведут себя недостойно, нарушают военную дисциплину, выступая против двора и замковой администрации староства и т. д.». В другом письме Вишневецкий со всей строгостью обрушился на гусар хоругви за их «недостойное» поведение⁷⁷.

Тем временем волнения крестьян в старостве не прекращались. В связи с этим Радзивилл и Вишневецкий предприняли согласованные действия, направленные на

подавление волнений в старостве. Вишневецкий 13 октября 1740 г. приказывает Володковичу всеми мерами усмирить крестьян, а ежели будет не под силу, сообщить ему об этом, и тогда будут посланы войска для подавления сопротивления⁷⁸. Спустя пять дней после приказа Вишневецкого, т. е. 18 октября, Радзивилл направил в староство двух комиссаров — Кулешу и Корсака, которым предписал усмирить крестьян и привести их в повиновение, не прибегая к силе. Комиссары обязаны были также выяснить причины крестьянских волнений и доложить о них Радзивиллу. Таким образом, была предпринята попытка двумя способами склонить крестьян к прекращению сопротивления: хоругвь должна была делать это главным образом силой, с помощью оружия и запугивания, а комиссары — уговорами и обещаниями.

Эти мероприятия сыграли свою роль в успокоении крестьян. В письме от 7 февраля 1741 г. Володкович сообщал Радзивиллу, что «крестьянские бунты в Кричеве успокоили»⁷⁹. Главную роль в этом сыграли комиссары, их уговоры и обещания, что видно из другого письма того же Володковича Радзивиллу⁸⁰. Очевидно, многие крестьяне поверили обещаниям комиссаров. Однако часть крепостных во главе с Василием Вошилой, Иваном Карпачом и другими не прекратила сопротивления и добивалась от Радзивилла гарантии, что больше не будет ограблений и произвола со стороны арендаторов. А это, по их мнению, могло быть в случае, если староство не будет сдаваться в аренду и держание. Предводители крестьянского движения больше всего опасались аренды, в связи с чем продолжали писать Радзивиллу жалобы⁸¹. По письму, посланному Радзивиллу 30 марта 1741 г. за подписью Василия Вошилы, Ивана Карпача, Стэся Бочко и Ивана Белько, можно судить, что он не шел на удовлетворение их просьб. Авторы письма высказывают сожаление по поводу отмены декларации Радзивиллом⁸². По-видимому, владелец староства что-то обещал крестьянам, а затем отказался выполнять обещание. Это послужило основанием для дальнейшего роста крестьянского движения. Борьба вновь обострялась, в нее вовлекалось все больше крестьян.

К выступлениям местного населения начали примыкать крестьяне других шляхетских владений, очевидно, находившихся в пределах или вблизи Кричевского ста-

роства, а также прихожие люди из заграницы, надо полагать, из Русского государства. Уже в начале апреля 1741 г. прибывший в Кричев в качестве наместника староства А. Керсновский доносил Радзивиллу о том, что «своеволие крестьян все более расширяется..., в староство идут крестьяне из шляхетских владений и из заграницы»⁸³. Все они стремились к Вошиле, который в то время держался вблизи русской границы в районе Хотимска и Радива. Весьма любопытно, что, как сообщал тот же А. Керсновский, Вошило днем находится в Радиве и Хотимске ввиду того, что оттуда недалеко к казацкой границе, а на ночь уходит в д. Ольшево (территория Русского государства). А. Керсновский упоминает также о тесных связях, дружбе Вошилы с русским форпостом⁸⁴. Все это еще раз подтверждает предположение о том, что руководители крестьянского движения в старостве были в какой-то мере связаны с пограничной русской администрацией, что, несомненно, позволяло им смелее, активнее действовать.

Было бы, конечно, наивным полагать, что все крестьянство староства выступало организованно, единым фронтом против арендаторов, замковой администрации и других угнетателей. В то время, когда одна часть крестьян действовала решительно, вторая склонна была повиноваться. Даже когда волнения усиливались и вокруг Вошилы стали собираться новые группы крестьян, часть населения староства высказывалась за примирение. Вот как, например, описывает обстановку в старостве и нахождение крестьян в начале 1741 г. А. Керсновский. По прибытии в Кричев в замок к нему явились крестьяне во главе с Иваном Карпачом и допытывались, что им будет за сопротивление. Когда узнали, что в случае неповиновения Радзивилл пришлет войска, то слобожане сразу в категорической форме заявили: «Будем бороться до конца». В то же время старожилы староства возражали им. Они выразили опасения, что «со своими панам трудно будет воевать»⁸⁵.

Вслушав оба мнения, Керсновский предложил на следующий день собрать больше крестьян из волости, а также горожан с тем, чтобы узнать настроение остальных. И когда на завтра в замке собралось множество людей, им была предоставлена возможность высказать свои соображения. Что же оказалось? Из всех выступав-

ших, пишет он, больше говорили за успокоение, чем за сопротивление. Крестьяне высказывались, что они ничего не имеют к князю Радзивиллу и готовы быть послушны ему. А то, что случилось в старостве, все это по вине арендаторов. Причину сопротивления крестьяне объясняли невыносимыми условиями, создававшимися в старостве: арендаторы и их слуги творили произвол и грабеж населения, а Радзивилл не реагировал на жалобы и просьбы. Это их вынудило выступить⁸⁶.

Как видно из донесения наместника староства, единого мнения у крестьян не было. Одни из них стояли за продолжение борьбы, другие предпочитали полное повиновение. Наиболее активными сторонниками борьбы были слобожане. Пробыв длительное время на слободах (льготных условиях), они особенно ощущали тяжесть эксплуатации и произвола.

Волнения крестьян в старостве усиливались. Особенно широкий размах они получили в июне 1741 г. В разных формах сопротивления в это время принимало участие несколько тысяч человек⁸⁷. Борьбой была охвачена большая часть староства. Спокойствие по-прежнему сохраняли лишь села Полевой волости⁸⁸. Не проявляли активности и горожане Кричева.

Крестьяне, хотя и временно, освободились от произвола арендаторов и их слуг. Главный арендатор староства бежал из владения в Копысь, затем в Слуцк еще в 1740 г. Вместе с ним, спасаясь от возмездия, ушли многие его слуги. Оставили староство и все свое имущество некоторые мелкие арендаторы, державшие в аренде от главного арендатора Ицковича корчмы, мельницы и др.⁸⁹.

Бегство временных хозяев из староства облегчило положение крестьян и всего населения этого владения. Они избавились не только от сверхинвентарных денежных поборов, производившихся ранее арендатором, но и от принудительного труда, подводной повинности, насилья и тяжелых экзекуций. Приостановлены были работы на будах⁹⁰, а это означало, что крестьяне сами себя освободили от подвоза щепы, золы и от других принудительных работ, связанных с производством поташа.

Некоторая часть арендаторов, пытавшаяся бежать во время волнений из староства, была задержана крестьянами, а часть, не причинившая большого зла населению, продолжала оставаться на своих местах.

Таким образом, в результате активного выступления крестьян в старостве не оказалось главного, хотя и временного его управителя. В старостве находился администратор, который на первых порах крестьянских волнений пытался восстановить прежний порядок. По просьбе крестьян и по заданию Радзивилла сюда приезжали княжеские комиссары. В старостве все время дислоцировалась гусарская хоругвь. В Кричеве действовал городской магистрат. В его составе, кроме прежних должностных лиц, некоторое время, с января 1741 г., находился один из предводителей крестьян Иван Карпач. На селе основной административной фигурой продолжали оставаться войты. Большинство из них, особенно когда речь шла о подаче жалоб Радзивиллу, действовали заодно с Вошилой. В старостве оставался также и выполнял свои функции прежний старший войт (старец) Иван Белько. Вошило, выступавший в роли главного предводителя крестьянских волнений, сохранял за собой должность селицкого войта⁹¹. В этой должности он выступает почти во всех официальных документах, исходивших от него и других войтов в период крестьянских волнений. В отдельных случаях Вошило именуется генеральным войтом⁹².

Вошило не вмешивался в городские дела и даже не появлялся в Кричеве, он находился главным образом в юго-восточных войтовствах староства. Вместе с другими войтами он организовывал в случае необходимости выступления крестьян, а в более спокойное время занимался налаживанием хозяйственной жизни. Так, после бегства из староства главного арендатора Вошилы его ближайшие и наиболее активные помощники Стэсь Бочко, бурмистр местечка Михалево, Василий Ветер, войт и ходок села Церковищи, и другие войты взяли в свои руки аренду питейными заведениями и промысловыми предприятиями. Они подыскивали новых арендаторов из числа горожан, шляхты и сельской верхушки и сдавали им в аренду корчмы, мельницы, рудни и др.⁹³

До нас дошло свыше 20 арендных договоров, подписанных Василием Вошилой и другими войтами с конца 1740 по июнь 1741 г. Отдельные договоры, кроме того, подписаны Иваном Карпачом и Стэсем Бочко⁹⁴.

Сдавая в аренду то или иное заведение или предприятие, Вошило и его сподвижники стремились к ограничению эксплуатации крестьян со стороны арендатора.

В связи с этим в ряде договоров предписывалось арендаторам под угрозой наказания (конфискации товаров и т. п.) не заниматься вымогательством и рвачеством, не требовать от крестьян за покупаемые ими напитки пеньку и зерно, а продавать их только за деньги. В исключительных случаях разрешалось производить продажу напитков крестьянам за товар, если он будет оплачиваться по рыночной цене⁹⁵.

Предпринимались также меры против ростовщичества, которое, как отмечалось крестьянскими вожаками в одном из договоров на аренду, они «теперь искореняли». Арендаторам запрещалось давать крестьянам в кредит большие денежные суммы и ссуды зерном. Но даже и при малых кредитах устанавливался максимальный процент, который под угрозой штрафа и других мер наказания нельзя было превышать. Размер его должен был составлять не более как от 10 злотых 1 злотый в год, т. е. 10% годовых⁹⁶.

Все это свидетельствует о том, что предводители крестьянских масс стремились к ослаблению феодального гнета. Но это не означает, что крестьянская верхушка готова была примириться со всей сложившейся системой феодальной эксплуатации. Она решительно выступала с требованием ликвидировать произвол арендаторов, нередко приводивший к разорению крестьянское хозяйство. Ее угнетала система ростовщичества, сковывавшая хозяйственную деятельность богатого крестьянина. Острое недовольство вызывал принудительный труд на промышленных предприятиях феодала. Все это, а также предписания, регламентирующие торговлю крестьян, сковывали столь необходимые крестьянскому хозяйству рыночные связи. На этой основе и сложились те требования предводителей крестьянских масс, осуществление которых позволило бы устранить наиболее тяжелые формы феодального гнета, не нарушая самой системы феодального строя. Их деятельность была направлена на ликвидацию произвола со стороны арендаторов и феодальной администрации, на ограничение ростовщичества, на освобождение крестьян от принудительного труда в помещичьих промыслах. В связи с этим мы не можем полностью согласиться с выводом В. Щербакова, что Вошило «и не думал об ослаблении эксплуатации крестьян, а стремился только защитить свои интересы, интересы его сторон-

ников торговцев и купцов»⁹⁷. Вошило, утверждает В. К. Щербаков, ставил своей задачей «вытеснить из Кричевского староства купца Гдаля с тем, чтобы это староство забрать в свои руки и продолжать эксплуатировать крестьян»⁹⁸. Данные источников не подтверждают такого вывода. Вошило не мог ставить перед собой подобную задачу, так как не имел столько средств, чтобы внести арендную плату за староство. Аренда столь крупного владения не под силу была не только Вошиле, но и всему его селу. В то же время мы не исключаем того факта, что и Вошило и другие сельские войты — руководители крестьянского движения — преследовали и свои корыстные цели, в особенности имея в виду их стремление к расширению рыночных связей.

Сдавая в аренду корчмы, мельницы, сукновальни и рудни, войты не брали себе арендную плату. Арендаторы ее вносили непосредственно княжескому комиссару, который в то время находился в старостве⁹⁹. Делалось это из-за боязни, что когда-нибудь им придется возместить всю сумму аренды Радзивиллу. Войты опасались, что владелец староства не смиритесь с сокращением и тем более с полной потерей доходов от аренды в результате крестьянских волнений. Этим они и объясняли в некоторой мере причину самовольной сдачи ряда предприятий в аренду после бегства из староства отдельных арендаторов¹⁰⁰.

В некоторых договорах, выданных на аренду в первой половине 1741 г., отмечалось, что Вошило и другие войты, а также бурмистры, подписавшие документ, действуют от имени и по поручению владельца староства Радзивилла¹⁰¹. Надо полагать, что делалось это с целью придать договору более официальный характер.

Сельские войты наряду с другими административными функциями занимались сбором денежного чинша с крестьян. Все поступления от податей отсылались ими через крестьянских ходоков Радзивиллу¹⁰². Данные эти не подтверждают мнения М. Мельникова о том, что налоги платила «оставшаяся не уничтоженной восставшими богатая часть населения староства»¹⁰³. Нет основания согласиться и с выводом того же автора, что будто бы собранные в виде налогов средства с богатой части населения «распределялись среди тех, кто нуждался в материальной помощи»¹⁰⁴. Лишено оснований и утверж-

дение Г. С. Мельянова, будто «восставшие обложили большими налогами богатую часть городского населения и собранные таким образом средства распределяли на оказание помощи бедноте»¹⁰⁵. Столь же несостоятельно мнение В. К. Щербакова и В. М. Горцева о том, что крестьяне «объявили себя свободными»¹⁰⁶ и не несли никаких повинностей в пользу своего владельца.

Приходится констатировать, что названные авторы, не располагая фактическим материалом, построили все изложение событий не на основе их действительного развития, а исходя из надуманной социологической схемы. В свете обнаруженных нами архивных материалов совершенно иным был реальный ход событий и та конкретно-историческая обстановка, в которой они разворачивались. Крестьяне не стремились полностью отказаться от исполнения феодальных повинностей. Борьба крепостных шла главным образом против тех произвольных поборов и насилий, которые чинили арендаторы и администрация староста.

Такой представляется обстановка, сложившаяся в результате активной антифеодальной борьбы и вооруженных выступлений крестьян на протяжении 1740 и первой половины 1741 г. Как видно было из приведенных данных, в этот период выступление не было направлено непосредственно против своего владельца. Объясняется это не только тем, что непосредственным виновником их бедствий были арендаторы, но и потому, что крестьяне отдавали себе отчет в могуществе их князя — одного из крупнейших магнатов Речи Посполитой. «Со своими панями трудно будет воевать», — заявляли они. Это понимали также Вошило и другие предводители крестьянских выступлений. Чтобы оградить себя от грабежей и произвола, крестьяне просили князя Радзивилла не отдавать староство в аренду прежним арендаторам — Гдалю и Шмуйле Ицковичам¹⁰⁷. Активное и длительное массовое выступление крестьян в старостве вынудило Радзивилла пойти на удовлетворение этой основной просьбы своих подданных. В конце июня 1741 г., т. е. в тот момент, когда начали снова шириться крестьянские волнения, Радзивилл передал Кричевское староство в аренду на два года вербельскому старосте Мартину Литавору Хрептовичу¹⁰⁸, рассчитывая таким путем устранить причины недовольства крестьян.

Нет никаких данных, которые бы свидетельствовали о выступлениях крепостных против нового арендатора, хотя не исключена возможность, что какая-то часть крестьян отнеслась к Хрептовичу с недоверием и даже враждебно. На эту мысль наталкивает нас жалоба крестьян с Устье Полевой волости, поданная Радзивиллу в октябре 1741 г.¹⁰⁹ В ней выражалась просьба уменьшить количество платных волок. Чтобы добиться расположения князя и удовлетворения своей просьбы, крестьяне в жалобе сообщали, что не оказывали и не оказывают сопротивления и протеста, без возражения и приветливо принимали комиссаров и теперь также приняли нового арендатора Хрептовича¹¹⁰. Тем самым они отделяли себя от крестьян других сел, которые по-иному отнеслись к новому арендатору. Однако активного массового сопротивления крестьян в форме вооруженных выступлений против Хрептовича ни в первые месяцы пребывания его в этом владении, ни в последующий период не было.

Во владение стали возвращаться ранее бежавшие мелкие арендаторы. Часть из них снова брала в аренду корчмы, мельницы, фольши¹¹¹. Вернулись и те арендаторы, у которых крестьяне в период волнений отняли имущество. Все они добивались у Хрептовича возмещения потерь. В связи с этим от крестьян потребовали свезти все забранное у арендаторов имущество в замок. Но когда они, выполняя распоряжение, доставили в Кричев отнятые у многих арендаторов скот, котлы, хлеб и другие вещи, Хрептович ничего не выдал пострадавшим, а взял все для своего пользования¹¹².

В первое время хозяйничания в старостве Хрептовичу удалось установить более или менее нормальные взаимоотношения если не со всеми, то по крайней мере с отдельными предводителями крестьян. Имеются, например, данные, что Стэсь Бочко брал у него в кредит деньги, за что обязывался поставлять определенное количество смольчуга¹¹³. В декабре 1742 г. Хрептович сдал в аренду упомянутому Бочко корчму в местечке Михалево¹¹⁴. Тесные контакты с новым арендатором староства поддерживал и Василий Ветер — войт с. Церковищи, известный своим активным участием в крестьянских волнениях в 1740 — июне 1741 г. Его Хрептович даже использовал в своих интересах. Он подговаривал Ветра,

чтобы вызывал в Кричеве недовольство против других арендаторов в старостве. Напуганные арендаторы, по замыслу Хрептовича, должны были идти к нему с жалобами на Ветра как на бунтаря и приносить, как обычно принято в таких случаях, поклоны, т. е. подарки для него самого и жены¹¹⁵. Подстрекаемый арендатором староства, Ветер проявлял большое усердие в выполнении порученного дела. Он запугивал, избивал арендаторов, грозил им убийством. В то же время перепуганные арендаторы спешили к Хрептовичу искать защиты и приносили ему подарки. Обычно получалось так, что сразу после очередного выступления крестьян Ветер шел к Хрептовичу. Ничего не подозревая, к нему шли также обиженные арендаторы с жалобой. И когда они входили в замок, Хрептович прятал Ветра в чулан¹¹⁶. Своих обещаний жалобщикам наказать Ветра Хрептович никогда не выполнял.

Кроме личной наживы путем такого вымогательства Хрептович преследовал и другую цель — снискать к себе доверие крестьян. Прибыв во владение, в котором борьба против произвола арендаторов вылилась в крупное антифеодалное крестьянское движение, Хрептович старался показать себя «хорошим» паном и даже защитником интересов крестьян. И поэтому, как нам представляется, он прежде всего избрал своей жертвой мелких арендаторов, которые своим вымогательством в разное время вызвали к себе ненависть крестьян. С этой целью Хрептович разрешил тому же Ветру и его крестьянам грабить отдельных арендаторов¹¹⁷. А когда по жалобе пострадавших арендаторов Радзивилл направил во владение комиссара Кулешу, Хрептович спровоцировал выступление крестьян, чтобы не допустить княжеского чиновника в староство¹¹⁸. Цель приезда комиссара он объяснял крестьянам как желание Радзивилла забрать у него это владение за то, что якобы дал ему малую сумму денег¹¹⁹. Такое объяснение должно было вызвать недовольство у крестьян, ибо они понимали, что передача староства в аренду за большую сумму сулила увеличение размера взимаемого с них чинша, а следовательно, и усиление эксплуатации. «Не слушайте и не принимайте Кулешу,—говорил Хрептович,—я являюсь вашим паном и комиссаром и не надо других»¹²⁰. Такого призыва для крестьян было достаточно, чтобы заставить

прибывшего в староство комиссара Кулешу уехать обратно¹²¹.

Несколько позже в силу таких же обстоятельств крестьяне не разрешили княжескому ревизору Булгаревичу произвести ревизию земель в старостве. Более того, Хрептович подговаривал их убить ревизора, что и было бы сделано, если бы Булгаревич вовремя не скрылся. Предупрежденный о таком намерении крестьян, он успел бежать из староства¹²².

Однако такое заигрывание Хрептовича с крестьянами длилось недолго. Выждав некоторое время и почувствовав себя хозяином положения в старостве, он стал грабить крестьян, как и его предшественники — арендаторы. Ему активно в этом помогала шляхта староства, нанятые гулятьи, которые ездили по селам и вымогали деньги у крестьян¹²³.

Игнорируя инвентарные нормы чинша и других повинностей, Хрептович облагал крестьян денежными поборами, взимал с них большие штрафы, требовал себе подарков и т. д. Крестьяне обязаны были давать арендатору подводы для перевозки грузов (товаров, дров и т. д.), продавать ему по заниженным ценам сельскохозяйственные товары, выполнять ряд других требований¹²⁴.

Как и прежде, в старостве воцарились произвол и насилие со стороны арендатора и его наемников. В своих жалобах Радзивиллу крестьяне доносили, что подстрекаемая Хрептовичем шляхта не только грабит, но и чинит другие насилия, задерживает их в пути и избивает, старым крестьянам бороды отрезает саблями¹²⁵.

Таким образом, замена арендатора не принесла крестьянам улучшения в их положении¹²⁶.

Все это опять привело к обострению обстановки в старостве. Особенно она осложнилась на втором (последнем) году владения Хрептовичем, когда крестьяне категорически отказались от уплаты возложенной на них суммы побора (мста)¹²⁷. Имея опыт борьбы против усиления феодального гнета и, в частности, против злоупотреблений временных хозяев, крестьянские массы снова начали оказывать сопротивление. Одновременно посылались Радзивиллу жалобы с просьбой не сдавать больше староство в аренду никому. Вместо арендатора крестьяне просили прислать им ад-

министратора, обязуясь в таком случае аккуратно внести в кассу владельца всю сумму, равную ежегодной арендной плате¹²⁸.

Очевидно, опасаясь дальнейшего роста волнений, Радзивилл и на этот раз был вынужден пойти на удовлетворение просьбы своих крепостных. В середине июня 1743 г. он направил в староство универсал, которым объявил, что «по окончании летом 1743 г. срока посессии староства Хрептовичем больше сдавать его в аренду не будет»¹²⁹. Одновременно в Кричев были посланы комиссары (М. Ганицкий и Ю. Тереша), которые должны были произвести ревизию староства перед окончанием аренды. В том же месяце Радзивилл направил в староство генерального администратора, в обязанность которому вменялось управление этим владением. Приезд администратора был оповещен княжеским универсалом. В нем указывалось, чтобы крестьяне больше не слушались никаких прежних управителей, а подчинялись распоряжениям лишь новоназначенного администратора¹³⁰.

Казалось бы, предпринятые Радзивиллом меры должны привести к некоторой нормализации положения в старостве. Заменой арендатора княжеским администратором, по существу, удовлетворялась основная просьба крестьян. Однако события пошли в ином направлении.

Уход в конце июня 1743 г. главного арендатора Хрептовича не привел к спокойствию в старостве. Наоборот, крестьянское движение во второй половине года возросло, принимая более массовый и решительный характер. Связано это было, на наш взгляд, с рядом обстоятельств. Крестьяне не хотели возвращаться к прежнему принудительному труду на будах. В то же время Радзивилл еще в марте 1743 г. потребовал от них полного восстановления старых и основания новых поташных предприятий, заготовки щепы, золы и других необходимых для производства поташа материалов с тем, чтобы буды в самый короткий срок возобновили работу¹³¹.

Не менее важным обстоятельством были опасения, что в староство в качестве управителя вернется бывший арендатор Ицкович или кто-либо из близких ему людей. По этой причине крестьяне не доверяли посылаемым к ним должностным лицам, полагая, что все они направляются не князем, а указанным арендатором. Для тако-

го недоверия имелись основания. По окончании срока аренды Хрептовичем в староство был послан комиссар Михаил Ганицкий, занимавший в 1740 г. должность наместника войта (лентвойта) в этом владении¹³². В то же время он тесно был связан с главным арендатором Ицковичем и вместе с ним жестоко эксплуатировал крепостных. Поэтому крестьяне весьма настороженно отнеслись к его приезду. Участились случаи сопротивления крестьян комиссарам. Назначенных ими наместников в фольварках крестьяне прогоняли из владения, забирая себе их имущество¹³³.

С большим недоверием относились крестьянские массы и их руководители и к губернаторам, посылаемым Радзивиллом в староство. Так, когда осенью 1743 г. прибывший в Кричев губернатор Павел Телецкий объявил уезду универсал и копии разослал по всей волости от себя и установил своих управителей, то крестьянские предводители отнеслись к нему с подозрением. Источники отмечают, что Вошило заподозрил в присланном губернаторе представителя не князя, а бывшего главного арендатора Ицковича. Опасаясь расправы, «оной губернатор из гор. Кричева отъехал»¹³⁴. Факт этот свидетельствует о решительных действиях крестьянских масс. Фактически губернатор, официальное административное лицо Радзивилла, был изгнан из староства.

Известную роль в таком отношении крестьян к прибывшим должностным лицам и в усилении сопротивления сыграла мелкая и средняя шляхта, имевшая владения как внутри староства, так и по соседству. Она по своему была заинтересована в продолжении крестьянских выступлений, исключавших контроль администрации за положением дел в старостве. Воспользовавшись волнениями крестьян на протяжении нескольких лет, шляхта сумела, пользуясь бесконтрольностью, расширить свои владения за счет земель староства¹³⁵.

Таким образом, указанной шляхте в известной мере выгодны были крестьянские волнения. В то же время приезд комиссаров, сопровождавшийся ревизией, проверками, и передача владения в непосредственное управление княжескому администратору ничего хорошего ей не сулили. Шляхта понимала, что ревизия староства обнаружит незаконное пользование старостинскими землями и лишит ее этого выгодного источника доходов. Вот

почему отдельные шляхтичи (Криштоф Волович, Мартин Техановецкий, Казимир Гайко, Юзеф Ивановский, Владислав Свадковский, Феофил Францкевич, Александр Ясинский и др.), сумевшие приобрести в старостве новые имения, села и другие источники доходов, подстрекали крестьян и их руководителей к продолжению бунтов и активизации сопротивления¹³⁶.

Зная всеобщее негодование и ненависть крепостных к их непосредственным эксплуататорам и особенно к бывшим арендаторам Ицковичам, которые дольше всех арендовали староство и причинили много бед и горя населению, шляхта запугивала крестьян именно этими арендаторами. Она распространяла версию, что все приезжающие в староство должностные лица—это люди не княжеские, а Шмуйлы Ицковича¹³⁷. «Не принимайте и бейте их»,—призывал крестьян шляхтич Мартин Техановецкий¹³⁸. Он же и Криштоф Волович, кроме того, распространяли слухи, что бывший арендатор Шмуйло Ицкович собирает войско Радзивилла и намеревается прийти в староство, чтобы уничтожить всех крестьян, их жен и детей и создать новые поселения с новыми людьми¹³⁹.

Возможно, что-то и предпринимал указанный арендатор с целью вернуть утраченные доходы и имущество, оставленное в старостве. На этот счет нет никаких данных. Но надо полагать, что крестьяне не могли быть безразличными к тем слухам, которые усиленно распространяла шляхта. Угроза быть истребленными, несомненно, должна была оказать воздействие на активизацию крестьянского движения. Своими действиями шляхта лишь подливала масла в огонь, который разгорался в старостве, охватывая новые села и новые массы его населения.

Заинтересованность шляхты в продолжении сопротивления крестьян вызывалась и тем, что она имела возможность в такой обстановке заниматься прямым грабежом мелких арендаторов в старостве. С этой целью она посылала туда своих подданных, которые под предлогом участия в крестьянском движении выполняли задания своих хозяев. Так, подданный шляхтича Казимира Гайко Федор Киселенок, прибыв в с. Видуйцы Кричевского староства, вместе с другими крестьянами прогнал и ограбил местного арендатора, доставив затем отнятое

у него имущество, а также 40 лаштов господского смольчуга во владение своего пана¹⁴⁰. Более 80 возов разного добра, забранного у милославичского арендатора, привез пану Техановецкому Данко Козловский, который был послан для участия в крестьянских выступлениях¹⁴¹.

Подстрекательством к сопротивлению и посылкой своих подданных в староство для «оказания помощи» выступавшим крепостным Радзивилла, а также непосредственными контактами с крестьянскими предводителями некоторые шляхтичи преследовали и другие цели. Шляхтич Техановецкий, например, за такую помощь крестьянам получил от их руководителей земельные угодья в старостве, которых, как сказано в источнике, хватило бы на 200 крестьянских хозяйств. На этой земле он основал себе фольварк, построил мельницу, склады, гумна и другие хозяйственные помещения, а часть земли раздал своим подданным¹⁴². Пан Свадковский, направляя в июле 1743 г. в староство 6 человек во главе с войтом с. Радевичи Курилой, хотел с их помощью помешать кричевским крестьянам отнять незаконно приобретенную им старостинскую землю. Посланные же им люди стали отнимать имущество у кричевских арендаторов¹⁴³.

Общим стремлением названной группы шляхтичей было желание стать хозяевами староства и панам над крепостными в этом владении. Осуществление этих замыслов она связывала с крестьянскими волнениями. Волнения крестьян должны были облегчить возможность шляхте получить у Радзивилла староство во владение (держание). Крестьяне, по ее расчетам, должны были упорно сопротивляться возвращению в староство прежних арендаторов и державцев и в то же время быть согласными принять одного из названных уже шляхтичей¹⁴⁴. С этой целью, подстрекая крепостных к сопротивлению и давая им разные обещания, шляхтичи Техановецкий, Гайко, Ивановский, Волович и другие уговаривали крестьян и их предводителей дать свое согласие (гарантию) принять его за пана, т. е. временного владельца староства¹⁴⁵. Особенно усердствовал в этом отношении Волович. Он, надо полагать, ко всему прочему имел к Радзивиллу и личные счеты. На встрече с крестьянскими предводителями Воцилой, Ветром и Карпачом в с. Коначовка в июле 1743 г. Волович хвастался,

что может сделать все, что только захочет, и если Радзивилл не отдаст ему староство, то он добьется его у самого короля, но паном их будет. При этом спавал крестьян и некоторых их вожаков, подговаривая к дальнейшему сопротивлению¹⁴⁶.

Таким образом, в ходе нараставшего движения в Кричевском старостве группа феодалов получила возможность выступать в роли подстрекателей. Вызвано это было тем, что сами подстрекатели не являлись непосредственно эксплуататорами крестьян Кричевского староства. Земли, захваченные ими в разное время в пределах староства, они обрабатывали, переселяя сюда главным образом своих крепостных, живших прежде за пределами староства. Вследствие этого кричевские крестьяне не видели в этой шляхте своих непосредственных угнетателей, а агитация ее против арендаторов вполне отвечала сложившемуся настроению крестьян староства. Она пользовалась успехом у крестьян и потому, что шляхта обещала облегчить повинностный гнет в случае изгнания арендаторов, что, естественно, отвечало стремлению крепостных. Все это, с одной стороны, позволяло группе названной шляхты провоцировать крестьянство, с другой — оказывать на крестьянское движение какое-то влияние. Правда, сложившаяся ситуация могла возникнуть вследствие ограниченности самого крестьянского движения.

В конце 1743 г. выступления в старостве приняли характер открытых насильственных действий вооруженных групп крестьян. Крестьяне открыто выступали против той части шляхты, которая в свое время оказывала помощь арендаторам в угнетении трудящихся масс. Они нападали на дома богатых купцов и ростовщиков, отнимали у них деловые бумаги, судебные решения, долговые обязательства и другие кабальные документы. Так, в конце 1743 — начале 1744 г. крестьяне отняли у радцы кричевского магистрата купца и ростовщика Александра Вути и уничтожили долговые обязательства за взятые под залог деньги, закладные бумаги на сенокос, судебные решения и другие документы на право владения землей и городскими участками¹⁴⁷. Долговые обязательства крестьяне изъяли у кричевского мещанина Михаила Анискевича, у арендатора Мовши Айзиковича и других богатых мещан¹⁴⁸.

Вооруженные группы крестьян отнимали имущество

у богатых купцов, арендаторов, шляхтичей. Большую активность проявляли крестьяне, прибывшие в староство из других владений. Так, Данко (чаусовец) отнял все имущество у милославичского арендатора и других богатей. У зажиточного крестьянина Галайды из села Старый Стан он же забрал зерно, лошадей, рогатый скот, другое движимое и недвижимое имущество — всего на сумму не менее 10 тыс. злотых¹⁴⁹. О том, что имущество у богатых отнимали главным образом пришлые крестьяне, свидетельствуют и другие источники, в частности показания православного духовенства, данные ими на допросе, после подавления крестьянского восстания. Попы сообщали, что «пожитки все разобраны были, кто откуда прибывши из других владений, понеже в то время брать было оных не запрещено»¹⁵⁰.

Выступления крепостных нередко сопровождалось убийствами своих эксплуататоров. В местечке Иеронимове, например, они убили двух самых богатых купцов — Михаила Белявитця и его тестя Семена. Крестьяне убивали ненавистных арендаторов¹⁵¹. Однако классовая борьба в старостве не исчерпывалась только указанными действиями. Крестьяне на этот раз не ограничивались выступлением против арендаторов, замковой администрации, купцов, ростовщиков и шляхты. На этом этапе движения они активно препятствовали действиям княжеской администрации, посылаемой в староство его владельцем, не признавали «универсалов» и распоряжений Радзивилла, избивали и изгоняли княжеских чиновников и самого губернатора¹⁵². Это придавало новые черты всему крестьянскому движению в данном владении. В итоге в конце 1743 г. староство по существу осталось не только без арендатора, но и без княжеской администрации. Управление им фактически оказалось в руках предводителей крестьянских масс. По своему характеру и цели выступление крестьян в старостве в этот период можно считать началом восстания, тогда как предыдущий этап более точно было бы определить как крестьянские волнения. Правда, размах начавшегося в конце 1743 г. восстания не был столь велик. В нем принимала участие наиболее активная часть, а не все крестьянство староства. Решительно выступали против феодального гнета отдельные вооруженные группы крестьян. В стороне от этой борьбы крестьян стояли городские

массы. Однако обстановка в старостве была напряженной. Достаточно было небольшой искры, чтобы вспыхнуло крупное крестьянское восстание. Искрой этой явилась посылка Радзивиллом в староство в начале января 1744 г. войска на подавление крестьянских выступлений.

Пока крестьяне оказывали сопротивление произволу арендаторов, державцев, их слуг и непрерывно обращались к князю с просьбой защитить их от непосильных поборов, Радзивилл шел на некоторые уступки, принимая вместе с тем меры против тех действий крестьян, в которых усматривал бунт. Однако от посылки своего войска в староство он еще воздерживался. Не могли этого делать другие магнаты, не имевшие никакого отношения к Кричевскому староству. Поэтому лишено всяческих оснований утверждение Г. С. Мельянского, будто в 1740—1741 гг., т. е. в самом начале выступлений крестьян, их руководители «разбивали карательные отряды магнатов, которые в панике разбегались»¹⁵³. Столь же далеко от реального хода событий утвердившееся в исторической литературе мнение, будто и до 1744 г. по просьбе Радзивилла в староство посылалось королевское войско (и даже отряд саксонцев), которое так и не смогло справиться с восставшими¹⁵⁴. Только в конце 1743 г., когда борьба крестьян обернулась против всех эксплуататоров и приняла характер вооруженного восстания, Радзивилл решил подавить его с помощью военной силы.

В Кричев 1 января 1744 г. был послан комиссар Гапицкий, который неоднократно бывал в нем и хорошо знал как город, так и староство. В обязанность ему вменялось оказывать всяческую помощь посылаемому туда войску¹⁵⁵. Предвидя, что крестьяне смогут бежать из староства в пределы Русского государства, Радзивилл одновременно направил письмо командованию русского форпоста, находившегося на границе с Кричевским староством, с просьбой не пропускать крестьян, убогавших за границу, а задерживать и передавать их в руки его военных людей¹⁵⁶. Из Слуцка в староство было направлено частное (надворное) войско Радзивилла в составе нескольких сот солдат пехоты и казацкой конницы с орудиями. Кроме того, Телецкому дан приказ немедленно доставить из Невеля и Себежа 200 конных солдат

и пушки. Общее командование войском, стянутым в староство, поручалось полковнику Пестжецкому, который до прихода в Кричев самого Радзивилла должен был действовать от его имени. Прибытие Радзивилла в староство намечалось несколько позже¹⁵⁷.

О всех предпринятых мерах Радзивилл через комиссара Ганицкого и своим письмом, переданным крестьянскому ходоку, оповестил крестьян староства и потребовал от них покорности и спокойствия. Однако этого не произошло. Весть о посылке войска в староство явилась сигналом для массового вооруженного выступления крестьян. М. Мельников неправ, утверждая, что крестьяне не знали о посылке Радзивиллом войска в староство, и даже отмечает это как недостаток в организации восставшими разведки. «Плохая постановка разведки в лагере восставших,— пишет он,— помешала им своевременно узнать об этом»¹⁵⁸.

Восстанием были охвачены все войтовства, в том числе и Полевое, многие села которого ранее не приняли сколько-нибудь активного участия в борьбе. Главной движущей силой восстания были крестьяне. Имеются данные, что в нем принимала участие и часть горожан. Не были причастны к восстанию ростовщики, богатые купцы и арендаторы, против которых, как уже отмечалось, выступали эксплуатируемые массы. Утверждение отдельных авторов о том, что эта зажиточная часть городского населения поддерживала восстание на его первом этапе, не находит подтверждения в документах. Не подтверждаются и выводы некоторых авторов об участии в восстании духовенства и шляхты¹⁵⁹. В какой-то мере в него была втянута низшая часть православного духовенства. Известно, что эта часть духовенства, говоря словами Ф. Энгельса, стояла «вне феодальной иерархии церкви» и не имела доли в ее богатствах¹⁶⁰. Радзивилл обвинил отдельных пресвитеров, имевших церковные приходы в старостве, что они «сами для нападения на людей моих, в замке обретающихся, с своевольным многолюдством крестьянства совокупились и больше 10 чел. позастреляли... на всякое зло подговаривали, как и нападение учиня, людей тирански побили и тех же убогих людей, убитых и потопленных, забранные вещи у помянутых пресвитеров остались»¹⁶¹. Что касается шляхты, то она, как указывалось, по-своему пыталась

использовать выступление крестьян. Ее никак нельзя считать движущей силой восстания даже на его первом этапе. Нет оснований согласиться и с выводом М. Леха, что шляхта руководила восстанием¹⁶².

Основные силы восставших сосредоточивались в восточной части старства, в районе Михалева за р. Сож. К середине января в нем собралось свыше 2 тыс. крепостных¹⁶³. Шли туда крестьяне, вооружившись косами, рогатинами, ружьями, кольями, цепами и др. Возможно, что на вооружении у восставших имелись и пушки. Один из источников упоминает о некоем Павлюке Каземьячке, крепостном шляхтича Голынского, который в период «кричевских бунтов» находился в старстве и делал дубовые орудия для восставших крестьян, за что впоследствии был приговорен к смертной казни¹⁶⁴. О наличии у восставших самодельных пушек, из которых они будто бы обстреливали кричевский замок, упоминается в одном из писем Иеронима Радзивилла¹⁶⁵.

Конное и пешее войско Радзивилла под командованием полковника Пестжецкого 15 января 1744 г. вступило в Кричев¹⁶⁶. Пестжецкий размножил и распространил универсал Радзивилла к населению старства, призывавший его к полному повиновению. Затем издал письменный приказ, повелевающий всем войтам немедленно явиться в Кричев для получения соответствующих распоряжений. Однако войты не подчинились приказу полковника. Они прислали ему письменные ответы, содержание которых, к сожалению, источники не раскрывают. Ответы эти без задержки были отправлены Радзивиллу¹⁶⁷.

Узнав о прибытии в Кричев войска, восставшие решили атаковать его. С этой целью они двинулись из Михалева в направлении Кричева и 18 января, подойдя к нему вплотную, предприняли смелую атаку¹⁶⁸. Окружив со всех сторон замок, свыше 2000¹⁶⁹ вооруженных крестьян пошли на штурм замковых укреплений. С правого крыла на восставших обрушились гусары, с левого — казачья конница, в центре двигалась пехота. Из замковых пушек и ручного оружия по атакующим был открыт огонь. Интенсивный обстрел замка вели также восставшие, засевшие в домах, примыкавших непосредственно к замковым укреплениям. У подножья земляного вала и на улицах Кричева происходили ожесточенные

бои. Однако силы были неравны. Превосходство в вооружении войска Радзивилла и непрерывный огонь из замковых орудий решили исход боя. Крестьянские отряды и поддерживавшая их часть мещан вынуждены были уйти из города, оставив на поле боя свыше 100 убитых и 500 раненых. Кроме того, 77 восставших были захвачены в плен¹⁷⁰. Среди пленных были два бурмистра Кричевского магистрата, один старец Полевой волости и один предводитель восставших из города. Войско Радзивилла, если верить данным командования, понесло неизвестные потери: убиты 1 казак и 1 гренадер, ранены 4 солдата¹⁷¹.

Отразив атаку восставших и изгнав их из города, Пестжецкий принимал меры к тому, чтобы склонить горожан к повиновению, прибегая при этом к различным методам, в том числе и к запугиванию. Он жестоко расправился с пленными. Из 77 человек, попавших к нему, осталось в живых только трое: старец и два бурмистра. Остальных он приказал повесить или посадить на кол¹⁷². Пленным бурмистрам было дано задание склонить горожан к покорности. Тем, кто это сделает и примет присягу, Пестжецкий обещал прощение, а неповиновущимся угрожал сожжением. Подобные меры были приняты и в отношении к Полевой волости с тем, чтобы и ее привести к повиновению. Однако сделать это сразу не удалось, что задерживало преследование восставших, отступавших за р. Сож. После победы, одержанной в Кричеве, Пестжецкий сообщал Радзивиллу, что хотел бы пойти за Сож, но город и Полевая волость еще не покорились. Одновременно просил Радзивилла прислать ему подкрепление¹⁷³. Со дня на день ожидался приход Телецкого с вооруженным отрядом из Себежа и Невеля.

Тем временем восставшие собирали новые силы. На этот раз они концентрировали их в с. Церковищи. Несмотря на поражение и тяжелые потери в первом сражении, крестьяне не сложили оружия. Полковник Пестжецкий неоднократно писал к ним «ласковые» письма, пытаясь уговорить крестьян прекратить сопротивление. С этой целью в лагерь восставших посылались бурмистры и попы из Кричева.

В двадцатых числах января, как сообщалось в одном из донесений Пестжецкого, в лагере восставших насчитывалось, по их подсчетам, 4 тыс. человек. Радзивилл

же называет другую цифру — свыше 10 тыс.¹⁷⁴ Предводители восстания Василий Вошило, Иван Карпач, Стэсь Бочко, Василий Ветер и другие разработали план предстоящих боевых операций. Подойдя к Кричеву, восставшие должны были атаковать город и, блокировав замок, не допустить подвоза в него продовольствия с тем, чтобы заставить находившееся там войско сдаться в плен. Начало атаки намечалось на 26 января¹⁷⁵.

В исторической литературе бытует мнение, что Вошило якобы имел разработанный план дальнейших действий, в соответствии с которым предусматривалось расширить район военных действий. В частности, его «регулярные войска» должны были двинуться в следующем направлении: одна колонна под командованием полковника Харьки — борисовским трактом, вторая — во главе с майором Антипко — на Брест. Сам же Вошило намеревался идти на Вильно¹⁷⁶.

Авторы ссылаются на манифест Вошилы, который он якобы в 1744 г. направил Главному трибуналу Великого княжества Литовского. Указанная версия, на наш взгляд, не выдерживает критики. Если допустить, что названный в литературе источник (манифест) и существовал, то он исходил не от Вошилы, а от кого-то другого, никакого отношения не имевшего к руководству восстанием кричевских крестьян. Во-первых, у Вошилы не было регулярного войска, о чем свидетельствуют донесения командования отрядами, посланными Радзивиллом на подавление восстания. Во-вторых, если бы Вошило имел намерения расширить район своих действий, то все это фигурировало бы в обвинительном заключении, предъявленном на суде руководителем восстания после его подавления. Нет никакого намека о перенесении действий крестьянского восстания на другие районы и в документах, а также в высказываниях Вошилы или его помощников. Не соответствует действительности и тезис, взятый из того же источника (манифеста), будто бы Вошило объявил себя внуком Богдана Хмельницкого. Даже Радзивилл, выдвигая против него обвинения в своем письме русскому форпосту, не упоминает об этом. Он лишь говорит, что Вошило будто бы называл себя гетманом. На этот упрек Вошило на допросе в Киевской губернской канцелярии заявил, что «гетманом себя никогда не называл и товарищей своих офицерами не жа-

ловал, да и называть-де ему себя гетманом неприлично, понеже всеми знаем, что он поселенин простой»¹⁷⁷. Не исключено, что легенда о Вошиле — внуке Богдана Хмельницкого, сложилась в среде белорусского крестьянства позже.

О замыслах восставших атаковать Кричев каким-то образом был информирован Пестжецкий. Поэтому он срочно стал предпринимать меры, чтобы не дать застать себя врасплох. Прежде всего он дополнительно укрепил оборонительными сооружениями замок. Но ostаваться в Кричеве считал опасным, так как город находился вблизи пуши, откуда восставшие могли неожиданно ворваться. Держать оборону города было невозможно ввиду его разбросанности. Учитывая это, полковник решил предупредить противника внезапным нападением на его лагерь. Как раз в это время к нему подошло подкрепление. Из Себежа и Невеля прибыл отряд Телецкого численностью в 50 человек и с 4 пушками. Теперь в распоряжении Пестжецкого имелось 400 хорошо вооруженных воинов, в том числе 200 человек пехоты, 150 конных казаков и 50 гусар¹⁷⁸. Кроме ручного огнестрельного оружия войско это располагало орудиями Кричевского замка и 4 пушками, доставленными Телецким из Невеля. Пестжецкий оставил в Кричеве 40 казаков и 100 человек пехоты, а с остальными ночью 26 января отправился в Церквищи. Это войско к утру незаметно подошло к лагерю восставших и внезапно атаковало его. Застигнутые врасплох восставшие крестьяне не смогли оказать организованного сопротивления и были вынуждены оставить лагерь, потеряв свыше 200 человек убитыми, много было раненых, 176 человек попали в плен. Наряду с другими восставшими в плен были взяты Стэсь Бочко и его сын, а также Микита из с. Боровки. Со стороны войска, по данным его командования, потери составляли 1 убитый и 2 раненых¹⁷⁹.

Сообщая об этом сражении Радзивиллу, Пестжецкий писал, что внезапным нападением и массированным ружейным огнем восставшие были ошеломлены. В лагере возникла паника, побудившая крестьян к беспорядочному бегству. Согласно показаниям пленных, в этой суматохе был убит Вошило. В связи с этим Пестжецкий посылал Телецкого, конюшего и других своих людей отыскать среди трупов тело предводителя крестьянско-

го восстания. Однако поиски не дали желаемых результатов. Оказалось, что Вошило не был убит. Ему удалось бежать на Украину.

5 февраля Вошило прибыл на Лотоковский форпост и, пройдя там необходимый карантин, на следующий день был доставлен на Тимошинский форпост. Здесь он на допросе сказал: «Зовут ево Василей, Матвеев с[ы]н, прозвание Вашило, от роду ему 54 года, а родился он в малороссийском Стародубском полку, в Почепской сотни, в селе Чемоданове, где о[те]ц ево и мать родились, и жителство имели, и там померли, и ныне братье ево родные Матвей, Ефрем да Семен Матвеевы ж, дети Вошилины, в том же полку Стародубском, в которой сотни того не знает, в селе Вуношеве за бончуковым товарищем Александрию Карецким и ныне жителство имеют»¹⁸⁰.

Далее Вошило сообщил, что, не пожелав проживать в названном полку, он лет 19 тому назад перешел польскую границу и поселился в с. Селищи Кричевского староства, в котором находился по 1744 г., а сейчас решил возвратиться на прежнее место жительства¹⁸¹. Это было первое показание Вошилы о себе. Но здесь он, желая выдать себя подданным Русского государства, чтобы избежать передачи польской стороне, неправильно указал место своего рождения. Позже, в мае 1744 г., на допросе в Киевской губернской канцелярии «о подробностях его происхождения» Вошило в связи с расследованием вынужден был сказать правду, а именно, «что де дед ево Поцей, а отчества не упомянул, а отец ево Матвей Поцей же заподлинно родились Стародубского полку, Почепской сотни, в селе Чемоданове, а бабка-де ево Васильева Ганнуша родом города Почеп с Покровщины, а у бабки-де ево братья были Атрох да Ивашка прозванием Луненковы и оной-де дед и бабка и от[е]ц ево Вошилины тому-де н[ы]не более семидесят лет из села Чемоданова перешли в Польшу, в Литву Кричевского староства, в село Лобжу, и тамо-де жили лет здесять, в котором-де селе Лобжах он Василей и родился, а потом-де из оного села Лобжи дед и от[е]ц ево, перешед, жили Мстиславского воеводства в маестности шляхтича Сватковского, в селе Мурином Бору, в котором селе дед и бабка и отец ево и померли, а потом-де мать ево Марина остався вдовою, как с ним, Васильем,

так и с вышеписанными родными ево братьями Матвеем, Ефремом да Семеном из оного села Мурина Бору перешли Кричевского староства в село Силичи, в котором жили лет с девятнадцать, а после-де того, тому н[ы]не четырнадцатой год, оная мать ево и с ним Васильем и з братьями ис того села Силичов перешли в Россию по-прежнему, а имянно Почепской сотни в маестность бунчукового товарища Александра Карецкого, в село Вуношово, где мать ево, тому н[ы]не девятой год, умре, а братья ево и пон[ы]не в том селе Вуношове в жилие находятся, а между тем он, Василей, с женою своею и з с[ы]ном Яковом ходил паки до села Селичов из села Вуношова для забрання достальных своих пожитков, а обратно-де оттуда вскоре в село Вуношево никак было ему, Василью, в то время из села Селичов перейти невозможно, и тамо-де жена ево умре, а с[ы]н ево Яков з женою и з детми уже после н[ы]нешнего ево, Василева, из Литвы в Россию побегу перешел и н[ы]не живет в том же селе Вуношове, где и братья ево, а другой-де ево, Васильев, малолетной с[ы]н Мартин остался того ж Кричевского староства в местечке Студенце у попа Ивана Белодубровского в школе, которого-де никак ему, Василью, при своем из села Силичов в Россию побеге увести было неможно...»¹⁸²

В погоню за Вошилой были направлены две радзивилловские хоругви. Прибыв на Лотоковский форпост, командовавший погоней потребовал выдачи Вошилы. В ответ на это было заявлено, что Вошило отправлен на Тимошинский форпост¹⁸³. 7 февраля туда была направлена делегация от Радзивилла в составе ротмистра Шляницы, шляхтича Пищика и четырех гусар, но и она успеха не добилась. Ей было сказано, что Вошило отправлен в главную команду в Любичи¹⁸⁴. Вся делегация была арестована и несколько дней находилась под караулом¹⁸⁵.

Вошило действительно был передан на Любецкий форпост главной пограничной команде, откуда 16 февраля под конвоем доставлен в Киев¹⁸⁶. Здесь по его просьбе Киевская губернская канцелярия 17—18 февраля 1744 г. выписала ему паспорт на проезд в с. Чемоданово Стародубского полка¹⁸⁷. Но в связи с требованием Иеронима Радзивилла передачи Вошилы, как главного «бунтовщика», польской стороне паспорт ему

не был выдан, а сам он заключен в Киево-Печерскую крепость. В ответ на письмо Радзивилла от 22 февраля 1744 г. киевский генерал-губернатор М. Леонтьев сообщал, что «известной Василеи Вашила, которой из маестностей ваших бежал в Россию, находитца и [ы]не в Киеве и по претенсии вашего сиятельства содержится в Киево-Печерской крепости под караулом, которого чтоб ево, Вашилу, по желанию вашего сиятельства из России выдать обратно в Польшу, никоим образом учинить мне невозможно, ибо суть следующие законные причины тому препятствуют: 1) понеже оной Вашила допросом о себе показал, яко он природный Ея императорского Величества моеи Всемилостивейшей и Всеавгустейшей Государыни подданои, малороссинского Стародубского полку Почепской сотни села Чемоданова житель, где от[е]ц и мать ево родились и померли, а братья ево родные Матвей, Ефрем да Семен Матвеевы, дети Вошилыны, и поныне в том же Стародубском полку за бунчуковым товарищем Александром Карецким в живехе находятца. А из России за границу в Польшу он, Вашила, бежал и жил в подданстве вашего сиятельства девятнадцать лет, которого яко беглеца не толико чрез так много время держать, но и принимать не надлежало. Однако ж приказал я для достовернейшаго изяснения о той ево в Стародубском полку природе надлежащим порядком исследовать. А по следствию к высочайшему ея императора [торского] в [еличества] двору в Государственную Кол[легию] Иностранных Дел доносить о том не премину и какую Высочайшую на то резолюцию в получении иметь буду, то тако и исполнить в должности нахожусь... Киев 2 марта 1744 году»¹⁸⁸.

Поскольку возник вопрос межгосударственный, требовалось выяснить, кем был Вошило — малороссинском или поляком и чей он подданный. Если бы оказалось, что он подданный Речи Посполитой, то в таком случае его следовало передать польской стороне¹⁸⁹. Для выяснения этого вопроса была создана смешанная русско-польская комиссия. В ее состав с русской стороны вошли стародубский полковник Федор Максимович, капитан Сава Крюков, поручик Степан Григорьев, с польской — комиссары К. Лепецкий и М. Ганицкий. Местом работы комиссии был определен г. Мглин, как наиболее подходящий для этой цели ввиду своего сравнительно

близкого расположения между Кричевским староством и Стародубом¹⁹⁰. Началось следствие. С целью более тщательного допроса и выяснения происхождения Вошилы 10 мая 1744 г. под усиленным конвоем был отправлен из Киева в Стародуб. По пути следования, согласно распоряжению киевского генерал-губернатора, командование форпостов должно было оказывать всяческое содействие в быстрейшей доставке его к месту назначения. Для этой цели форпостам предписывалось выделять нужное количество подвод и «для крепчайшего караула по два человека солдат везде без всякого задержания и остановки»¹⁹¹. В Стародуб Вошило был доставлен 18 мая 1744 г. и заключен в крепость¹⁹². Там он 14 августа заболел дизентерией и 28 того же месяца умер. В рапорте стародубского полковника Федора Максимовича Киевской губернской канцелярии по этому поводу сообщалось: «Сего августа 27 и 29 числ репортовано от мене в Киевскую губернскую канцелярию о приключившейся известному Вашиле болезни. А сего августа 31 дня репортовал мене поручик Григорев, которому от мене в смотрение он, Вашила, поручен бул, что он, Вашила, сего августа 28 дня 1744 году волею божиею умре. А болезнь у него была кривавой понос, а заболел он сего августа 14 числа, от роду же ему было по объявлению в жизнь ево, Вашилы, пятьдесят шесть лет»¹⁹³. Такой был конец предводителя одного из крупнейших крестьянских восстаний в Белоруссии в эпоху феодализма.

Сражение у с. Церковищи явилось крупной победой войска Радзивилла. Оно решило исход восстания. После поражения крестьяне не смогли больше оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Преследуемые казацкой конницей, они разбежались во все концы староства и за его пределы. Пестжецкий принимал также меры к тому, чтобы выловить всех руководителей восстания. В руки карателей, кроме упомянутых Стэся Бочко и Микиты из с. Боровки, попали также Иван Карпач, Василий Ветер, Иван Трус, Наум Буян, Васко Костин, Васко Пачаспок, Иван Докука, Семен Ворона, Иван Кривуля, Иван Галенка и др. Их, как и многих активных участников восстания, ожидала тяжелая участь. Пестжецкий, не дожидаясь суда, осуществлял жестокую расправу с пленными. С целью запугивания крестьян он

точас же после сражения в Церковищах приказал 30 бунтовщиков повесить, а 30 посадить на кол и подвесить на крюках¹⁹⁴. Все имущество предводителей и активных участников восстания подлежало ограблению, для чего в села староства специально посылались конные казаки и гусары. Занимались грабежом населения и другие солдаты войска Радзивилла. Они доставили Пестжецкому в Кричев столько награбленного добра, в частности птицы, что тот не знал куда ее девать и вынужден был спрашивать совета у самого владельца староства¹⁹⁵.

К началу февраля 1744 г. восстание по существу было подавлено. Уже 27 января полковник Пестжецкий доносил Радзивиллу, что основные силы восставших разгромлены и крестьяне не смогут больше собираться в «громады». Он сообщал также, что не нуждается в присылке дополнительной военной силы, которую просил ранее¹⁹⁶.

В первой половине февраля 1744 г.¹⁹⁷ в Кричев прибыл Иероним Радзивилл с отрядом конницы (численностью 300 человек)¹⁹⁸. К тому времени в городе и на волости было уже спокойно. Ожидалась окончательная расправа с руководителями восстания. Первоначально они подвергались лишь пыткам при допросах. К суду было привлечено несколько десятков человек, в том числе 16 руководителей восстания и 12 их помощников¹⁹⁹. Суд состоялся 22 февраля 1744 г. в присутствии бурмистров, радцев и лавников под председательством губернатора староства Павла Телецкого. Все подсудимые — предводители крестьянских масс — обвинялись в организации бунтов на протяжении четырех лет, во время которых не хотели признавать ординасов Радзивилла, принимая их за вымышленные, изгоняли из староства губернатора, комиссаров и подстарост, некоторых из них избивали, отнимали у них имущество, избивали и убивали арендаторов, купцов и других мещан, забирая все их богатство, и, наконец, с оружием в руках дважды выступили против войска самого Радзивилла²⁰⁰. Обвинение это также является ярким доказательством того, что восстание, как и вся борьба крестьян в старостве, с самого начала было направлено против феодального гнета. Приговор суда был суровый. Шестнадцать предводителей восстания были приговорены к смертной казни: Ивана Карпача, Стэся Бочко, Василия

Ветра, Микиту из с. Боровки, Ивана Труса, Наума Буяна, Василия Пущаенка и Васко Костина — посадить на кол; Ивана Докуку, Захарко Семашко, Иванишко из с. Боронково, Микиту из с. Тупичино — повесить, а Семену Вороне, Игнату Малуненку, Ивану Кривуле и Ивану Галенке отрубить головы²⁰¹.

К строгому наказанию были приговорены помощники предводителей восстания Федор Баран, Осип Колесник, Кузьма Ячмененок, Курыла Рыхлик, Атрохим Стриженок, Иван Белохвошенок, Иван Сыч, Кузьма Гавриленок, Иван Оверчонок, Игнат Максименок, Михайло Кривуля и Прокоп Ветер. Согласно решению суда, палач должен был бить их розгами у позорного столба, а затем отрезать по одному уху. Последняя мера наказания, т. е. отрезание ушей, была отменена Радзивиллом при утверждении им судебного декрета. Зато сыну Стэся Бочко, приговоренному с другими четырьмя активными участниками восстания к избиванию розгами у позорного столба и изгнанию из города, Радзивилл увеличил наказание. Кроме розг и изгнания палач должен был ему, как секретарю восставших, отрезать оба уха и выжечь на лбу клеймо в виде виселицы²⁰². Таким образом, суд приговорил к различным мерам наказания 31 руководителя и самых активных участников восстания. Все остальные «бунтовщики», попавшие в руки карателей, после пыток были отпущены. Приговор был приведен в исполнение 26 февраля 1744 г.²⁰³

Общие потери в людях в период четырехлетних волнений и восстания в старостве установить с точностью не удалось. И в архивных источниках, и в литературе по этому поводу имеются разноречивые данные. Так, Радзивилл в своем письме православному епископу Иерониму Волчанскому от 16 февраля 1744 г. назвал цифру «смертью погибших» больше 1000 человек²⁰⁴, а в письме русскому форпосту (22 февраля) сообщил, что Вошило потерял около 2000 человек²⁰⁵.

Абсолютное большинство погибших составляли восставшие крестьяне. Со стороны карателей, по официальным данным, было убито (включая арендаторов и купцов) не более двух десятков человек. Ни один из сохранившихся документов не подтверждает мнения И. Ф. Лочмеля, утверждавшего, будто «повстанцы перебили более тысячи угнетателей»²⁰⁶. Но столько их вооб-

ще никогда не было в старостве. Совершенно надуманным является утверждение Г. С. Мельянцева, что «во время восстания сотни помещиков и магнатов пали от карающей руки народа, было убито около тысячи солдат карательных отрядов. Все имения магнатов были разорены и сожжены»²⁰⁷. Известно, что в течение четырех лет крестьянских волнений ни один помещик не был убит восставшими. Что касается магнатов, то в старостве во время волнений и восстания их вообще не было. Единственным магнатом был владелец этого староства Радзивилл, но и он остался цел и невредим. Совершенно исключена версия, будто восставшими было убито около тысячи солдат, так как их всего было послано в староство 400 человек²⁰⁸.

Итак, восстание крестьян в Кричевском старостве потерпело поражение. Так было и в других странах в эпоху феодализма. Объясняя причины поражения Крестьянской войны в 1525 г., Энгельс указывал, что «местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная узость кругозора привели все движение к гибели»²⁰⁹. В восстании четко прослеживаются типичные для феодальной эпохи разобщенность крестьян, различие непосредственных интересов отдельных категорий крестьянского сословия, значительно снижавшие силу крестьянского сопротивления, что позволяло господствующему классу сравнительно легко одержать победу над восставшими. Такой же характер носило и Кричевское восстание. Оно было стихийным, его не поддержали крестьяне соседних владений, городские низы Кричева²¹⁰.

На ходе восстания, его финале, как и в целом на развитии крестьянского движения в старостве, сказалось и то обстоятельство, что во главе восставших оказалась крестьянская верхушка, занимавшая определенное положение в административном управлении староства. В частности, почти все руководители восстания являлись сельскими войтами и представляли собой состоятельную часть крестьянского населения. В своих действиях против арендаторов и их администрации они не были последовательны, искали компромисса и примирения с владельцем староства — князем Радзивиллом. Несомненно, что такое поведение руководителей восстания сковывало те силы, которые искали решения задач анти-

феодальной борьбы посредством решительных действий.

Наряду с общими чертами, присущими вооруженным выступлениям крестьян в Белоруссии в изучаемый период, Кричевское восстание имело и свои особенности. В нем проявлялись в несколько большей мере элементы организованности. Они давали себя знать в стремлении руководителей восстания создать из массы крестьян вооруженные отряды, подчиненные единому руководству, в разработке планов военных операций.

На активность и решительность действий оказал влияние и тот факт, что среди восставших значительную часть составляли русские беглые крестьяне, поселившиеся в разное время в Кричевском старостве. Вошило, например, на допросе в Киевской губернской канцелярии указывал, что в этом старостве «обыватели почти все приехали из Российской империи, между которыми в семидесяти селах и деревнях разве толко человека по два и по три полских обывателей находится»²¹¹. Приходский священник с. Бесовецкое и слободы Горней Петр Чоловский, бежавший от карателей в Россию (Брянский уезд), представил Киевской губернской канцелярии реестр дворов своего прихода, в котором значилось 105 дворов беглых русских подданных и только 26 дворов — Речи Посполитой²¹². Именно беглые крестьяне наиболее решительно выступали против усиления феодального гнета. Из их среды выходили предводители крестьянских масс. Так, Иван Докука, житель д. Козельск, был русским беглым крепостным, Василий Ветер — войт с. Церковищи — в прошлом крепостной шляхтича Карповича (Смоленский уезд). Оба были приговорены к смертной казни.

Характерны для этого восстания были связи его руководства, и в частности Вошилы, с пограничной администрацией Русского государства, оказывавшей определенную помощь восставшим. По своей массовости Кричевское восстание было самым крупным событием в истории антифеодальной борьбы белорусских крестьян не только в XVIII в., но и в эпоху феодализма в целом.

Несмотря на поражение, восстание в Кричевском старостве сыграло известную роль в ослаблении феодального гнета в этом владении. Оно заставило Радзи-

вила пойти на уступки крестьянам. Владелец староства вынужден был заменить принудительные работы на будах денежным побором, снять ряд ограничений в крестьянской торговле, отказаться, хотя может быть и временно, от сдачи староства в аренду, учесть некоторые требования восставших²¹³. Кричевское восстание показало, что и в Белоруссии эпоха феодализма создавала обстановку невыносимого гнета и произвола, рождавших в крестьянских массах волю к борьбе, приобретавшей характер массового и в известной мере организованного движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование процесса классовой борьбы в белорусской деревне периода позднего феодализма крайне усложняет уозость источниковедческой базы. Выявленные в архивах нашей страны и Польской Народной Республики неизвестные ранее материалы позволили глубже и полнее выяснить экономические, социальные и политические предпосылки, формы развернувшегося в изучаемый период антифеодального движения в белорусской деревне. Крестьянство в рассматриваемый период не представляло собой однородной массы. По видам владений различались государственные, королевские, церковные и частновладельческие крестьяне. По социально-экономическому и правовому признакам они делились на ряд категорий и разрядов (бояре, земляне, тяглые крестьяне, слуги, бобыли, огородники и др.). Принципами, объединявшими эти разряды крестьян в класс-сословие феодального общества, являлись отсутствие права собственности на землю, личная зависимость, внеэкономическое принуждение.

Основной закономерностью рассматриваемого периода было обострение классовых противоречий вследствие растущего феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета. По-разному действовало этой закономерности выступало во второй половине XVII — первой половине XVIII и во второй половине XVIII в. На первом этапе существенное влияние оказывали военные разорения, эпидемии и другие стихийные бедствия. На втором этапе ведущее значение имели формы феодальной эксплуатации, налоговая и арендная системы, товарно-денежные отношения.

Важной особенностью процесса развития феодально-крепостнических отношений являлись те различия в кре-

стьянских повинностях, которые сложились на западе и востоке Белоруссии. Широкое развитие господского хозяйства в западной части страны привело к росту отрабочной ренты. В Восточной Белоруссии, где оно не играло заметной роли, крестьянство испытывало гнет всевозрастающей денежной ренты, многочисленных поборов, ограничения рыночных связей.

Серьезную роль в обострении классовых противоречий, особенно во второй половине XVIII в., сыграла арендная система феодальных владений с присущими ей непомерными поборами, приводившими к массовому разорению крестьянских хозяйств.

В такой обстановке классовые противоречия неизбежно вызвали развертывание сопротивления крестьянства наступлению господствующего класса на его экономические, социальные и политические интересы.

Антифеодальная борьба крестьян во второй половине XVII — XVIII в. проходила, как правило, в тех же традиционных формах, которые сложились в предыдущий период. Это были жалобы на непосильные повинности, просьбы сохранить старину. Наивная вера в господина-благодетеля отражала типичное для крестьян феодальной эпохи непонимание реальных причин давившего их гнета и произвола. Под влиянием собственного опыта, убеждаясь в полной бесполезности жалоб и просьб, крестьяне искали более активные формы и средства сопротивления феодальному гнету.

Как и в предыдущем периоде, среди активных форм борьбы крестьян заметное место занимали потравы, нападения на администрацию, разгром имений, расправа с арендаторами, владельцами имений. В них проявлялась ответная реакция угнетенных на разрастающуюся эксплуатацию и грабежи крестьян, обрсакавшие широкие массы крестьянства на разорение и нищету. Этот сдвиг количественного порядка не мог не создать почву для качественного сдвига в развитии классовой борьбы крестьянства на этапе позднего феодализма. Его проявление отчетливо выступает в развернувшихся классовых битвах крестьян, поднявшихся с оружием в руках.

Важной чертой крестьянского движения изучаемого периода становятся крупные вооруженные выступления, восстания, в которых по-своему отразились признаки кризиса феодального способа производства.

Эта высшая форма классовой борьбы наиболее полно проявилась в Кричевском старостве в начале 40-х годов XVIII в. Кричевское восстание было одной из выдающихся страниц в истории белорусского народа.

Антифеодальное крестьянское движение наиболее остро проходило на востоке и юго-востоке Белоруссии. Прежде всего это обуславливалось близостью данной территории к России и Левобережной Украине с ее казацкой вольницей. Однако нельзя объяснять более активную антифеодальную борьбу крестьян на востоке Белоруссии лишь стремлением населения данного района к воссоединению с русским народом, как это делает Л. С. Абецедарский, потому что не менее важную роль в развитии крестьянского движения играли прежде всего факторы социально-экономического характера¹.

Способствовало развертыванию крестьянской борьбы на востоке Белоруссии также бегство сюда крестьян из приграничных районов России и Украины. Многие из них принимали активное участие в открытых антифеодальных выступлениях белорусского крестьянства.

Нет основания видеть всецело непосредственную зависимость остроты антикрепостнического движения от форм феодальной эксплуатации. Размах и острота классовой борьбы не всегда больше там, где феодальный гнет выступал в наиболее откровенной форме барщины. Истории известны факты, когда крестьянские восстания вспыхивали там, где феодальный гнет не знал барщинной системы. Убедительным примером такого развития событий могут служить восстания крестьян под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Об этом же говорят и факты из истории крестьянского движения в Западной Европе в XIV—XVI вв. (Франция, Англия, Германия). Это обстоятельство заставляет при объяснении причин более активной классовой борьбы крестьянских масс на востоке Белоруссии, помимо уровня феодального гнета, учитывать действие ряда других факторов. В частности, важную роль в развитии антифеодальной борьбы здесь играла большая, чем на западе страны, подвижность населения. Она содействовала более активному отношению крестьянства к окружающим социально-экономическим условиям жизни и ведению хозяйства, к более осознанной оценке этих условий и необходимости борьбы. В известной мере здесь применимо положение В. И. Ле-

нина о том, что «без подвижности населения... немислимо развитие его сознательности и самодеятельности»².

Серьезное влияние оказывали рыночные связи крестьян. Рынок порождал у крестьянина заинтересованность в том, чтобы сохранить в собственном хозяйстве все результаты своего труда, чему постоянно препятствовали феодал и арендатор, требуя во всевозрастающем размере денежных платежей и других повинностей. Уже на этой почве неизбежно было столкновение крепостного со своим господином.

Благоприятствовало развертыванию классовой борьбы на востоке Белоруссии и то, что здесь крестьянин не знал тех грубых форм личной крепостной зависимости, которые неизбежно возникали там, где господствовало фольварочное хозяйство и барщинная система эксплуатации. В условиях барщинной системы, как отмечал В. И. Ленин, крестьянин был задавлен нуждой, личной зависимостью и умственной темнотой³.

При денежной форме ренты крестьянин оказывался более чувствительным ко всякой попытке увеличить размер платежей, оброка. Каждое такое увеличение воспринималось крестьянином как потеря того, что добыто личным трудом, без чего невозможно было расширение рыночных связей и доходов собственного хозяйства. Это играло существенную роль в отношениях между крепостным и феодалом и не так заметно выступает там, где крестьянин отдает свой прибавочный продукт в виде отработочной ренты, отделенной в пространстве и во времени от собственного хозяйства.

На усиление антифеодальной борьбы на востоке Белоруссии оказывала влияние социально-экономическая дифференциация крестьянства, развивавшаяся под влиянием денежной ренты и рыночных отношений. На западе страны преобладание барщины в значительной мере тормозило, ограничивало возможности такой дифференциации, хотя она и там имела место. И при отработочной ренте, указывал К. Маркс, «может вообще совершаться самостоятельное увеличение имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных нести барщину или крепостных»⁴. Однако при более высокой форме ренты возможности эти возрастают. Уже с продуктовой рентой, писал К. Маркс, возникают «более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосред-

ственных производителей» и создаются такие условия, при которых «непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд»⁵.

При денежной ренте процесс имущественной дифференциации приобретает все большие возможности. «...Превращению натуральной ренты в денежную, — отмечал К. Маркс, — не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги»⁶. На востоке Белоруссии наименее население состояло из бобылей, кутников, коморников, людей лезных и др. Все они жили главным образом за счет найма на промысловых предприятиях феодала и отчасти — в крестьянском хозяйстве. Даже по официальной классификации того времени в отдельных крупных владениях насчитывалось до 30% сельской бедноты⁷. Эта часть населения всегда готова была к наиболее решительным действиям в ходе классовой борьбы.

Однако нельзя не учитывать и того, что история Белоруссии феодальной эпохи не знает ни одного сколько-нибудь значительного самостоятельного выступления крестьянской бедноты (лезных, бобылей, кутников и др.). Объяснить это можно тем, что разоренное, обнищавшее крестьянское хозяйство было непригодным объектом феодальной эксплуатации. Наиболее остро испытывала тяготы феодальных повинностей рентоспособная часть крестьянства. Поэтому она в целях сохранения своего хозяйства активно сопротивлялась крепостнической эксплуатации.

Резкому обострению классовых противоречий на востоке страны способствовало широкое распространение откупной системы. Арендаторы и другие держатели феодальных владений своим произволом и непомерными поборами разоряли крестьянское хозяйство, чем вызывали массовое недовольство и протесты крестьян, нередко переходившие в открытое сопротивление.

На ход развития крестьянского движения на востоке Белоруссии оказывало влияние относительно слабое развитие административно-политической системы управления территорией, слабость карательных органов власти господствующего класса. Объясняется это главным образом тем, что здесь не получило широкого развития господское хозяйство крупных феодалов. Его отсутствие исключало необходимость содержать разветвленный аппа-

рат для управления хозяйством и принуждения крепостного к отбыванию барщины. Наличие такого аппарата насилия характерно для западной и центральной частей Белоруссии, где фольварочное хозяйство получило широкое развитие. Здесь господствующий класс имел возможность подавить любой акт сопротивления крестьянства в самом его начале. Не случайно на западе и в центре Белоруссии имевшие место открытые выступления крестьян, как правило, были кратковременными и не успевали перерасти в широкое, массовое движение.

Определенную роль в развитии классовой борьбы на востоке Белоруссии играла ее близость к России, а также к Левобережной Украине с ее казацкой вольницей. Относительная слабость крепостнической зависимости на востоке страны привлекала сюда беглых крестьян из приграничных районов России. Сюда же нередко приходили с Украины казацкие отряды (середина XVII в.) и отдельные группы казаков. Как те, так и другие содействовали усилению антикрепостнического настроения среди местного крестьянства. Многие из них принимали непосредственное участие в открытых антифеодальных выступлениях белорусского крестьянства.

Классовая борьба в белорусской деревне была направлена против усиления феодального гнета, происшедшего не только в результате стремления земельных собственников к увеличению своих доходов, но и в связи с широко практиковавшейся откупной системой со всеми ее пороками (злоупотребления, грабежи, произвол со стороны арендаторов и других держателей владений, администрации и разных слуг феодалов). Крестьяне выступали против грабежа и насилий, творимых арендаторами, против введения и повышения барщины, сверхинвентарных повинностей, ограничения их торговой деятельности. Во владениях с промысловым уклоном господского хозяйства характерной чертой социального протеста было стремление крестьян уничтожить промысловые предприятия с барщинным трудом (уничтожение буд в Кричевском старостве).

Развертывание антифеодальной борьбы в Белоруссии усложняло многообразие групп, категорий и разрядов крестьян с присущими им различиями в социально-экономическом и правовом положении. Уместно привести высказывание В. И. Ленина относительно земледельцев

в России в предреформенный период: «Прикованные к своему наделу, к своей крохотной «общине», они (крестьяне.—В. М.) были резко отделены даже от крестьян соседней общины различием тех разрядов, к которым они принадлежали...»⁸ Все это разъединяло силы крестьян и в значительной мере ослабляло сопротивление феодальному гнету.

Выступая против усиления феодальной эксплуатации, крестьянские массы не ставили перед собой цели уничтожения феодального строя. Они боролись против существующих порядков, против произвола, грабежа и насилий со стороны держателей имений и феодальной администрации. Крестьянскому движению в Белоруссии были присущи черты, характерные для антифеодального движения в целом. «Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация,— указывал В. И. Ленин,— привязывает трудящихся к месту, разобщает их ... не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность,— а вся хозяйственная система»⁹.

Идейные позиции крестьянских масс не выходили за пределы требований сохранения и соблюдения старины. По своей забитости, узости кругозора и ограниченности идейных горизонтов крестьяне не могли тогда выдвигать политических целей. Говоря о крестьянском движении в России даже в пореформенный период, В. И. Ленин отмечал, что в нем «масса темноты, бессознательности... Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании политической стороны движения»¹⁰.

Протестуя против плохих арендаторов и администраторов владений, крестьяне верили в добродетельность и милость верховных владельцев — короля и магнатов, обращались к ним за помощью, просили защиты: «Крестьяне не видели связи помещиков и правительства. Крестьяне хотели, чтобы жизнь была *по справедливости, по божьи*, не зная, как это сделать»¹¹. Эту черту крестьянской идеологии — веру в доброту и справедливость их господ — умело использовали король и магнаты. Они иногда шли на мелкие уступки крестьянам, на частичное удовлетворение их жалоб, даже наказывали отдельных виновных арендаторов и своих чиновников, а чаще всего для создания видимости проявляемой заботы о крепостных выдавали крестьянским ходокам универсалы и ни к

чему не обязывающие предписания, посылали для расследования жалоб своих комиссаров.

Крестьянское движение в Белоруссии носило все характерные черты, присущие классовой борьбе в феодальную эпоху. Оно оставалось стихийным, лишенным осознанных политических целей. Объективно борьба крепостного крестьянства оказывала влияние на развитие аграрных отношений. Она вынуждала господствующий класс менять формы эксплуатации, расшатывала устойчивый феодализм. Классовая борьба, «незаметная работа угнетенных классов», отмечал Ф. Энгельс, — подрывала феодальную систему..., создавала условия, в которых феодалу оставалось все меньше и меньше места»¹².

ЛИТЕРАТУРА

Предисловие

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 333—334.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 18.

Глава I

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

² Шчарбакоў В. К. Нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 1934, ч. I; Ен жа. Класавая барацьба і гістарычная навука Беларусі. Мн., 1934; Ен жа. Паўстанне сялянства ў Крычаўскім старостве.— Запіскі Беларускай Акадэміі навук, 1934, кн. 3; Ен жа. Сялянскі рух і казачтва на Беларусі ў эпоху феадалізма. Мн., 1935; Он же. Крестьянское движение в Белоруссии в XVI и XVII вв.— Ист. сб., 1935, № 4.

³ Щербakov В. К. Крестьянское движение в Белоруссии в XVI и XVII вв., с. 9.

⁴ Там же.

⁵ Шчарбакоў В. К. Паўстанне сялянства ў Крычаўскім старостве, с. 79—87.

⁶ Савіч А. А. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг. Из истории русско-польских отношений 2-й половины XVII в.— Учен. зап. Московского госуд. пед. ин-та, т. 2. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2, с. 79—139; Пьянкоў А. П. Паўстанне Дзяніса Мурашкі.— Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1949, № 1, с. 39—46; Похилевич Д. Л. Белорусское казачество.— Наукові зап. Львів. державного ун-ту ім. Ів. Франка, 1957, т. 43, вип. 6, с. 145—172; Кручок Р. Р. Сялянскі рух у Беларусі на чале з Іванам Нячаем.— Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1958, № 4, с. 137—148;

Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974;

Абецедарский Л. С. Белоруссия и Россия. Мн., 1978.

⁷ Гильтебрандт А. П. Васко-Воцило, внук Богдана Хмельницкого, 1744.— Русская старина, 1870, т. II, с. 522—524; Мейер Андрей. Описание Кричевского графства.— Могилевская старина, 1901, вып. 2; Шчарбакоў В. К. Паўстанне сялянства ў Крычаўскім старостве, с. 75—88; Мельнікаў М. Крычаўскае народнае паўстанне 1740—1744 гг.— Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1958, № 1, с. 40—46; Lech M. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyczewskim (1740 г.) — Przegląd Historyczny, 1960, t. LI, z. 2, s. 314—327.

⁸ Похилевич Д. Л. Крестьяне Слободщины в XVI—XVIII вв. и их борьба против феодального угнетения.— Наукові зап. Львів. державного ун-ту ім. Івана Франка, 1949, т. 17, вип. 4; Он же. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века. Вильнюс, 1966, с. 177—214.

⁹ Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян Ве-

ликого княжества Литовского с отработочной ренты на денежную в XVII в.—Ист. зап., 1951, т. 37; Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян Белоруссии и Литвы в середине XVIII века с денежной ренты на отработочную.—Ист. зап., 1952, т. 39.

¹⁰ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Мн., 1969, с. 161—175; Он же. Классовая борьба крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII в.—Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971, с. 258—267.

¹¹ Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Мн., 1969; Он же. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века. Мн., 1974.

¹² Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII—XVIII в.). Мн., 1974, с. 40.

¹³ Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией. Автореф. Дис. ... д-ра ист. наук. Мн., 1976, с. 13.

¹⁴ Там же, с. 25.

¹⁵ Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII—XVIII в.), с. 22.

¹⁶ Там же, с. 72—73, 80, 93, 98, 108 и др.

¹⁷ Kula Witold. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku. W-wa, 1956, cz. 1.

¹⁸ Lech Marian. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyczewskim (1740 r.); Он же. Wojsko Wielkiego księstwa Litewskiego w dobie Saskiej w walce z ruchami chłopskimi na Białorusi.—Rocznik Białostocki, 1961, t. 2.

¹⁹ Topolska M. B. Dobra Szklowskie na Białorusi w XVII i XVIII wieku.—W-wa, 1969.

²⁰ Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России (вторая половина XVII—XVIII в.).—Вопросы истории, 1964, № 12, с. 28.

²¹ Kutrzeba St. Historia źródeł dawnego prawa polskiego. Lwów—Kraków, 1926; Leskiewicz J. Znaczenie inwentarzy dóbr ziemskich dla badań historii wsi w Polsce w XVIII w.—Kwartalnik Historyczny, 1953, № 4, s. 363—378; Воронков Н. А. Инвентари имений—важный источник по истории польской феодальной деревни.—Вопросы истории, 1959, № 4; Улащик Н. Н. Инвентари помещичьих имений Западной Белоруссии и Литвы 40-х годов XIX в. как исторический источник.—Проблемы источниковедения, 1962, № 10; Jablonskis K. ir Jučas M. Lietowos inwentoriai (XVII a.). Vilnius, 1962; Козловский П. Г., Чепко В. В. Инвентари и хозяйственные документы магнатских владений Белоруссии XVI—XVIII вв. и инвентари помещичьих имений первой половины XIX в. как исторический источник.—Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 года. Мн., 1964; Сташевский Е. Д. История докапиталистической ренты на Правобережной Украине. М., 1968, с. 115—124.

²² Rutkowski I. Studia z dziejów wsi polskiej XVI—XVIII w. W-wa, 1956, s. 151; Jablonskis K. ir Jučas M. Lietowos inwentoriai (XVII a.); Маркина В. А. Крестьяне Правобережной Украины (конец XVII—60-е годы XVIII ст.). К., 1971.

²³ Центральный государственный исторический архив Литовской ССР (далее ЦГИА ЛитССР), ф. древних актов (далее ДА), д. 3802, л. 10, 16, 20—21, 23—25; д. 3804, л. 2—3, 6—7, 9; д. 3786, л. 71, 76, 82, 91.

²⁴ Центральный государственный исторический архив Украинской ССР (далее ЦГИА УССР) в г. Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 3—127; д. 1362, л. 6—8; Главный архив древних актов (далее ГАДА) в Варшаве, Архив камеральный (далее АК), д. 295, л. 13.

²⁵ Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР (далее ЦГИА БССР) в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1158, д. 1159.

²⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1728, оп. 1, д. 2, л. 27.

²⁷ Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Отдел рукописей (далее ОР). Собрание П. П. Дубровского, ф. 131, д. 26, л. 3—4; ЦГИА БССР в Минске, ф. 1728, д. 2, л. 23, 146.

²⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1728, оп. 1, д. 2, л. 315—317.

²⁹ Исаевич Я. Д. Гродские и земские акты—важнейший источник по истории аграрных отношений в Речи Посполитой в XVI—XVIII вв.—Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961г. Рига, 1963, с. 94.

³⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1155, л. 320—323.

³¹ Пташицкий С. Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887, с. 9.

³² Там же, с. 9; Березжков Н. Литовская метрика как исторический источник. Л., 1946, ч. 1, с. 5—6.

³³ Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. 389, Литовская метрика, д. 439, л. 71—72; д. 452, л. 29—30.

³⁴ Там же, д. 454, л. 320—339.

³⁵ Там же, д. 439, л. 75—76.

³⁶ Там же, д. 364, л. 653—656.

³⁷ ГАДА в Варшаве, Архив Радзивиллов (далее АР), Отд. У.

³⁸ Там же, Отд. XVII, д. 123, л. 31—38.

³⁹ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2894; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIX, д. 19; Библиотека Польской Академии наук (далее ПАН) в Кракове, ОР, д. 4446; Библиотека Академии наук УССР во Львове. Отдел рукописей (далее БАН УССР во Львове, ОР), ф. Оссолинских, д. 6052/111.

⁴⁰ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIX, д. 19; БАН УССР во Львове, ОР, ф. Оссолинских, д. 6052/111, л. 10.

Глава II

¹ Доўнар-Запольскі М. В. Сацыяльна-эканамічная структура Літоўска-Беларускай дзяржавы у XVI—XVIII ст.—Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., 1927, № 1; Забела Т. І. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства.—Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Працы клясы гісторыі, 1928, кн. 3, т. II; Кернажыцкі К. І. Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палавіне XVIII стагоддзя.—Доследы матэрыялы па вывучэнні гісторыі, 1928, сер. 2, вып. 2; Ён жа. Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і экана-

мічнае становішча яго насельніцтва з XVII да паловы XIX ст. Мн., 1931; Ен жа. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст. Мн., 1935; Щербак В. К. Крестьянское движение в Белоруссии в XVI и XVII вв.; Лочмель И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов в XVI—XVIII вв.; Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957; Он же. Крестьяне Белоруссии и Литвы...; Шлосберг Е. П. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв.—Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г. Таллин, 1959; Горцаў В. М. Барацьба народных мас Беларусі за сваё сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне ў XVIII стагоддзі.—Весці АН БССР, 1962, № 1; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии...; Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви; Он же. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии.

² Kościalkowski St. Ze studiów nad dziejami ekonomii królewskich na Litwie.—Rocznik Towarzystwa przjaciół nauk w Wilnie, 1914, t. V; Wieczorek W. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego księstwa Litewskiego w XVIII w. Poznań, 1929; Zabko-Potopowicz A. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim księstwie Litewskim w wieku osiemnastym na tle ewolucji stosunków w rolnictwie. W-wa, 1929; Topolska M. B. Dobra Szklowskie na Białorusi Wschodniej w XVII i XVIII wieku. W-wa, 1969; Lech M. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyzewskim (1740 r.).

³ История БССР. Мн., 1954, ч. I; История БССР. Мн., 1961, т. I; Гісторыя Беларускай ССР. Мн., 1972, т. I.

⁴ Карпачев А. М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Автореф. Дис. ... д-ра ист. наук. Мн., 1970, с. 22.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 367.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 191.

⁷ Там же, с. 516.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 183.

⁹ Там же, с. 353.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.

¹¹ Похилевич Д. Л. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в.—Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г. Кишинев, 1966, с. 392; Он же. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 80; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 55; Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 203.

¹² Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 56, 72; Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 194, 195, 196; ГАДА в Варшаве, Архив камеральный (далее АК), д. 295, л. 19—20.

¹³ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 55.

¹⁴ Там же, с. 201, табл. 22.

¹⁵ Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 228.

¹⁶ Там же, с. 198, 204, 205; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 201, табл. 22.

¹⁷ Похилевич Д. Л. Поместье Белоруссии и Литвы во вто-

рой половине XVIII в., с. 393; Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 194.

¹⁸ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 84.

¹⁹ Похилевич Д. Л. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., с. 393; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 64; Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 208.

²⁰ Мялешка В. I. Неземляробчыя заняты сялян Усходняй Беларусі ў другой палавіне XVII—XVIII ст.—Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1971, № 1, с. 62—67.

²¹ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 201.

²² Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 208, 209.

²³ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 137.

²⁴ Там же.

²⁵ Мелешко В. И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII—XVIII в.). Мн., 1975, с. 25, 28, 29.

²⁶ Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4473, IV, л. 126—349; д. 1474, IV, л. 8—119; Библиотека Оссолинских во Вроцлаве, ОР, д. 5172, II, л. 20.

²⁷ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 63.

²⁸ Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4502, IV, л. 23—116; д. 4568, IV, л. 320; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1936, л. 9—230; Библиотека Оссолинских во Вроцлаве, ОР, д. 5192, II, л. 20.

²⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1084, л. 6—10, 11.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 6—7.

³² Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 201, табл. 22.

³³ К деревенской бедноте В. И. Ленин относил безлошадные и однолошадные крестьянские хозяйства (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 151).

³⁴ ГАДА в Варшаве, АК, д. 466, л. 319, 322—323, 328.

³⁵ В. И. Ленин относил к богатым тех крестьян, «которые имеют больше, чем по паре рабочего скота» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 151).

³⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 7, д. 3930, л. 1—13.

³⁷ ГАДА в Варшаве, АК, д. 466, л. 319—328.

³⁸ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3930, л. 1—2.

³⁹ Там же, л. 1—13.

⁴⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 4965, л. 476.

⁴¹ ЦГИА БССР в Минске, оп. 1, Коллекция микрофильмов (далее кмф) 5, микрофильм (далее микр.) 1791, л. 76—155.

⁴² Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 55; Он же. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., с. 394.

⁴³ ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3806, л. 3—15, д. 3802, л. 24, ф. 1177, оп. 1, д. 2512, л. 42; БАН УССР во Львове, ОР, д. 5178, II, л. 49, д. 5163, II, л. 95, д. 5190, II л. 51, д. 5179, л. 66; ГАДА в Варшаве, АР отд. XXV, д. 1936.

⁴⁴ ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3806, л. 5, 6, 15.

⁴⁵ Там же, д. 3802, л. 24; БАН ЛитССР, ОР, ф. 43, д. 2165, л. 31.

⁴⁶ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 148, 149.

⁴⁷ Zabko-Potorowicz A. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim księstwie Litewskim w wieku osiemnastym na tle stosunków w rolnictwie; Похилевич Д. Л. Наймана праця в сільському господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст.— Вісник Львівського університету, сер. історична, 1962, № 1, с. 100—114; Карпачев А. М. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в.— В сб.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. Мн., 1964, с. 285—293; Он же. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма.— Вопросы истории, 1962, № 8, с. 59—74; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 149—155.

⁴⁸ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 155.

⁴⁹ Там же, с. 157.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 12, оп. 1, д. 159, л. 29.

⁵¹ Народная библиотека в Варшаве, микр. 4230, 1936, к. 218.

⁵² БАН УССР во Львове, ОР, д. 5181, II, л. 11—15; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3105, л. 11—23.

⁵³ БВГУ, А-88, д. 13167, л. 24, 25.

⁵⁴ ГАДА в Варшаве, АҚ, Отд. XXV, д. 1936, л. 9—230.

⁵⁵ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3105, л. 9—20; д. 2512, л. 18—39; ГАДА в Варшаве, АҚ, д. 467, л. 17; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1556, л. 206—229; БАН УССР во Львове, ОР, д. 5180, II, л. 11—56, д. 5182, II, л. 5—41.

⁵⁶ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 75.

⁵⁷ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2894, л. 9.

⁵⁸ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 436, л. 71—72, 83, 111.

⁵⁹ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 76.

⁶⁰ Там же, с. 75.

⁶¹ Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4575, IV, л. 18.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 329.

⁶³ ГАДА в Варшаве, АР, оп. XXV, д. 1936, л. 9—230.

⁶⁴ Народная библиотека в Варшаве, ОР, микр. 4230, л. 3.

⁶⁵ БВГУ, ОР, А-88, д. 13167, л. 24, 25; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3802, л. 24.

⁶⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3105, л. 11, 17; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1556, л. 219—228; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1936, л. 9—230; БАН УССР во Львове, ОР, д. 5184, II, л. 18.

⁶⁷ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2631, л. 6.

⁶⁸ Lowmiański H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. W-wa, 1953, s. 79.

⁶⁹ Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 года. Каунас, 1938, т. 2, с. 137.

⁷⁰ Белоруссия в эпоху феодализма, т. I, с. 224.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 250.

⁷² ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1664, оп. 1, д. 644, л. 8.

⁷³ Там же, д. 482, л. 1.

⁷⁴ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1663, оп. 1, д. 286, л. 1.

⁷⁵ Там же, д. 263, л. 1.

⁷⁶ Там же, д. 461, л. 4.

⁷⁷ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1664, оп. 1, д. 644, л. 8.

⁷⁸ Там же, д. 254, л. 1.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, д. 479, л. 1.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 358.

⁸² Zabko-Potorowicz A. Praca najemna i najemnik w rolnictwie..., s. 65.

⁸³ Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1960, т. II, с. 49.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 4, л. 41, 71.

⁸⁵ Там же, л. 51.

⁸⁶ Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4471, л. 79—208.

⁸⁷ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII.

⁸⁸ Mogzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białogusi w II połowie XVII wieku. Poznań, 1965, s. 23, tabl. 49.

⁸⁹ Труды императорского Русского военно-исторического общества.— СПб., 1909, т. I, с. 122; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1918, т. VII, вып. 1, с. 602.

⁹⁰ Кукольник Н. Исторические заметки о Литве. Вильно, 1864, с. 199.

⁹¹ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 124, 134, 137.

⁹² Народная библиотека в Варшаве, ОР, микр. 2583, л. 133.

⁹³ ЦГИА БССР, оп. 1, кмф. 5, микр. 1775, л. 154; микр. 1776, л. 168; микр. 1777, л. 164, 165.

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 148.

⁹⁵ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 71.

⁹⁶ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 82.

⁹⁷ Там же, с. 86.

⁹⁸ Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4474, IV, л. 50—118.

⁹⁹ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 142—143.

¹⁰⁰ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 90.

¹⁰¹ Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян Литвы и Белоруссии..., с. 139—140; Он же. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 140, 141, 143, 155.

¹⁰² Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 110, 127.

¹⁰³ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 94.

¹⁰⁴ Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян Литвы и Белоруссии..., с. 140.

¹⁰⁵ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 119; Он же. Перевод государственных крестьян Литвы и Белоруссии..., с. 145; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 114; Мараш Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века, с. 41; Он же. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 211.

¹⁰⁶ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 113.

¹⁰⁷ Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян Литвы и Белоруссии..., с. 143.

¹⁰⁸ Мелешко В. И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии, с. 94—96.

¹⁰⁹ Похилевич Д. Л. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., с. 392.

¹¹⁰ Маращ Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 194; Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 14, 16, 25, 26, 74; Он же. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., с. 392, 394.

¹¹¹ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 98.

¹¹² ЦГИА БССР в Минске, оп. 1, кмф. 5, микр. 1779, л. 162, микр. 1789, л. 172; Маращ Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 201—203; Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 39.

¹¹³ Мелешко В. И. Из истории аграрных отношений в Восточной Белоруссии в период упадка Речи Посполитой... (с середины XVII в.—до 1772 г.).—Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1967, t. V, s. 80—81.

¹¹⁴ ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3804, л. 38; ГАДА в Варшаве, АК, д. 295, л. 25; Шчарбакоў В. К. Нарыс гісторыі Беларусі, с. 221.

¹¹⁵ Похилевич Д. Л. Поместье Белоруссии и Литвы..., с. 394.

¹¹⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 37.

¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 249.

¹¹⁸ Там же, т. 21, с. 248.

¹¹⁹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 183, л. 35; д. 266, л. 4; Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4566, л. 165, 189, 222—223; Маращ Я. Н. Из истории борьбы народных масс..., с. 18.

¹²⁰ БАН ЛитССР, ф. 43, д. 2095, л. 58.

¹²¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 86.

¹²² Маращ Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 217.

¹²³ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 28, л. 47—48, д. 183, л. 35; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 86; оп. 7, д. 221, л. 42.

¹²⁴ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3290, л. 10—11.

¹²⁵ Там же, д. 3931, л. 11; д. 3290, л. 10—11; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 266, л. 4—5; д. 28, л. 47—48; д. 406, л. 70; д. 221, л. 42; д. 466, л. 4.

¹²⁶ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 28, л. 47—48.

¹²⁷ Там же, д. 183, л. 35.

¹²⁸ Там же, д. 406, л. 70.

¹²⁹ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3290, л. 10—11.

¹³⁰ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1664, оп. 1, д. 263, л. 1.

¹³¹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1362, л. 7; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 27, л. 84—85; ф. 1664, оп. 1, д. 263, л. 1—2; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3097, л. 12; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 1, д. 311, л. 167.

¹³² ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 29, л. 8; д. 27, л. 54; д. 406, л. 70.

¹³³ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1926, л. 57; ЦГИА БССР в Минске, оп. 1, кмф. 5, микр. 1788/2, л. 288; ф. 694, оп. 7, д. 221, л. 33—34; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 466, л. 4, д. 27, л. 54; Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4568, IV, л. 252.

¹³⁴ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1931/2, л. 68; д. 1926, л. 57—58; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 7, д. 221, л. 33—34; оп. 2, д. 1913, л. 86, оп. 1, кмф. 5, микр. 1788/2, л. 298; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 466, л. 4; д. 228, л. 4—5.

¹³⁵ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 466, л. 4; д. 223, л. 4—5.

¹³⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3931, л. 12; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1931/2, л. 68; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 7, д. 221, л. 33—34, 42; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 406, л. 70.

¹³⁷ Библиотека ПАН в Кракове, ОР, д. 4446, л. 29; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 28, л. 47—48; оп. 7, д. 466, л. 4.

¹³⁸ БАН ЛитССР, ф. 86, д. 11, л. 51—52.

¹³⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, л. 1913, л. 86.

¹⁴⁰ Там же, оп. 1, кмф. 5, микр. № 1788/2, л. 290.

¹⁴¹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 183, л. 35; д. 271, л. 5.

¹⁴² БАН ЛитССР, ф. 86, д. 11, л. 51—52.

¹⁴³ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2512, л. 49; ф. ДА, д. 3786, л. 7, 72, 82.

¹⁴⁴ Маращ Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 220.

¹⁴⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 1, д. 4975, л. 107, оп. 1, кмф. 5, микр. 1766/3, л. 66—67, 1766/1, л. 96, ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3097, л. 5, 12—13, д. 3290, л. 18.

¹⁴⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2512, л. 49.

¹⁴⁷ Маращ Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 220.

¹⁴⁸ БАН УССР во Львове, ф. Оссолинских, д. 5182, III, л. 44.

¹⁴⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 86, оп. 1, кмф. 5, микр. 176/3, л. 66—67; БАН УССР во Львове, ОР, ф. Оссолинских, д. 5170/11, л. 17.

¹⁵⁰ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 112.

¹⁵¹ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 3878, л. 18—19.

¹⁵² ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, л. 1162, л. 5; БАН УССР во Львове, ОР, ф. Оссолинских, д. 5179/II, л. 11—12.

¹⁵³ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XIII, папка (далее п.) 34.

¹⁵⁴ Там же; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3931, л. 121, д. 3097, л. 12.

¹⁵⁵ ЦГИА БССР в Минске, оп. 1, кмф. 5, микр. 1779, л. 55, микр. 1788/2, л. 287, 290.

¹⁵⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 4207, л. 32, оп. 1, кмф. 5, микр. 1788/2, л. 290; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 271, л. 5; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 112.

¹⁵⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 4207, л. 32.

¹⁵⁸ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 113.

¹⁵⁹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 271, л. 5; ЦГИА БССР в Минске, оп. 1, кмф. 5, микр. 1788/2, л. 290.

¹⁶⁰ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3290, л. 18.

¹⁶¹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 29, л. 57.

¹⁶² Там же, д. 271, л. 5; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2512, л. 43.

¹⁶³ Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян Литвы и Белоруссии..., с. 144.

¹⁶⁴ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 29, л. 57.

¹⁶⁵ Там же, л. 8, 56.

¹⁶⁶ БАН УССР во Львове, ОР, д. 5179/II, л. 11—12.

¹⁶⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 86.

- ¹⁶⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1769, оп. 1, д. 14, л. 268—269.
¹⁶⁹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 29, л. 57; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, л. 125.
¹⁷⁰ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 111.
¹⁷¹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 29, л. 8.
¹⁷² Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 211.
¹⁷³ Там же, с. 211, 213.
¹⁷⁴ Там же, с. 213.
¹⁷⁵ БАН ЛитССР, ОР, ф. 43, д. 2095, л. 58.
¹⁷⁶ БАН УССР во Львове, ОР, ф. Оссолинских, д. 5181, II, л. 12; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 4983, л. 20—21, 24.
¹⁷⁷ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3290, л. 8.
¹⁷⁸ Там же, д. 3105, л. 23.
¹⁷⁹ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1936, л. 218.
¹⁸⁰ БВГУ, ОР, А-1685, л. 19—23, ГАДА, АК, д. 467, к. 17—38; БАН УССР во Львове, д. 5180, II, л. 11—56; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 1556, л. 219—229.
¹⁸¹ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2512, л. 46.
¹⁸² ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1929, л. 42.
¹⁸³ БАН УССР во Львове, ОР, д. 5179, л. 63.
¹⁸⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 4983, л. 7.
¹⁸⁵ Там же, л. 9.
¹⁸⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3105, л. 10—18.
¹⁸⁷ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 4—122.
¹⁸⁸ ГАДА в Варшаве, АК, д. 84, л. 18—19.
¹⁸⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 1, д. 311, л. 35.
¹⁹⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 22.
¹⁹¹ Там же, л. 66, 76, 93.
¹⁹² БВГУ, ОР, А-162, д. 11995.
¹⁹³ Библиотека Чарторыхских в Кракове, эв. 236, л. 2.
¹⁹⁴ БВГУ, ОР, А-162, д. 11995.
¹⁹⁵ Библиотека Чарторыхских в Кракове, эв. 110.
¹⁹⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3186, л. 19.
¹⁹⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1783, оп. 1, д. 24, л. 27.
¹⁹⁸ ЦГАДА, ф. 389, Литовская метрика, д. 420, л. 175.
¹⁹⁹ Там же, д. 437, л. 223—226; д. 435, л. 309, 317, д. 433, л. 743.
²⁰⁰ Там же, д. 433, л. 743.
²⁰¹ Там же, д. 435, л. 310.
²⁰² Там же, д. 437, л. 535.
²⁰³ Там же, л. 230.
²⁰⁴ Там же, д. 444, л. 88, д. 437, л. 229—230.
²⁰⁵ Библиотека Чарторыхских в Кракове, ОР, д. 4495, IV, л. 6.
²⁰⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3451, л. 2.
²⁰⁷ Библиотека Чарторыхских в Кракове, ОР, Хоз., д. 636, IV, л. 5, ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, т. 34.
²⁰⁸ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3451, л. 2.
²⁰⁹ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 127.
²¹⁰ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIX, д. 19.
²¹¹ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, п. 34.
²¹² Там же, АР, отд. XX, д. 31, п. 2, отд. XXIII, св. 34, отд. XXIX, д. 28; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1156, л. 58.

- ²¹³ ГАДА в Варшаве, отд. XVII, д. 123, л. 2—4, отд. XX, д. 31, п. 2.
²¹⁴ Там же, отд. XX, д. 31, п. 2.
²¹⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 4—10, 14—24, 31, 37, 42, 43, 65, 84, 90, 105, 113, 117.
²¹⁶ Кернажицкі К. І. Гаспадарка старостваў на Беларусі..., с. 84; Похилевич Д. Л. Белоруссия.— Очерки истории СССР. М., 1956, с. 616; Он же. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 88, 124; Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии..., с. 128.
²¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 355.
²¹⁸ Там же, с. 354.
²¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 247.
²²⁰ Там же.
²²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 355.
²²² Там же, с. 357.
²²³ Там же, с. 358.
²²⁴ Там же, с. 359.
²²⁵ Там же, с. 358.
²²⁶ Там же, с. 362.
²²⁷ Поршнев Б. Ф. Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками».— В сб.: Маркс — историк. М., 1968, с. 408.
²²⁸ Барг М. А. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе (о некоторых закономерностях феодальной денежной ренты).— Вопросы истории, 1963, № 3, с. 79.
²²⁹ Мелешко В. И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии, с. 60.
²³⁰ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 33, 128—133, д. 1158, л. 120; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 123, л. 14—93.
²³¹ Барг М. А. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе, с. 83.
²³² Wiczeorek W. Z dziejów ustroju rolnego..., s. 98.
²³³ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1158, д. 120; д. 1159, л. 33, 129; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 125, л. 14, 93.
²³⁴ Воронков И. В. Инвентари именов — важный источник по истории польской феодальной деревни.— Вопросы истории, 1959, № 4, с. 125, 127; Сташевский Е. Д. История докапиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII—первой половине XIX в., с. 476—478.

Глава III

- ¹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1362, л. 7—8; ГАДА в Варшаве, АК, д. 84, л. 34.
² Kula W. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku, s. 353.
³ Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии, с. 151.
⁴ БАН ЛитССР, Ф-43, д. 2165, л. 51.
⁵ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии Литвы в XVI—XVIII вв., с. 14, 119.
⁶ Там же, с. 116, 156.

- 7 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 123, л. 27.
8 ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1039, 111, л. 76—77.
9 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 3, д. 13, л. 3—115; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 46, л. 15—47.
10 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 46, л. 31.
11 Там же, л. 15—16, 24, 31, 35.
12 Там же, л. 16—18, 30, 39.
13 ГАДА в Варшаве, АК, д. 84, л. 18.
14 Там же, л. 105—107.
15 Там же, л. 263.
16 Там же, д. 84, л. 18.
17 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, папка 53.
18 Библиотека Чарторьских в Кракове, Эв. 236, л. 1—3.
19 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 46, л. 37.
20 Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, Эв. 110.
21 Там же.
22 Там же.
23 Там же.
24 Там же.
25 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, п. 33, д. 7.
26 Там же.
27 ВГУ, ОР, А-162, д. 11995.
28 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 71159, л. 317, ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2914, л. 1—2; д. 3186, л. 4, 16—19, 21, 26—27; д. 6151, л. 33; ГАДА в Варшаве, АК, д. 467, л. 293; АР, отд. V, п. 170.
29 Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, Эв. 236; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 306.
30 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 306.
31 Там же, л. 307.
32 Там же, оп. 3, д. 13, л. 48.
33 ГАДА в Варшаве, АК, д. 84, л. 34.
34 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 153.
35 Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, Эв. 110.
36 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 123, л. 27.
37 ГАДА в Варшаве, АК, д. 295, л. 19—20.
38 ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2914, л. 1—2; ГАДА в Варшаве, АК, д. 295, л. 13—15; ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 4—114.
39 ГАДА в Варшаве, АК, д. 295, л. 13—15.
40 ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 3—127, д. 1362, л. 6—8; ГАДА в Варшаве, АК, д. 295, л. 13.
41 ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 7—124.
42 Там же, л. 3—124.
43 Там же, ф. 181, оп. 2, д. 1362, л. 6—8.
44 Там же, д. 1086, л. 13—118.
45 Там же, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 3—127, д. 1362, л. 6—8; ГАДА в Варшаве, АК, д. 84, АР, Отд. XXIII, п. 151, Отд. XVII, д. 46, Отд. V, п. 53.
46 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 3, д. 13, л. 22.
47 Там же, л. 23.
48 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, п. 380, № 15307.
49 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1160.
50 Там же, д. 1157, л. 2.

- 51 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, п. 33, № 6—7.
52 ГАДА в Варшаве, АК, д. 84, л. 255.
53 ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1362, л. 6.
54 ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3186, л. 10.
55 Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 177—178.
56 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1160, л. 266—267, д. 1159, л. 261, 265, 304, д. 1157, л. 23.
57 Там же, д. 1160, л. 232, д. 1159, л. 303.
58 Там же, л. 232, д. 1158, л. 120.
59 Там же, д. 1159, л. 78.
60 ЦГАДА, ф. 385, Литовская метрика, д. 444, л. 89.
61 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1160, л. 266—267.
62 Там же, д. 1159, л. 306.
63 Там же, д. 1157, л. 3—5.
64 Там же, д. 1159, л. 304.
65 Там же, л. 261.
66 Там же, д. 1157, л. 23.
67 Там же, д. 1160, л. 266—267.
68 Там же, д. 1157, л. 3.
69 Там же, д. 1159, л. 303, 304; д. 1160, л. 303.
70 Там же, л. 304, д. 1160, л. 303; Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, Эв. 110.
71 Там же, оп. 3, д. 13, л. 37, 36, 115.
72 Там же, оп. 2, д. 3713, л. 34—37.
73 Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс..., с. 118.
74 Там же.
75 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1728, оп. 2, л. 23, 317; ЦГИА ЛитССР, ф. 1292, оп. 1, д. 34, л. 3; Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Отдел рукописей, ф. 131 (Собрание П. П. Дубровского), д. 26, л. 3—4; Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4471, IV, л. 39—67.
76 ЦГИА ЛитССР, ф. 1292, оп. 1, д. 34, л. 3; ЦГИА БССР в Минске, ф. 1728, оп. 1, д. 2, л. 317.
77 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 146; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1929, л. 43, д. 1930, л. 19.
78 Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4486, IV, л. 31.
79 Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний: Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве Витебска и изданных под ред. архивархуса сего архива Сазонова (далее ИЮМ). Витебск, 1880, вып. XI, с. 497, 515.
80 БАН УССР во Львове, ф. Оссолинских, д. 5163, II, л. 123—128; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, папка 33, д. 7, БВГУ, ОР, А-162, д. 11995.
81 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3713, л. 34—37, оп. 4, д. 1157, л. 23.
82 Там же, оп. 4, д. 1157, л. 3, д. 1156, л. 50—51; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 123.
83 Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс..., с. 129.
84 Там же.
85 Там же, с. 138.
86 Zabko-Potorowicz A. Praca najemna i najemnik w rolnictwie..., s. 121; Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 184.

- ⁸⁷ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 177.
- ⁸⁸ Мелешко В. И. Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией).— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 год. Кишинев, 1966, с. 253; Он же. Из истории аграрных отношений..., с. 81.
- ⁸⁹ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 179, 184.
- ⁹⁰ Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс..., с. 140.
- ⁹¹ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 171, 172.
- ⁹² ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 41—105.
- ⁹³ Там же, д. 1040, л. 4.
- ⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 823, оп. 3, д. 783, л. 2—103; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 452, л. 2; Центральная научная библиотека АН УССР в Киеве, 1, Отдел рукописей (дальше ЦНБ АН УССР в Киеве, ОР), д. 60813, л. 1—5; Мялешка В. I. Аб повай рабоце па дэмаграфіі Літвы і Беларусі XVII ст.—Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1967, № 3, с. 136; Карпачев А. М., Козловский П. Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968 г. Л., 1972, с. 84.
- ⁹⁵ Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi..., s. 216.
- ⁹⁶ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, папка 78.
- ⁹⁷ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 172.
- ⁹⁸ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 284, л. 2—7.
- ⁹⁹ ЦГИА БССР, ф. 1736, оп. 1, д. 32, л. 7; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3806, л. 2, 3, д. 3786, л. 71; ф. 1177, оп. 1, д. 3186, л. 11, 30; БАН ЛитССР, ОР, Е. 43, д. 2165, л. 11, 29.
- ¹⁰⁰ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3186, л. 11, 30.
- ¹⁰¹ Там же, ф. ДА, д. 3806, л. 2.
- ¹⁰² Русско-белорусские связи (сборник документов). М., 1963, с. 371—372.
- ¹⁰³ Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс..., с. 118.
- ¹⁰⁴ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, т. 33, 78, Отд. V, т. 170; ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 711, л. 2—9, д. 1086, л. 41—105.
- ¹⁰⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 317.
- ¹⁰⁶ ИЮМ, вып. XI, с. 515.
- ¹⁰⁷ БВГУ, ОР, А-162, д. 11995.
- ¹⁰⁸ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, п. 33, д. 7.
- ¹⁰⁹ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3186, л. 30.
- ¹¹⁰ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, п. 78.
- ¹¹¹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 711, л. 4, 5.
- ¹¹² Там же, д. 1086, л. 59, 86.
- ¹¹³ Там же, д. 1086, л. 17—20, 24, 28, 42, 62, 71, 84—86.
- ¹¹⁴ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 71, 85, 92.
- ¹¹⁵ Там же, д. 711, л. 2.
- ¹¹⁶ Там же, л. 4.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же, д. 1086, л. 15.
- ¹¹⁹ Там же, л. 100.
- ¹²⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 171, л. 2—5; Похи-

левич Д. Л. ошибочно полагал, что дома в связи с люстрацией для обложения подымным разорили сами крестьяне (Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 185).

¹²¹ В действительности в 1780 г. из экономии бежало большее количество крестьянских семей. В источнике для 5 сел количество беглых не указано (ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 21, 59, 66, 92).

¹²² Там же, л. 17—103.

¹²³ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии..., с. 186.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1728, оп. 1, д. 2, л. 23.

¹²⁶ Там же, л. 317.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3713, л. 34—37.

¹²⁹ Там же, оп. 4, д. 1159, л. 336.

¹³⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1736, оп. 1, д. 32, л. 7.

¹³¹ Там же.

¹³² ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1936, л. 136—138, 161, 183.

¹³³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3981, л. 6.

¹³⁴ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии..., с. 186.

¹³⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 711, л. 3—9. Не исключена возможность, что в число это попали как главы обычных семей, так и малосемейные хозяева, проживавшие в одиночку. В источнике указывается лишь фамилия бежавшего хозяина.

¹³⁶ Там же, л. 2—9, д. 1086, л. 15.

¹³⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1728, оп. 1, д. 2, л. 317.

¹³⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3717, л. 34—37.

¹³⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1736, оп. 1, д. 32, л. 7.

¹⁴⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 711, л. 2—9.

¹⁴¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1012, л. 43; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 172.

¹⁴² Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4471, IV, л. 39—65; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3186, л. 11; Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, с. 383; Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ОР, Собрание П. П. Дубровского, ф. 131, д. 26, л. 3—4.

¹⁴³ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М., 1958, с. 107—108.

¹⁴⁴ Жукович П. Н. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II.— Журнал Министерства народного просвещения, 1915, февраль, с. 293.

¹⁴⁵ Цит. по: Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс..., с. 138.

¹⁴⁶ Pawlik St. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII wieku. Kraków, 1915, t. I, s. 59.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ БАН УССР во Львове, ОР, д. 516, II, л. 55.

¹⁴⁹ БАН ЛитССР, ОР, ф. 43, д. 2134, л. 8.

¹⁵⁰ Pawlik St. Polskie instruktarze ekonomiczne..., t. I, s. 53.

¹⁵¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3713, л. 34—37.

¹⁵² Там же, оп. 4, д. 11, л. 317.

¹⁵³ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 14.

- ¹⁵⁴ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2657, л. 5.
¹⁵⁵ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 173.
¹⁵⁶ Вујак F. Historia osadnictwa. W-wa, 1920, s. 21—22.
¹⁵⁷ Volumina legum. Petersburg, 1859, s. 376; 1860, t. VII, s. 180.
¹⁵⁸ Там же, т. VI, с. 157, 367.
¹⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 408.
¹⁶⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1040, л. 4; д. 1086, л. 15—93; ЦГИА БССР в Минске, ф. 1736, оп. 1, д. 32, л. 7; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3186, л. 30; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 284, л. 2—7.
¹⁶¹ ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3786, л. 71; д. 3802, л. 10, 16, 24, 26—27.
¹⁶² Там же, д. 3786, л. 71.
¹⁶³ Там же, ф. ДА, д. 3806, л. 2.
¹⁶⁴ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1163, л. 26.
¹⁶⁵ ЦГИА ЛитССР, ф. 1292, оп. 1, д. 34, л. 3.
¹⁶⁶ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1163, л. 26.
¹⁶⁷ ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3787, л. 85.
¹⁶⁸ ЦГИА БССР в Минске, оп. 1, кмф. 5, микр. 1766/1.
¹⁶⁹ Копыцкий З. Ю. Новые документы об аграрном строе Белоруссии в XVI—первой половине XVII века.—Советское славяноведение, 1980, № 1, с. 70.
¹⁷⁰ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXIII, т. 33, д. 7.
¹⁷¹ Библиотека Чарторьских в Кракове, ОР, д. 4479, IV, л. 15—16.
¹⁷² Слонимский краеведческий музей, инв. номер 3630/35.
¹⁷³ Там же.
¹⁷⁴ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, п. 170.
¹⁷⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1158, л. 163.
¹⁷⁶ Там же, ф. 694, оп. 2, д. 3981, л. 3, 25.
¹⁷⁷ Там же, ф. 1737, оп. 1, д. 12, л. 617—618.
¹⁷⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1737, оп. 1, д. 12, л. 617—618.
¹⁷⁹ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, т. 76, д. 3407.
¹⁸⁰ ЦГИА БССР в Минске, оп. 1, кмф. 5, микр. 1782/1, л. 196.
¹⁸¹ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 163.
¹⁸² Там же, с. 164.
¹⁸³ ЦГАДА, ф. 389, Литовская метрика, д. 364, л. 653—656.
¹⁸⁴ Там же, л. 656.
¹⁸⁵ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 164.
¹⁸⁶ Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян..., с. 147.
¹⁸⁷ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 164.
¹⁸⁸ Там же, с. 165.
¹⁸⁹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867, т. 3, с. 201.
¹⁹⁰ Там же.
¹⁹¹ Там же.
¹⁹² Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 379.
¹⁹³ Археографический сборник документов..., т. 3, с. 202.
¹⁹⁴ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 380.

- ¹⁹⁵ Там же.
¹⁹⁶ Там же.
¹⁹⁷ Археографический сборник документов..., т. 3, с. 203.
¹⁹⁸ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 167.
¹⁹⁹ Там же.
²⁰⁰ Там же, с. 168.
²⁰¹ Там же, с. 168, 169.
²⁰² Там же, с. 168.
²⁰³ Там же, с. 170.
²⁰⁴ Там же.
²⁰⁵ Там же, с. 170, 171.
²⁰⁶ Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян..., с. 153, 154.
²⁰⁷ БАН ЛитССР, ф. 43, д. 2112, л. 46.
²⁰⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 7, д. 221, л. 33, 34, 42.
²⁰⁹ Pawlik St. Polskie instruktarze ekonomiczne..., s. 70.
²¹⁰ Kula W. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku, s. 349—351.
²¹¹ Там же, 351.
²¹² Там же.
²¹³ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., с. 201.
²¹⁴ Там же, с. 202.
²¹⁵ Там же.
²¹⁶ Там же.
²¹⁷ Там же, с. 203.
²¹⁸ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 407.
²¹⁹ Там же.
²²⁰ Там же.
²²¹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 18, л. 6.
²²² Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 170, 171.
²²³ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1362, л. 10.
²²⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1736, оп. 1, д. 31, л. 473, д. 49, л. 58, 105, д. 50, л. 117.
²²⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 1086, л. 13—106.
²²⁶ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XX, д. 104, л. 8.
²²⁷ Там же.
²²⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 277.
²²⁹ Там же, оп. 2, д. 3981, л. 25.
²³⁰ ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2631, л. 11; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1928; Pawlik St. Polskie instruktarze ekonomiczne..., s. 70.
²³¹ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1928, л. 67.
²³² Там же, л. 69.
²³³ Там же, д. 1932, л. 175.
²³⁴ Pawlik St. Polskie instruktarze ekonomiczne..., s. 70.
²³⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3981, л. 7—8.
²³⁶ Коган Э. С. Очерки истории крепостного хозяйства. М., 1960, с. 33.
²³⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3981, л. 6.
²³⁸ Там же, л. 7.

Глава IV

- 1 М а р а ш Я. Н. Из истории борьбы народных масс..., с. 112.
- 2 Там же, с. 111.
- 3 Там же.
- 4 Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 374.
- 5 Там же, с. 373.
- 6 ИЮМ. Витебск, 1895, вып. 26, с. 454.
- 7 Там же, с. 491.
- 8 Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. Мн., 1972, с. 282—283.
- 9 Там же, с. 283—284.
- 10 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1728, оп. 1, д. 2, л. 22.
- 11 Там же.
- 12 Библиотека Оссолинских во Вроцлаве, ОР, д. 243, II, л. 231.
- 13 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1909, оп. 1, д. 2, л. 2—49.
- 14 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, с. 383.
- 15 М а р а ш Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви..., с. 249.
- 16 Там же.
- 17 Там же, с. 251.
- 18 Там же, с. 248.
- 19 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 1, 44; Слонимский краеведческий музей, инв. № 3630/3.
- 20 М а р а ш Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви..., с. 248.
- 21 Там же.
- 22 К о з л о в с к и й П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 174.
- 23 Археографический сборник документов..., т. 3, с. 203.
- 24 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1737, оп. 1, д. 12, л. 617—618.
- 25 Там же, л. 618.
- 26 Там же.
- 27 Там же, л. 617—618.
- 28 История Беларускай ССР, т. 1, с. 415; Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 394—396.
- 29 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 814, л. 110—111.
- 30 Там же, л. 81—82, 110.
- 31 Там же, л. 110.
- 32 Там же, л. 71—72, 132.
- 33 Там же, л. 71—72.
- 34 Там же, л. 111.
- 35 Там же, л. 71—72.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 402.
- 39 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1155, л. 226—228.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Там же, л. 340.
- 47 Там же, л. 313.

- 48 Там же, л. 312—315.
- 49 Там же, л. 320—323.
- 50 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 306.
- 51 История Беларускай ССР, т. 1, с. 408.
- 52 Там же.
- 53 Там же, с. 409.
- 54 Там же.
- 55 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1158, л. 178, 183.
- 56 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1926, л. 11.
- 57 Там же, л. 10.
- 58 Там же, д. 1928, л. 17.
- 59 Там же.
- 60 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1155, л. 320.
- 61 Там же, д. 1159, л. 265; д. 1158, л. 151, 161, 167—171, 178.
- 62 Там же, д. 1158, л. 169—171.
- 63 Там же, д. 1159, л. 265.
- 64 Там же, д. 1158, л. 159.
- 65 Там же, оп. 2, д. 3982, л. 204.
- 66 Там же, оп. 4, д. 1159, л. 264.
- 67 Там же, д. 1158, л. 159.
- 68 Там же, д. 1159, л. 265.
- 69 Там же, л. 264.
- 70 Там же, д. 1158.
- 71 Там же, д. 1158, л. 161.
- 72 Там же, л. 162.
- 73 Там же.
- 74 Там же, д. 1159, л. 265.
- 75 Там же, д. 1158, л. 178, 183.
- 76 Там же, л. 161.
- 77 Там же, л. 161.
- 78 Там же, л. 161, 183.
- 79 Там же, л. 183.
- 80 Там же.
- 81 Там же, л. 149; д. 1159, л. 9, л. 265.
- 82 Lech M. Wojsko Wielkiego księstwa Litewskiego..., s. 136.
- 83 Там же.
- 84 Там же.
- 85 Там же, с. 136.
- 86 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1909, оп. 1, д. 2, л. 1—71.
- 87 Там же, л. 11.
- 88 Там же.
- 89 Там же, л. 12—13.
- 90 Там же, л. 16.
- 91 Там же, л. 14.
- 92 Там же, л. 16.
- 93 Там же, л. 13.
- 94 Там же.
- 95 Там же, л. 13.
- 96 Там же, л. 19.
- 97 Там же, л. 20.
- 98 Там же.
- 99 Там же, л. 46, 54.
- 100 Там же, л. 1—28.
- 101 Там же, л. 1—2, 8, 48.

- 102 Там же, л. 46—49.
 103 Там же, л. 2, 4.
 104 Там же, л. 2, 5.
 105 Там же, л. 2, 3, 6.
 106 Там же, л. 2, 7, 47.
 107 Там же, л. 7.
 108 Там же.
 109 Там же, л. 4, 5, 7, 49.
 110 Там же, ф. 1736, оп. 1, д. 49, л. 58; ф. 1909, оп. 1, д. 2, л. 47,
 48; ф. 1783, оп. 1, д. 21, л. 29, 30.
 111 Там же, ф. 1909, оп. 1, д. 2, л. 54, 55.
 112 Там же, л. 71; д. 3, л. 45.
 113 Там же, д. 3, л. 20.
 114 Там же, д. 3, л. 27.

Глава V

- 1 Lech M. Wojsko Wielkiego księstwa Litewskiego..., s. 115—132.
 2 Історія Української РСР. К., 1967, т. 1, с. 330.
 3 Там же, с. 332.
 4 Lech M. Wojsko Wielkiego księstwa Litewskiego..., s. 120.
 5 Там же.
 6 Там же.
 7 Там же, с. 123.
 8 Там же, с. 126.
 9 Там же, с. 125.
 10 Там же, с. 127.
 11 Там же, с. 128.
 12 Там же, с. 129—130.
 13 Там же, с. 122.
 14 Там же, с. 130, 131.
 15 Маращ Я. Н. Из истории борьбы народных масс..., с.
 148—149.
 16 Skibiński M. Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję
 austriacką w latach 1740—1745. Kraków, 1913, t. I, s. 407.
 17 Mogzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w
 II połowie XVII wieku, s. 107.
 18 Мелешко В. И. Из истории аграрных отношений..., с.
 60—62.
 19 Там же, с. 68—74.
 20 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1932.
 21 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1932, д. 1936, л. 230.
 В этот процент не вошли оседлые крестьянские хозяйства, которые
 наряду с земледелием занимались также промышленной деятель-
 ностью.
 22 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1932, д. 1936, л. 230.
 23 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982 а, л. 414.
 24 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1936, л. 241.
 25 Там же, л. 62—63.
 26 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 1158, л. 120.
 27 Там же, оп. 4, д. 1159, л. 267—268.
 28 Там же, л. 33.
 29 Там же, л. 128—133.

- 30 Там же, л. 133.
 31 Там же, л. 129.
 32 Там же, л. 130.
 33 Там же, д. 1157, л. 25.
 34 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXVII, д. 123, л. 14, 93.
 35 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1156, л. 50—51.
 36 Там же, л. 50—51.
 37 Там же, д. 1157, л. 3.
 38 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 123, л. 27.
 39 Там же.
 40 Skibiński M. Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję
 austriacką w latach 1740—1745, s. 407.
 41 Шчарбакоў В. Паўстанне сялянства ў Крычаўскім ста-
 ростве, с. 79—80; Он же. Сялянскі рух і казацтва на Беларусі ў
 эпоху феодалізму, с. 125.
 42 Lech M. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzy-
 czewskim (1740 r.), s. 316.
 43 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 12589.
 44 Там же.
 45 Там же.
 46 Там же.
 47 Там же.
 48 Skibiński M. Europa a Polska..., s. 407.
 49 Мейер Андрей. Описание Кричевского графства, с. 91.
 50 ЦГИА УССР в Кневе, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 44.
 51 Там же.
 52 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 137; ГАДА
 в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1936, л. 130.
 53 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1160.
 54 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 12589.
 55 Там же. Пушкари в Кричевском старостве, кроме своих не-
 посредственных функций, обязаны были производить экзекуции.
 56 Там же.
 57 Там же.
 58 Там же.
 59 Там же.
 60 ИЮМ. Витебск, 1888, вып. XVII, с. 280.
 61 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 12589.
 62 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 150.
 63 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, п. 380, № 15307; ЦГИА
 БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1156, л. 332.
 64 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1156, л. 332.
 65 Там же, оп. 2, д. 3982, л. 42.
 66 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 12589.
 67 Там же.
 68 Там же.
 69 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 123, л. 31.
 70 Там же.
 71 Там же.
 72 Там же.
 73 Там же, л. 32.
 74 Там же, л. 34.
 75 Lech M. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzy-
 czewskim (1740 r.), s. 321.

- 76 Там же.
 77 Там же, с. 320—321.
 78 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 3, д. 31, л. 5.
 79 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, п. 449, № 17915.
 80 Там же.
 81 Там же, Отд. XVII, д. 123, № 17915.
 82 Там же, д. 123, л. 29—30.
 83 Там же, л. 37.
 84 Там же, л. 37.
 85 Там же, л. 35.
 86 Там же, л. 36.
 87 Там же, Отд. V, п. 449, № 17915.
 88 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 154, 156.
 89 Там же, л. 108.
 90 Там же, оп. 4, д. 1156, л. 15.
 91 Там же, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 110, 114, 118, 120, 121—122, 125.
 92 Там же, л. 110.
 93 Там же, л. 114, 116, 119.
 94 Там же, л. 120—121, 125.
 95 Там же, л. 108.
 96 Там же.
 97 Шчарбакоў В. Паўстанне сялянства ў Крычаўскім старостве, с. 83.
 98 Там же, с. 87.
 99 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 114—115.
 100 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 123, л. 38.
 101 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 110; оп. 4, д. 1159, л. 253.
 102 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XVII, д. 123, л. 38.
 103 Мельнікаў М. Крычаўскае народнае паўстанне 1740—1744 гг., с. 44.
 104 Там же.
 105 Мельянков Г. С. Народное восстание в Кричевском старостве в 1740—1744 гг., с. 132.
 106 Шчарбакоў В. К. Паўстанне сялянства ў Крычаўскім старостве, с. 83; Горцаў В. М. Барацьба народных мас Беларусі за сваё сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне ў XVIII стагоддзі, с. 71.
 107 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1157, л. 7.
 108 Там же, оп. 2, д. 3982, л. 214.
 109 Там же, л. 154.
 110 Там же.
 111 Там же, оп. 4, д. 1162, л. 4, 11.
 112 Там же, оп. 2, д. 3982, л. 152.
 113 Там же, л. 162.
 114 Там же, л. 162.
 115 Там же, л. 219—222, 223—224.
 116 Там же, л. 219—222.
 117 Там же, л. 223—224.
 118 Там же, л. 152.
 119 Там же, л. 219—222.
 120 Там же, л. 219—222, 223—224.
 121 Там же, л. 219—224.

- 122 Там же, л. 219—222.
 123 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, п. 170.
 124 Там же.
 125 Там же.
 126 Там же.
 127 Там же, п. 170.
 128 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 206.
 129 ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXVII, № 122.
 130 Там же.
 131 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 1156, л. 15.
 132 Там же, д. 3982, л. 206; ф. 1812, оп. 1, д. 2, л. 47.
 133 Там же, оп. 2, д. 3982, л. 226.
 134 Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 390.
 135 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 221; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, п. 170.
 136 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 219—222.
 137 Там же, л. 221.
 138 Там же, ф. 1812, оп. 1, д. 4, л. 388.
 139 Там же, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 220.
 140 Там же, л. 221.
 141 Там же, л. 220.
 142 Там же, ф. 1912, оп. 1, д. 4, л. 388; оп. 2, д. 3982, л. 220.
 В XVII томе историко-юридических материалов (с. 288) этот документ опубликован с ошибкой. Вместо «Воцילו уступил грунту» напечатано: «Воциле уступили грунту». М. Лех, ссылаясь на указанный опубликованный документ, сделал неправильный вывод, утверждая, что «Техановецкий раздавал свои земли руководителям крестьянского движения и, в частности, Воциле уступил в Хославском старостве грунту на 200 крестьян» (Lech M. Powstanie chłopów białoguskich w starostwie Krzyczewskim (1740 г.), s. 319).
 143 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 221.
 144 Там же, ф. 1812, оп. 1, д. 4, л. 388.
 145 Там же, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 219—221.
 146 Там же, л. 219.
 147 Там же, ф. 1812, оп. 1, д. 3, л. 76.
 148 Там же, л. 296—297.
 149 Там же, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 250.
 150 Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 392.
 151 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 226.
 152 Там же.
 153 Мельянков Г. Народное восстание в Кричевском старостве в 1740—1744 гг., с. 132.
 154 История БССР. Мн., 1961, т. 1, с. 222; Лочмель И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа..., с. 68. На протяжении всего периода борьбы в старостве (1740—1744 гг.) в Кричеве находилась хоругвь, в составе которой имелось не более 20 солдат. Но по свидетельству документов она действительных мер в подавлении выступлений крестьян не принимала даже в самый критический момент — в январе 1744 г. (ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, д. 11665).
 155 ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 212.
 156 Там же, оп. 4, д. 1156, л. 332.
 157 Там же, л. 331, 332.
 158 Мельнікаў М. Крычаўскае народнае паўстанне 1740—1744 гг., с. 45.

- ¹⁵⁹ Лочмель И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа..., с. 67; История БССР. Мн., 1961, т. 1, с. 223; Мельянков Г. Народное восстание в Кричевском старостве в 1740—1744 гг., с. 131.
- ¹⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 352.
- ¹⁶¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 392.
- ¹⁶² Lech M. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyczewskim (1740 г.), s. 319.
- ¹⁶³ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 11665. В письме Радзивилла русскому форпосту, отправленному из Кричева 13 февраля 1744 г., указывается, что Василий Вошило «завербовал к себе» более 10 тыс. человек (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 14).
- ¹⁶⁴ ГАДА в Варшаве, АР, п. 170, № 7887.
- ¹⁶⁵ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 6, 25.
- ¹⁶⁶ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 11665.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Надуманной является версия Г. С. Мельянкова, утверждавшего, будто до прихода войска Радзивилла в староство восставшие находились в Кричевском замке, а при подходе войска к Кричеву они оставили замок и вышли навстречу своему противнику, чтобы дать бой (Мельянков Г. Народное восстание в Кричевском старостве в 1740—1744 гг., с. 133).
- ¹⁶⁹ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 11665; В письме Радзивилла командованию русского форпоста от 13 февраля 1744 г. число крестьян, атаковавших кричевский замок, определяется в 7 тыс. человек (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 14).
- ¹⁷⁰ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 11665.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Гильтебрандт А. П. Васко-Вошило, внук Богдана Хмельницкого, с. 523—524; Lech M. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyczewskim (1740 г.), s. 326.
- ¹⁷⁷ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 26.
- ¹⁷⁸ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 11665.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 58.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же, л. 44.
- ¹⁸³ Там же, л. 1, 56.
- ¹⁸⁴ Там же, л. 1—2.
- ¹⁸⁵ Там же, л. 6.
- ¹⁸⁶ Там же, л. 24.
- ¹⁸⁷ Там же, л. 5.
- ¹⁸⁸ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 12.
- ¹⁸⁹ Там же, л. 29.
- ¹⁹⁰ Там же, л. 31.
- ¹⁹¹ Там же, л. 50—53, 65.
- ¹⁹² Там же, л. 65.
- ¹⁹³ Там же, л. 222.
- ¹⁹⁴ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 11665.

- ¹⁹⁵ Там же.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ Скорее всего это было 13 февраля, ибо уже в этот день Радзивилл отправил из Кричева письмо на русский форпост с просьбой выдать ему Вошилу (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 14).
- ¹⁹⁸ Kottubaj E. Galeria Nieswieska portretów Radziwiłłowskich, s. 426; Skibiński M. Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję austriacką w latach 1740—1745, s. 408.
- ¹⁹⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, д. 3982, л. 228—229.
- ²⁰⁰ Там же, л. 226—229.
- ²⁰¹ Там же, л. 226.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 393.
- ²⁰⁵ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 25.
- ²⁰⁶ Лочмель И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа..., с. 68.
- ²⁰⁷ Мельянков Г. Народное восстание в Кричевском старостве в 1740—1744 гг., с. 134.
- ²⁰⁸ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, № 11665.
- ²⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 435.
- ²¹⁰ Там же.
- ²¹¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 59, оп. 1, д. 1176, л. 27.
- ²¹² Там же, д. 1152, л. 8.
- ²¹³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1812, оп. 1, д. 2, л. 533, оп. 2, д. 3982, л. 234, 523; ГАДА в Варшаве, АР, Отд. V, д. 1936, л. 241.

Заключение

- ¹ Абецедарский Л. С. Борьба белорусского народа за соединение с Россией (вторая половина XVI—XVIII в.). Автореф. Дис. ... д-ра ист. наук. Мн., 1965, с. 24.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 314.
- ³ Там же, с. 185.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 356.
- ⁵ Там же, с. 359.
- ⁶ Там же, с. 363.
- ⁷ ГАДА в Варшаве, АР, Отд. XXV, д. 1936, л. 230.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 312—313.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 311.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 357.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 371.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 406.

КРАТКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

- Бобыли** — категория безземельных крестьян в Белоруссии.
- Гиберна** — денежный побор, взимаемый с крестьян на содержание войска в зимнее время.
- Главный трибунал Великого княжества Литовского** — высший апелляционный орган в Великом княжестве Литовском, создан в 1581 г. по образцу трибунала Коронного. Рассматривал светские и духовные дела.
- Гулятя** — пренебрежительное название обедневших групп населения.
- Державца** — управитель или временный владелец территории, входившей в состав государственных и королевских владений.
- Дякло** — вид продуктовой феодальной ренты за земельный надел, которым пользовались крестьяне. Обычно оно было зерновое (рожь, овес, ячмень).
- Диспозитор** — распорядитель в имении, фольварке.
- Дым** — дом и двор одного владельца, податная единица.
- Жерновое** — денежный побор, взимаемый с крестьян за право иметь жернова.
- Записное** — денежный побор, взимаемый с крестьян обычно при уплате чинша, а в ряде владений и при сдаче натурального оброка.
- Капитул** — духовный совет при епископе.
- Кварта** — четвертая часть дохода, поступающая в государственную казну на содержание войска.
- Ключ** — часть крупного владения, охватывающая несколько или более десятка населенных пунктов и составляющая отдельную хозяйственную единицу. Ключи обычно встречались в королевских экономиях.
- Коморники** — обедневшие крестьяне или горожане, не имевшие земли, жилья и проживавшие в чужих домах.
- Куница** — денежный побор, взимаемый с крестьян за право выдать замуж дочь в другое владение.
- Люстрация** — ревизия владений. Производилась главным образом государственных владений (староств) с целью определения общего их дохода и установления кварты (см. кварта).
- Магистрат** — орган городского самоуправления.
- Огородники** — категория малоземельных крестьян, владевших небольшими приусадебными участками земли.
- Повет** — административно-территориальная единица в Речи Посполитой, составлявшая часть воеводства.

Подорожчина — денежный побор, взимаемый с крестьян вместо подводной повинности.

Подстолий — почетная должность при дворе великого князя, позднее почетное звание в Речи Посполитой.

Подымное — государственный налог, взимаемый с каждого двора, дома (дыма).

Посессор — арендатор.

Пушкарь — воин при пушке, он же и ремесленник. Изготавливал порох, снаряды, ремонтировал орудия. Пушкари нередко использовались феодалами в качестве полицейской силы.

Серебщина — чрезвычайный военный налог, побор, взимаемый с крестьян и городского населения.

Ссыпка (осыл) — натуральная повинность крестьян сверх зернового дякла.

Суд ассессорский — королевский или задворный суд, рассматривавший апелляции на решения магистратских судов, дела, относящиеся к королевским владениям.

Суд гродский — шляхетский суд, рассматривавший уголовные и некоторые гражданские дела. Был в каждом повете, возглавлялся старостой «гродовым» или его заместителем — предстаростой. Апелляция на решение гродского суда подавалась в Главный трибунал Великого княжества Литовского.

Суд земский — шляхетский суд, рассматривавший поземельные и другие имущественные и гражданские дела. Высшей инстанцией земского суда являлся Главный трибунал Великого княжества Литовского.

Суд каптуровый — чрезвычайный суд, действовавший во время бескорольевья. Рассматривал уголовные дела и дела, связанные с общественной безопасностью. Существовал с 1572 по 1768 г.

Суд комиссарский назначался королем для рассмотрения споров между администрацией или державцами королевских имений, государственными крестьянами, частными владельцами и магистратами. Апелляция подавалась в Задворный ассессорский суд Великого княжества Литовского.

Суд магистратский — судебный орган в городах, имевших самоуправление по магдебургскому праву. Рассматривал дела мещан.

Суд референдарский — королевский, или задворный, суд, рассматривавший взаимные спорные дела между крестьянами королевских владений и их старостами и державцами.

Толока — вид повинности крепостных крестьян, обязанность массового выхода на господский двор, жатву, сенокос и др.

Чинш — денежный оброк, взимаемый за пользование землей.

Шарварк — повинность крестьян ремонтировать старые и строить новые дороги, мосты, плотины, дамбы и др.

Эконом — управитель государственного и королевского имения.

Экономии (столовые, или королевские) в Великом княжестве Литовском. Образованы в 1589 г. из государственных владений. Доход от них поступал в королевскую казну и предназначался на содержание королевского стола.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Историография, источники	6
Глава II. Социально-экономические предпосылки классовой борьбы	20
1. Экономическое положение крестьян	20
2. Правовое положение и повинности крестьян	42
Глава III. Невооруженная борьба крестьян	80
1. Крестьянские жалобы	80
2. Бегство крестьян	103
3. Отказ крестьян от выполнения повинностей	126
Глава IV. Вооруженные выступления крестьян	144
1. Нападения на имения. Расправа с феодальной администрацией и шляхтой	144
2. Вооруженные столкновения крестьян с воинскими отрядами	153
Глава V. Крестьянские восстания	170
1. Восстание на Каменщине	170
2. Восстание в Кричевском старостве	174
Заключение	219
Литература	227
Краткий терминологический словарь	252

ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧ МЕЛЕШКО

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII—XVIII в.

Редактор А. С. Пекарский
Художественный редактор Л. И. Усачев
Технический редактор С. А. Курган
Корректор Т. В. Стречень
ИБ № 1115

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. Сдано в набор 18.01.82. Подписано в печать 16.04.82. АТ 05582. Формат 84×108^{1/2}. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,7. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 1250 экз. Зак. № 121. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука и техника» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 220600, Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника», 220600, Минск, Ленинский проспект, 68.

Мелешко В. И.

М 47 Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII—XVIII в. / Науч. ред. З. Ю. Копыцкий.— Мн.: Наука и техника, 1982.—254 с.

В пер.: 1 р. 50 к.

На обширном фактическом материале показано тяжелое положение белорусского крестьянства и его борьба против феодального гнета, широко освещается восстание в Кричевском старостве.

Рассчитана на историков, музейных работников, краеведов, тех, кто интересуется историей Белоруссии.

0505040000—064

М—10—81

М316—82

ББК 63.3(2Б)46
9(С)14